

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Татаурова Дарья Михайловна

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ ПОДДАНСТВО И ГРАЖДАНСТВО
В КОНСТИТУЦИОННОМ ИНТЕРТЕКСТЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Т. Е. Литвиненко

Иркутск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ИНТЕРТЕКСТА.....	11
1.1. Понятийно-терминологический аппарат современных интертекстуальных исследований	11
1.2. Лингвистические особенности конституционного дискурса	40
1.3. ГРАЖДАНСТВО, ПОДДАНСТВО и смежные дискурсивные понятия.....	55
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	67
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ NATIONAL И СМЕЖНЫХ ЕДИНИЦ В БРИТАНСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ИНТЕРТЕКСТЕ.....	69
2.1 Понятия британского конституционного интертекста в современной дискурсивной реализации.....	69
2.2. Изменения семантики понятий NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT в британском конституционном интертексте.....	77
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	112
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ ПОДДАННЫЙ И ГРАЖДАНИН В КОНТИНУУМЕ ИНТЕРТЕКСТА РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.....	114
3.1. ПОДДАННЫЙ vs. ГРАЖДАНИН как интертекстуальные понятия ...	115
3.2. Изменения структуры понятия ГРАЖДАНИН в российском конституционном интертексте.....	127
3.3. Сравнение понятийных структур ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН в российском и британском интертекстах	160
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	175

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	194
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	195

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению эволюции политико-юридических понятий ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP, а также способов их ментальной и знаковой репрезентации в Основных законах России и Великобритании как в интертекстах.

Актуальность связана с необходимостью дальнейших лингво-когнитивных исследований интертекстов разных типов, вносящих вклад в получение новой информации об их языковых и понятийных составляющих. Она также обусловлена существующей научной потребностью в

- изучении эволюции текстов и дискурсов, осуществляемой с позиции современных представлений о референции;
- дальнейшем анализе лингво-когнитивных механизмов преобразования класса претекстов в интертекст;
- описании причин семантических сдвигов языковых единиц в интертексте;
- дальнейшем исследовании деривационной семантики интертекстуальных единиц.

Гипотеза данного исследования заключается в предположении о том, что современные специальные понятия ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP, и их субъектно-ориентированные репрезентанты ПОДДАННЫЙ, ГРАЖДАНИН, NATIONAL, SUBJECT и CITIZEN являются продуктом ряда семантических изменений, обусловленных трансформациями в политико-правовой картине мира российского и британского языкового сообществ. Семантическое развитие изучаемых понятий и терминов реализуется в конституционном интертексте при помощи цитации как основного механизма межтекстовой связи.

Цель работы заключается в исследовании генезиса и соотношения понятий ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP в российском и британском конституционных интертекстах.

Данная цель выполняется посредством решения *задач*:

- рассмотреть теоретические положения в области исследования интертекста как интердисциплинарного лингвистического явления;
- обосновать выбор теоретических и методологических направлений исследования в рамках когнитивной лингвистики и определить параметры исследования понятий как базовых цитат интертекста;
 - описать механизм цитации как инструмент формирования интертекста;
 - идентифицировать конституционный интертекст как особый тип интертекста и проанализировать его особенности;
 - изучить эволюцию понятий ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP и определить её этапы посредством анализа данных понятий как основных единиц конституционного интертекста и базовых констант российской и британской политико-юридической картины мира;
 - верифицировать гипотезу исследования путём выявления специфики употребления субъектно-ориентированных понятий ПОДДАННЫЙ, ГРАЖДАНИН, NATIONAL, SUBJECT и CITIZEN в российских и британских конституционных интертекстах в диахроническом аспекте.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области теории интертекста и дискурса (Ю. Кристева, Р. Барт, Р. Богранд, В. Дресслер, У. Эко, Н. Фэрклоф, Ж. Женетт, М. Рифатерр, Т. Е. Литвиненко, И. В. Арнольд, Б. М. Гаспаров, Г. В. Денисова, И. П. Ильин, А. В. Кремнева, Н. А. Кузьмина, Ю. М. Лотман, В. П. Москвин, Н. С. Олизько, Н. В. Петрова, К. П. Сидоренко, И. П. Смирнов, Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская), прецедентности (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, Л. В. Моисеенко, Г. Г. Слышкин), лексической и когнитивной семантики, направленной на изучение прототипического подхода к анализу значения, проблем синонимии и многозначности (Э. Рош,

Дж. Лакофф, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, И. М. Кобозева, М. А. Кронгауз, Е. В. Падучева, В. М. Хантакова), политического и юридического дискурсов (Т. ван Дейк, М. Фуко, Н. Д. Голев, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, А. М. Каплуненко, О. А. Крапивкина и др.).

Объектом работы является интертекст конституций России и Великобритании, *предметом* данного исследования являются специальные понятия ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP и конкретизирующие их семантику субъектно-ориентированные конституционные понятия ПОДДАННЫЙ, ГРАЖДАНИН, NATIONAL, SUBJECT и CITIZEN.

Материалом исследования служат тексты конституций России и Великобритании.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- рассмотрена проблема соотношения понятий ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP и их субъектно-ориентированных репрезентантов ПОДДАННЫЙ, ГРАЖДАНИН, NATIONAL, SUBJECT и CITIZEN в конституциях России и Великобритании;
- разработаны модели лингво-когнитивной структуры рассматриваемых понятий и терминов с точки зрения их интертекстуальной обусловленности;
- доказано, что понятия ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP, подвергшись дискурсивной эволюции, играют одну из ведущих ролей в становлении актуальных конституционных интертекстов;
- определены основные аспекты эволюции политико-правовой картины мира россиян и британцев.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она вносит вклад в изучение интертекста как кодифицирующего языкового и

дискурсивного феномена, а также в исследование проблемы эволюции специальной лексики языка, в частности терминов юридического и политического дискурсов и порождающих их понятий и категорий.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что приведённые в ней результаты могут быть использованы в учебных курсах по лексикологии и лингвокультурологии, в спецкурсах по интертекстуальности, по политической и юридической лингвистике. Выдвинутые положения могут быть применены для дальнейшего исследования состава когнитивных структур конституционных терминов как семантически продуктивных единиц интертекста.

Основными методами исследования, используемыми в диссертации для обработки материала, служат дескриптивно-аналитический, интертекстуальный, сравнительно-сопоставительный, методы дефиниционного и компонентного анализа, а также метод лингвокогнитивного анализа понятий и категорий.

На защиту выносятся следующие *положения*:

1. Конституционный интертекст есть один из видов институциональных интертекстов, отображающих изменения политико-правовой картины мира национального лингвокогнитивного сообщества. Он представляет собой синтез политических и юридических категорий и способов их языковой номинации на разных этапах становления государства. Конституционный интертекст есть конструкт, объективирующий Основной Закон как систему цитат, осуществляющих референцию к классу претекстов: утратившим силу редакциям Конституций и иным политическим и юридическим документам.

2. Понятийные категории ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО и NATIONALITY и CITIZENSHIP составляют основу конституционного интертекста. В национальных интертекстах Великобритании и России они реализуются, главным образом, через конкретизирующие их понятия и термины: «подданный», «гражданин» и «national», «subject», «citizen». Каждый из терминов, репрезентирующих соответствующие понятия,

многозначен. Его прототипическое значение указывает на социальную и политическую привилегированность референта, отмеченную в сигнификате языковой единицы. Наличие периферийных значений терминов обусловлено отсутствием или неполнотой выраженности прототипических признаков в их сигнификате.

3. Наличие в дефинициях терминов «подданство» и «гражданство», «nationality» и «citizenship» общего предикативного элемента «политико-правовая связь субъекта и государства» позволяет рассматривать их в качестве интертекстуальных синонимов в структуре британских и российских конституций. На синонимические отношения между единицами также указывает совпадение ряда прототипических признаков в сигнификатах «подданный», «гражданин» и, соответственно, «national», «citizen», «subject».

4. Эволюция исследуемых понятий и терминов в российском и британском интертекстах демонстрирует две общие тенденции в изменении их семантики. К ним относятся: а) расширение прототипического сигнификата понятий ГРАЖДАНИН и NATIONAL при одновременной редукции признаков у их периферийных значений; б) уменьшение количества периферийных вариантов полисемантов и, таким образом, движение к моносемии.

5. Сопоставление современных употреблений ГРАЖДАНИН и NATIONAL в интертекстах позволяет установить их языковые отличия. Если российскому понятию соответствует одно терминологическое имя, реализующееся в любых семантических ролях, то английское выполняет родовую гиперонимическую функцию, обозначая сам факт наличия связи человека и государства. Характер политико-правовых отношений кодифицируется в английском интертексте прототипическим гипонимом «citizen», имеющим признаки «избирательное право» и «право проживания» и периферийным гипонимом «subject», включающим только признак «право проживания».

Структура диссертационного исследования

Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников примеров.

Во *введении* обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель и задачи работы, предмет, объект и материал исследования, указываются методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации полученных результатов.

В *первой главе* «Теоретические основы исследования конституционного интертекста» осуществляется рассмотрение вопросов, касающихся определения сути интертекстуального подхода; современного понимания термина *интертекст*, его соотношения с текстом и дискурсом; раскрытия основных понятий, связанных с функционированием интертекста в целом и цитат как единиц интертекста; освещение роли претекста как генетического фактора образования интертекста, а также его связи с социумом и культурой. Кроме того, в первой главе анализируется феномен сущности конституционного интертекста, описываются его свойства как синкретичного продукта юридического и политического дискурсов; раскрывается связь между понятиями ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP и смежными семантическими единицами.

Во *второй главе* «Эволюция специального понятия NATIONAL и смежных единиц в британском конституционном интертексте» проводится детальное исследование структуры данного понятия, его синонимов и актуализирующих их терминов в эволюционном аспекте.

Третья глава «Развитие специальных понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН в континууме интертекста российской Конституции» посвящена лингвокогнитивному анализу понятийных категорий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН в динамике их поэтапной дискурсивной репрезентации.

Заключение содержит основные результаты и выводы проведенного исследования.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде сообщений и докладов на всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук» (Москва, РУДН, 2021); VIII Международной конференции по психолингвистике и теории коммуникации «Жизнь языка в культуре и социуме-8» (Москва, Институт языкознания РАН и РУДН, 2021), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики» (Иркутск, ПИ ИГУ, 2021); в научно-практической конференции «Неделя науки ИФИЯМ ИГУ - 2021».

По теме диссертации опубликованы 3 работы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ИНТЕРТЕКСТА

1.1. Понятийно-терминологический аппарат современных интертекстуальных исследований

Интертекстуальный подход во многом приобрёл свою актуальность благодаря пансемиотической эволюции в сфере гуманитарных дисциплин, которая провозгласила, что человек семиотирует все явления мира, к которым он имеет отношение. Текст в таком случае представляет собой продукт семиозиса, вбирающий в себя осмысление этих феноменов и процессов взаимодействия с ними, что описывается метафорой «Мир – это текст», однако справедливо и обратное высказывание «Текст – это мир», то есть текст является целым миром, где отражается означенная человеком действительность, которая благодаря субъективизации может иметь разную степень соответствия объективной реальности и является частью картины мира автора текста [Литвиненко 2008в: 7, 2008г: 94].

Существует целая парадигма, реализующаяся посредством междисциплинарной группы терминов, имеющих корень «-текст» и включающая в себя более пятидесяти терминов. Данные термины объединяются общими компонентами значения и функциями, которые реализуют данные термины как специальные мотивированные знаки, служащие для обработки понятия «текст» и оперирования им с научной точки зрения. Эта терминологическая структура актуализирует сложный процесс создания и развития текста как окончательного продукта; характеризует текст как систему, обладающую комплексной структурно-смысловой организацией и как феномен, выходящий за собственные рамки благодаря развитой системе отношений с другими текстами. Интертекст в том числе является членом междисциплинарной группы терминов парадигмы «-текст», следовательно, он репрезентирует определённую часть функционала понятия «текст», а именно его комплексное происхождение,

основывающееся на трансформации своих источников; многокомпонентную структуру текста как следствие такого генезиса; и наличие связей между итоговым текстом и другими текстами [Литвиненко 2006, 2008б, 2008в: 6, 2008г: 94].

Представляется необходимым рассмотреть понятие текста – терминологической основы интертекста. С точки зрения одного из самых авторитетных представителей семиотического подхода, заложивших фундамент когнитивной парадигмы в лингвистике, Е. С. Кубряковой, текст объективируется как «единый сложный знак, помещённый в особую среду и сам характеризующийся своим особым материальным субстратом» [Кубрякова 2001: 510].

Несомненно, в современной когнитивной лингвистике разрабатывается множество проблем, актуализирующих процесс познания языка с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы, в рамках которой рассматриваются механизмы категоризации и концептуализации мира человеком для выстраивания системы знания о мире [Кубрякова 2001].

Для изучения обширного круга этих вопросов учёными были введены различные методы исследования, позволяющие изучить ментальные процессы посредством языка, в числе которых компонентный анализ, психолингвистический анализ, фреймовый подход, лингвокультурологический анализ и др.

В целях характеристики феномена текста в рамках когнитивного направления как основополагающего в современной науке, на наш взгляд, среди современных методов исследования когнитивной семантики необходимо рассмотреть прототипический подход. В целом, в нашем исследовании мы останавливаемся именно на данном методе исследования когнитивной лингвистики, что обусловлено спецификой предмета и объекта работы. Преимущества данного подхода, о которых будет сказано далее, определяют его основополагающую роль в данной работе.

Традиционным, ведущим свою историю ещё с учения Аристотеля о признаках вещей, является инвариантный подход, при котором обязательен семантический инвариант понятия как объединение всех его базовых признаков, обязательных для каждого объекта, тем или иным образом эксплицирующего данное понятие. Другими словами, с точки зрения классического подхода родовое понятие и соотносящаяся с ним категория как когнитивная структура обладают определённым, неизменным набором обязательных для каждого своего члена признаков, актуализирующих сущность феномена или объекта. Тем не менее, учёными было выявлено, что данный тип представления понятийной категории не всегда применим ввиду реального разнообразия объектов и явлений: за пределами понятия оказываются объекты, практически функционирующие в его рамках, но не соответствующие в полной мере жёстко определённому набору его свойств. Кроме того, исследователи выдвигают разные критерии, определяющие необходимый набор признаков, ввиду чего не получается вывести единое универсальное значение и дефиницию понятия, равно как и единый набор характеристик, из-за чего одно понятие понимается как отсылка к разным объектам на равных условиях [Литвиненко 2007: 120-121, 2008в].

Данные проблемы послужили предпосылкой для всё более частого обращения к прототипическому подходу в аспекте когнитивной парадигмы [Rosch 1975, 1976, 1978], который позволяет рассмотреть всё множество объектов, так или иначе соотносящихся с изучаемым понятием, без ограничений, накладываемых строгой категоризацией, при которой мыслительная категория имеет чёткий перечень признаков. Прототипический подход предполагает отбор эталонных семантических компонентов слова, в нужной мере отражающих его сложную понятийную основу; на первый план выходит специфика познания человека, а не собственно языковая организация понятия [Кобозева 2000; Кубрякова 2004; Литвиненко 2007].

Следуя прототипическому подходу в данном исследовании, мы, в том числе, опираемся на работу И. М. Кобозевой «Лингвистическая семантика».

Несмотря на то, что некоторые ученые признают лингвистические термины «инвариант» и «прототип» тождественными, или ставят их в рамки гипогиперонимических отношений, в процессе рассмотрения понятий и их имён мы будем придерживаться понимания инварианта как абстракции, по сути, не репрезентируемой во всех лексических единицах, соответствующих многозначному специальному понятию.

Нужно учесть, что с позиций данного подхода референты, или объекты реальной действительности, могут быть связаны с понятием не только при наличии всего нужного набора свойств у каждого из них, но и на основе своего частичного соответствия прототипическому денотату, т. е. референту, которому соответствует центральный элемент в структуре понятия, выстраивающий иные её члены вокруг себя. В такой структуре элементы не обладают равным положением и едиными свойствами, их признаки могут иметь разную степень интенсивности; в то же время внутренним и внешним границам понятия присущи нечеткость и размытость [Болдырев 2001; Кобозева 2000: 160; Кронгауз 2005: 114–117; Кубрякова 2001: 308–314; Lakoff 1987; Rosch 1975, 1976, 1978].

Существует точка зрения, исходя из которой, концепт и понятие взаимозаменяемы. Например, Ю. С. Степанов отождествляет понятие, категорию и концепт, что, в частности, было описано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой [ЛЭС: 383–385].

Однако, распространён и другой взгляд на данную проблему, где концепт и понятие актуализированы как единицы разного порядка. Согласно Н. Н. Болдыреву, понятие отражает общие существенные признаки, выделенные по логическому критерию в результате теоретического осмысления. Концепт же есть итог когниции, или обыденного познания, включающий в том числе второстепенные, субъективные характеристики [Болдырев 2001: 24]. Определение концепта как целостной, простой оперативной единицы мыслительного процесса в виде гештальта было выведено авторитетным исследователем в области когнитивной лингвистики

Е. С. Кубряковой [Кубрякова 316]. На историческое тождество понятия и концепта указывал В. З. Демьянков в работе «Термин «концепт» как элемент терминологической структуры», но, с его точки зрения, которая имеет общие аспекты с вышеописанными взглядами на данные лингвокогнитивные единицы, в современном понимании концепт есть мыслительная единица, включающая все аспекты «содержательной стороны словесного знака», понятие же «фиксирует существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними». Понятие касается определённой сферы бытия человека, и обусловлено общественными и историческими факторами, «социально осмысляемое» и «соотносимое с другими понятиями». Понятие – базовый материал для концепта, обладающий потенциалом для того, чтобы «дифференцироваться» и образовывать «разнообразные словесные оттенки и переносы» [Демьянков 2007: 607]. Понятия «конструируются», а концепты «реконструируются», то есть первые служат для универсализации феноменов или предметов, для того, чтобы представлять референт, единый для всех, во избежание разногласий при коммуникации, «чтобы иметь общий язык», то есть понятие – продукт договорённости, в какой-то мере, созданный искусственно [Демьянков 2007: 617]. Концепты же, напротив, не являются результатом целенаправленной деятельности по установлению, выведению унифицированной ментальной единицы, а стихийно отражают нечто уже существующее само по себе, просто актуализируя явление в его чистом виде. На основе концепта как первичного когнитивного элемента может быть сконструировано понятие [Демьянков 2007].

Исходя из представленных взглядов на соотношение и сущность понятия и концепта, мы предполагаем, что в конституционном дискурсе как продукте рационального осмысления политической и юридической картины мира в законодательном, институциональном ракурсе, таким образом, базовыми ментальными единицами являются понятия, а не концепты, поскольку они, по большей части, не включают субъективное, обыденное,

вторичное по значимости, и имеют относительно сложный состав, который не может быть сведён к гештальту. Когнитивные элементы, составляющие базу интертекста Конституции, в том числе ГРАЖДАНСТВО, ПОДДАНСТВО и CITIZENSHIP, NATIONALITY суть итоги договорённости, в данном случае – о том, что именно понимать под отношениями между государством и человеком, и какими качествами могут обладать эти отношения, а также каким образом они могут варьироваться. Эти единицы, принятые как конечный итог соглашения, кодифицируются официально в виде терминов-цитат, с помощью чего декларируется единое для лингвокогнитивного сообщества содержание понятия. Несмотря на то, что, согласно Е. С. Кубряковой, концепт как ментальная единица также может быть представлен как концептуальная категория/структура в целях его изучения и рассмотрения его функций, ввиду логически-рациональной природы понятия, соответствующей интертексту Основного Закона, мы будем рассматривать понятийные категории и понятийные структуры.

Итак, понятие (можно уточнить, что здесь имеется в виду родовое, общее понятие) предстаёт как когнитивная структура, как система элементов (репрезентантов родового понятия/когнитивной структуры), или более узких понятий, которые так или иначе соответствуют понятию родовому, входят в него. Опираясь, в том числе, на концепцию Ю. С. Степанова, который представляет категорию как «любую группу языковых элементов, выделяемую на основании какого-либо общего свойства» [ЛЭС: 215], а понятийную категорию как «замкнутую систему значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения» [ЛЭС: 216], «смысловой компонент общего характера, свойственный не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемый в естественном языке разнообразными средствами» [ЛЭС: 385]), эту структуру в нашем понимании можно также обозначить как «понятийная/прототипическая категория».

Понятие/понятийную категорию как ментальную единицу непосредственно в языке репрезентирует имя, знаковая единица, или, поскольку наше исследование напрямую затрагивает специальный дискурс – термин. Это специальное имя, актуализирующее родовое понятие/понятийную категорию, является родовым термином (гиперонимом), а имена, объективирующие составные элементы этой категории, соответственно, термины более узкие (гипонимы), репрезентирующие различные значения общего термина.

Для реализации прототипического подхода необходимо осуществление двух последовательных исследовательских операций: выводится перечень существенных признаков, т. е. сигнификат специального имени понятия; и конституируется объект материального мира, обозначаемый рассматриваемым термином, другими словами, определяется его актуальный денотат или референт. Разумеется, если сигнификат как набор признаков и референт как реальный объект соотносятся с именем, то они в той же мере автоматически соотносятся и с понятием, которое стоит за этим именем. Далее выделяется прототипический денотат (референт), или эталон среди множества объектов, входящих в рассматриваемое понятие, и прототипический сигнификат, который представляет собой набор признаков, характерных для данного эталона.

Разграничение элементов когнитивной структуры позволяет представить ее как поле радиального вида [Lakoff 1987; Болдырев 2001: 78], с выделением центра (ядра) и периферии: в ее центральной части находятся элементы поля, сигнификат которых обладает полным набором эталонных признаков. Околоядерная зона объединяет в себе те элементы, сигнификату которых присуще большинство прототипических признаков, а на периферии расположены элементы с преобладанием непрототипических свойств в сигнификате. При этом количество прототипических признаков варьируется у разных единиц в одном и том же сегменте поля. Это позволяет выделить в различных зонах несколько семантически неэквивалентных сегментов, а также охарактеризовать имя, соответствующее понятию в целом, как

многозначный термин [Болдырев 2001: 78; Кобозева 2000; Кубрякова 2001: 308–314; Литвиненко 2012б].

В данном параграфе мы остановимся на кратком описании текста в рамках прототипического подхода. Ниже мы обратимся к характеристике исследуемых понятий ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО и NATIONALITY, CITIZENSHIP посредством выбранного подхода, где будет подробнее описан состав когнитивной структуры понятия и критерии выделения её частей на примере изучаемых единиц (Параграф 1.3, стр. 54–56).

Текст – «особый материальный объект, реализованный в завершённой форме» [Кубрякова 2001: 506], «единый сложный знак, помещённый в особую среду» [Кубрякова 2001: 510]. Понятие ТЕКСТ, представленное как прототипическая структура, включает в себя различные объекты, так или иначе соотносимые с данной ментальной единицей: ядро категории «текст» будут составлять референты, обладающие эталонным сигнификатом, представленным следующими признаками: цельность, языковая связность, интенциональность, воспринимаемость, ситуативность, завершённость, малый объём и интертекстуальность. Тем не менее, состав прототипического сигнификата может варьироваться по причине того, что текст, по сути, представляет собой гештальт, цельный ментальный феномен, не подлежащий однозначному и универсальному осмыслению, однако в принципе подвергаемый анализу. Такая сущность текста и приводит к многообразию лингвистических взглядов на него. С одной стороны, становится невозможно вывести чёткое, аксиоматическое определение, позволяющее унифицировать имеющиеся знания о тексте и свести их в единую систему; с другой стороны, это позволяет исследователям менять внутреннюю структуру категории, а именно соотношение её кластеров, в зависимости от цели исследования, посредством чего реализуется возможность беспрепятственно изучать различные аспекты текста как сложного феномена с любых ракурсов. Выделение кластеров в данной категории обуславливается двумя ментальными операциями, а именно метонимией и метафорой: первая

ограничивает околядерную зону и периферию на основании наличия неполного набора признаков как части целого, т.е. части эталонного сигнификата. Дальняя периферия категории обусловлена метафорически, то есть переносом текстуальности на невербальные продукты, имеющие иную семиотизацию [Кубрякова 2001; Литвиненко 2007, 2008в, 2008г: 92–93].

Понятию ТЕКСТ в лингвистике сопутствует понятие ДИСКУРС, также являющееся сложным и многогранным феноменом, имеющим множество дефиниций, раскрывающих различные его стороны, в том числе в ракурсе его соотношения с понятием ТЕКСТ. Чаще всего, это соотношение сводится к оппозиции. Текст и дискурс в свете семиотического подхода не являются тождественными понятиями, в то же время они не исключают друг друга: текст является итогом дискурсивной деятельности, направленным на извлечение информации, а дискурс есть процесс использования языка, обусловленный социумом и ориентированный на него, использующий определённые средства и осуществляемый с помощью исполнителей. Е. С. Кубрякова в своей книге «Язык и знание» приводит следующее определение дискурса: «такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определённый тип социальной активности человека, создаётся в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями её осуществления и целями» [Кубрякова 2001: 525]. Ю. С. Степанов представляет дискурс как «язык в языке» и как отдельную социальную данность, т. е. дискурс реализуется в текстах, объединённых особыми правилами употребления языка в сферах грамматики, лексики, синтаксиса и т. п.; ввиду наличия этих условий он является «особым миром» со своим собственным сводом норм [Степанов 1995: 43–44]. Дискурсивным продуктом текст становится именно благодаря функционированию интертекстуальных связей, вовлекающих конечный результат лингвистической деятельности, то есть текст, в дискурс

как абстрактную категорию, основанную на существовании множества таких продуктов, объединённых общими правилами функционирования [Литвиненко 2008б, 2008в]. Аналогично интертекстуальности, существует феномен интердискурсивности, осуществляющий связь между дискурсами на тех же основаниях, что и интертекстуальность в отношении текстов [Олизько 2009].

В наши дни существует точка зрения, что текст равен интертексту при рассмотрении первого как единицы текстообразования и восприятия, осуществляющей процессы интериоризации (движения от внешней деятельности к внутренней) и экстериоризации (превращения внутренней деятельности во внешнюю). Первый процесс преобразует когнитивное пространство индивида в текстуализированное, второй включает его в создаваемые тексты. В рамках этой концепции выводятся термины «интертекстуальная энциклопедия», или опыт человека, полученный в результате обработки интертекста, и интертекстуальная компетенция, которая есть способность воспринимать интертексты на основе величины и качества интертекстуальной энциклопедии [Петрова 2013]. Другими словами, «интертекст» как производное от термина «текст» представляет собой многозначный термин, объективирующий тексты, принадлежащие любой части прототипической категории, с точки зрения реализации в них интертекстуальности.

Несмотря на то, что с целью дать общую характеристику всем текстам Основного Закона, которые благодаря интертекстуальным связям образуют абстракцию конституционного дискурса, мы отдельно рассматриваем данный тип дискурса как совокупность закономерностей, свойственных всем конституционным текстам, в настоящем исследовании мы концентрируемся в качестве материала на текстах Конституций, то есть уже означенных, завершённых и материализованных продуктах дискурсивной деятельности. Исходя из этого, для их изучения в эволюционном аспекте мы используем понятие «интертекст», а не «интердискурс», где на первый план

выходит объективация интертекстуальных связей между реальными результатами дискурсивной деятельности, то есть текстами-редакциями Основного Закона, а не между потенциальными, абстрагированными, идеальными лингвистическими явлениями, не имеющими конкретной формы.

Ввиду повышенного интереса к феномену интертекста и появления множества направлений, не вмещающихся в рамки теории интертекста и интертекстуальности, современными учёными констатируется факт преобразования направлений лингвистики, рассматривающих интертекст, в отдельную научную дисциплину – интертекстологию, что, в том числе, обусловлено пониманием интертекстуальности не только как сугубо лингвистического, но и как междисциплинарного, всеобъемлющего феномена. Исходя из этого, исследователи произвели периодизацию этапов изучения интертекстуальности, выделив следующие ступени интертекстологии: протоинтертекстологический (до появления термина «интертекстуальность»), собственно интертекстологический (характеризующийся по большей части работами основоположников теории интертекста – Р. Барта и Ю. Кристевой), где была осуществлена разработка положений и методов данного научного течения, и постинтертекстологический, характеризующийся ростом числа векторов исследования интертекста [Кильдяшов 2016].

Интертекстуальность может быть представлена как в узком значении, так и в широком. Некоторыми учёными трактовка узкого понимания интертекста сводится исключительно к совокупности заимствованных элементов в конкретном тексте [Николина 2014], или к разным путям взаимодействия текстов в рамках другого текста, их содержащего [Ильин 1996]. В. Е. Чернявская сводит к узкому пониманию интертекстуальности её реализацию в прикладном аспекте, в качестве «средства порождения нового текстового смысла через диалог с конкретно обозначенной чужой смысловой (текстовой) позицией»: текст может быть создан только благодаря

интертекстуальности как средству его генерации. В широком понимании исследователь представляет интертекстуальность через призму интердискурсивности, то есть безграничного текстового пространства вкупе с экстралингвистическим окружением, которое пронизано интертекстуальными связями [Чернявская 1999]. Б. М. Гаспаров также акцентирует интертекстуальность как обязательное свойство текста, заключающееся в его открытости [Гаспаров 1996]. Интертекст, таким образом, является универсальным механизмом порождения смыслов [Прюво 2018: 31–32].

Интертекстуальность по отношению к дискурсу может служить средством его анализа, так, авторитетный исследователь дискурса Н. Фэрклоф подразделяет дискурсивный анализ на собственно лингвистический и на интертекстуальный, эксплицирующий связь текста и дискурса, что реализуется в рассмотрении контекста и экстралингвистических факторов, и обеспечивает доступное изучение деятельности людей, производящих и интерпретирующих дискурс. Смещение жанров, по Фэрклофу – это интердискурсивность в её частном проявлении [Fairclough 1992a, 1992b, 2003]. Учёными отмечается, что исследователь интертекста сам становится его частью, входя в принадлежащее ему когнитивное пространство; с одной стороны, благодаря интертекстуальности обозначаются границы дискурса, с другой, сама интертекстуальность служит механизмом перехода за пределы данных границ [Fox 1995]. Некоторые современные исследователи сводят интертекстуальность к исключительно межтекстовому взаимодействию, а интердискурсивность – к взаимной деятельности различных когнитивных систем [Владимирова 2020].

Интертекстуальность как предмет исследования науки и как её термин был обозначен в трудах Ю. Кристевой, которые, несомненно, основываются на более ранних исследованиях данного феномена, в значительной мере на работах М. М. Бахтина; однако именно Ю. Кристева сформулировала

понятие интертекстуальности. Согласно этой концепции, интертекстуальность реализуется через слово как единицу текста, связующую сам текст, а значит, и его адресата и адресанта с иными текстами, в которых оно было когда-либо употреблено; следовательно, любой текст представляет собой систему цитат, где происходит метаморфоза цитируемого текста. Другими словами, референция текста к другим текстам была признана такой же значимой, как и референция текста к действительности; ещё одним важным положением данной теории является универсальный характер интертекстуальности [Кристева 2004].

Таким образом, интертекстуальность тесно связана с понятием референции, которая в стандартном представлении есть отношение имени к объекту либо явлению мира (референту) в процессе создания речевого акта [ЛЭС: 411], в более общем смысле «соотнесённость языковых выражений с действительностью» [Кобозева 2000: 26]. Референция была рассмотрена также и в процессуальном аспекте, например, М. А. Кронгауз рассматривает референцию как «процесс соотнесения единиц речи (прежде всего, имён существительных и языковых групп) с внеязыковой действительностью, а также результат такого соотнесения» [Кронгауз 2005: 268]. Помимо акцента на процессуальности, среди множества языковых единиц выделяются имена и именные группы как более активные в референциальном плане элементы, что наблюдается в данном исследовании при изучении понятий и терминов в роли цитат интертекста. Одним из наиболее авторитетных исследователей в области референции является Е. В. Падучева, которая произвела классификацию типов данного лингвистического явления касательно именных групп. Ею выделяются субстантивный тип, актуализирующий отношение именной группы и объекта реальности, предикатный тип, при котором именная группа, имя не осуществляет референцию, автонимный тип, когда имя или именная группа производит отношение к себе же [Падучева 1974]. Однако, в интертекстуальном подходе референция актуализируется и как отношение текста к тексту. Связь различных

элементов интертекста друг с другом осуществляется при помощи кореферентности цитат, их референциального тождества. Koreферентность (кореференция), как правило, рассматривается как отношение между именами или именными группами, которые отсылают к одному и тому же объекту, другими словами, имеют один и тот же референт [Падучева 2010: 134–135; ЛЭС]. Тем не менее, кореференция может связывать не только именные группы, но и другие лингвистические объекты, вследствие чего ее можно также определить как совокупность различных обозначений денотата/референта [Гак 1981: 206].

Теория Ю. Кристевой получила дальнейшее развитие и упрочение благодаря последователям, которые ввели в терминологический аппарат собственно понятие «интертекст». В частности, Р. Барт, ставший основоположником теории интертекста, и Ш. Гривель эксплицировали положение об универсальности данного понятия, утверждая, что любой текст является интертекстом [Литвиненко 2008б, 2008в]. Интертекст, согласно Р. Барту, есть система прямых и не прямых цитат, сознательного и/или бессознательного воспроизведения претекстов [Барт 1989].

Интертекстуальность как признак текста была рассмотрена Р.-А. Бограндом и В. Дресслером, причём в данном ракурсе она является одним из семи критериев текстуальности, наряду с когезией, когерентностью, интенциональностью, воспринимаемостью, информативностью и ситуативностью. Наличие этих признаков позволяет войти языковому образованию в категорию «текст», хотя отсутствие или имплицитность какого-либо из них, как было сказано ранее, не исключает объект из категории, а лишь лишает его принадлежности к категории стандартных текстов. В данном понимании интертекстуальность представляет собой соотнесённость текста с другими текстами, которая осуществляется на основании когнитивных компетенций читателя либо слушателя [Beaugrande 2002]. В современном рассмотрении некоторых учёных, принимающих точку зрения, что суть интертекстуальности состоит преимущественно в её

функционировании как свойства текста, интертекст мыслится в виде единицы интертекстуальности, объективно её репрезентирующей [Шаргаева 2013].

Ж. Женетт представлял собственно интертекстуальность как гипоним интертекстуальности в общем смысле, или, в его терминах, транстекстуальности. Женетт подразделял транстекстуальность на следующие виды: интертекстуальность как одновременную локализацию двух и более текстов; паратекстуальность как отношение текста к своим частям, лежащим за текстуальными пределами; метатекстуальность как комментарий к претексту; гипотекстуальность, или гипертекстуальность, то есть пародия; архитектекстуальность – связь текстов в рамках определённого жанра [Genette 1997].

Интертекстуальность на данный момент понимается учёными как диахроническая, ретроспективная категория. Некоторые исследователи классифицируют типы интертекстуальности по интенциональности, то есть по цели воздействия на адресата. Согласно данной теории, интертекстуальность репрезентируется как: 1. Риторическая, осуществляемая с помощью фигур речи и акцентирующая связь с текстом-источником; 2. Спонтанная, не имеющая интенционально обусловленных заимствований и служащая для передачи плана содержания текста в другом формате (перевод, версификация или прозаизация, аннотация, адаптация, редакция и др.); 3. Криптофорная, или плагиат, при которой связь с претекстом и авторство умышленно скрываются [Москвин 2013].

Явление плагиата относится к социальным аспектам реализации интертекста. Как правило, отличаясь прямой цитацией, он служит источником моральных противоречий, однако следует обратить внимание на тот факт, что интертекст в принципе пронизывает все сферы жизни человека (что в принципе касается не только языка) в виде как прямой цитации, так и косвенной. Это происходит по причине того, что интертекст служит

средством передачи знания, и его объективация повсеместна и неизбежна [Share 2005].

Интертекстуальность может классифицироваться также по структуре самих межтекстовых связей. Первый тип связей есть «целое – часть», где целое является прецедентным текстом, а последующий интертекст заимствует его часть; такой тип интертекстуальности был назван парциальным. Второй тип «производящий текст – производный текст» объективирует имитацию основных свойств первичного текста его потомком (вторичным текстом), такие отношения обозначаются как «миметические» и возникают в результате травестирования (лексическом видоизменении) либо при переосмыслении. Выделяется такой параметр интертекстуальных связей, как их сила, зависящая от наличия ссылки на источник (при наличии ссылки интертекстуальность понимается как эксплицитная, в противном случае – имплицитная), степени известности первичного текста, интертекстуального диссонанса (созданного искусственно или естественно), числа объединяющих компонентов и степени точности [Москвин 2013].

С другой точки зрения, интертекстуальность подразделяется на горизонтальную (синтагматический уровень) и вертикальную (парадигматический уровень). Первая разновидность осуществляется посредством метонимической связи между текстами, обусловленной смежностью, и реализуется следующим подвидами: гипертекстуальностью, или отношениями текстов одного автора, и паратекстуальностью, то есть осуществлением связи в околотекстовом пространстве (понимание паратекстуальности в данном случае близко к идеям Ж. Женнета). Второй подвида интертекстуальности с указанной точки зрения актуализируется через метафорическое сходство, объективирующееся в рамках архитектстуальности и интекстуальности. Архитекстуальность здесь, вслед за Ж. Женнетом, репрезентируется как отсылка текста к прецедентному жанру, интекстуальность же есть включение элементов прецедентного текста. [Олизько 2009]. Некоторые исследователи, например, И. В. Арнольд,

определяют именно интекстуальность, а не транстекстуальность как интертекстуальность в общем смысле. В данном случае под интекстуальностью понимается проявление в тексте прецедентных единиц, при этом обязательно имеющих чужое авторство [Арнольд 1999].

Ещё одна точка зрения на интертекстуальность состоит в том, что её проявления могут быть классифицированы в зависимости от типа претекста: существует интересубъектная интертекстуальность (претекст – произведение другого автора), автоцитатная интертекстуальность (авторство претекста и интертекста совпадают, близко к изложенному выше пониманию гипертекстуальности Н. С. Олизько), референтная интертекстуальность (отсылка напрямую к феномену культуры) и кодовая интертекстуальность (взаимодействие текстов с различными кодами) [Петрова 2004].

Представляется необходимым раскрыть понятие претекста (прецедентного текста). Пре[цедентный]текст, или подтекст (хотя подтекст также может обозначать смысл, выраженный косвенным путем и сопровождающий основное содержание текста, являясь при этом его частью) представляет собой целый текст, служащий источником внесённого в данный текст дублируемого элемента, при этом соотносимый с данным текстом в диахроническом плане [Литвиненко 2008б, 2008в]. Данный термин используется с XVI века, где употреблялся в христианской литературе по толкованию текстов [Москвин 2013].

Формулировка термина «прецедентный текст» принадлежит Ю. Н. Караулову, который определил его через три существенных признака по отношению к отдельной личности: 1. Значимость для данной личности в когнитивном и эмоциональном аспекте; 2. Сверхличностность, то есть значимость для широкого окружения данной личности, относящегося как к настоящему, так и к прошлому времени; 3. Возобновляемость в дискурсе данной личности. Их этих признаков вытекают такие черты прецедентных текстов, как, с одной стороны, хрестоматийность (общеизвестность), с другой – реинтерпретируемость. В качестве путей функционирования

прецедентных текстов отмечаются прямой (непосредственное восприятие), косвенный (трансформация исходного текста) и семиотический, где исходный текст или его части представлены как целостный знак, фигурирующий сам или лишь посредством актуализации своих отдельных свойств в последующих текстах, но в любом случае вызывающий в сознании человека всё прецедентное целое [Караулов 1987].

Современными исследователями, например, выделяется понятие прецедентного феномена, то есть знака, репрезентирующего тот или иной эталон культуры, который может быть как вербальным, так и невербальным. Собственно прецедентный текст представляет собой сложный знак, завершённый результат когнитивно-речевой деятельности в виде (поли)предикативной единицы. Прецеденты суть общеизвестные, значимые социально-культурные представления, служащие эталонами. При этом прецеденты можно классифицировать по принципу широты актуального круга адресатов, или целевой аудитории, на которую направлено употребление претекста, где его задача – вызвать ассоциативное воздействие и реализовать потенциал генерации новых смыслов. Другими словами, понимание интертекста, обусловленное эффективностью актуализации в нём прецедентов, зависит от целевой аудитории. Выделяются авто-, социумно-, национально- и универсально прецедентные феномены. Рождение новых смыслов возможно благодаря созданию связи между прецедентом (в виде гештальта) и его интертекстуальной реализацией в новом контексте, возможной благодаря ассоциативным связям: происходит узнавание прецедентной информации в интертексте, затем отбираются релевантные ассоциации, и воплощаются новые смыслы [Гудков 2003, Красных 2006].

Прецедентность как явление представляет собой надличностную категорию когниции. Она одновременно реализуется в качестве статичного ментального образования, служащего для хранения и обработки знания, и в роли актуализирующего фактора при коммуникации, объективируя

предшествующее знание в процессе развёртывания дискурса согласно намерениям коммуниканта [Моисеенко 2015]. Прецедентность обретается текстами после их кодификации, то есть преобразования текста в код, выраженный знаками; употребление элемента претекста как знака этого кода апеллирует к определённому фрагменту картины мира [Дурцева 2014, Лотман 1970, Слышкин 2000].

Понимание того, что реализация интертекстуальности должна приниматься во внимание в теории перевода для полноты передачи смысла и преодоления лингвокультурных препятствий, становится очевидным фактом. Безусловно, текст оригинала можно представить как претекст, тогда текст на принимающем языке будет его интертекстом. С другой стороны, и оригинальный текст, и текст перевода являются интертекстами, значит, вмещают в себя разные языковые и культурные картины мира. Это представляет определённую сложность при переводе по причине того, что интертекстуальные связи должны быть переданы как можно более точно; в то же время воспринимающий переведённый текст человек должен обладать повышенной степенью интертекстуальной компетенции, требующей знания прецедентных феноменов не только родной культуры, но и культуры языка оригинала произведения. Таким образом, к переводчику выдвигаются повышенные требования касательно знания прецедентных феноменов культуры языка оригинала [Новицкая 2018. Попова 2016, Long 2020].

В частности, при осуществлении перевода понимание носителем другого языка культурного прецедента в интертексте может быть затруднено, если данный феномен не относится к универсально-прецедентным. По этой причине интертекст в процессе перевода нередко претерпевает процесс замены смысловых прецедентов на другие, подходящие и понятные культуре переводящей стороны, но с подобным эмоционально-оценочным компонентом [Бойко 2006]. Интертекстуальные связи различаются по степени эксплицитности и своей узнаваемости.

Данные параметры оказывают влияние на полноту реализации цитируемых фрагментов претекста одной культуры в интертекстуальный продукт другой, что приводит к зависимости между распространённостью и степенью влияния в мире определённой культуры и доступностью цитирования её претекстов в интертекст другой культуры [Kaz'mierczak 2019].

Интертекстуальные отношения выстраиваются не только между оригинальным текстом и текстом переведённым, но и между текстами различных вариантов перевода одного и того же оригинала. Современные учёные выдвинули тезис о том, что наиболее ранний вариант перевода значительно влияет на последующие переводные версии оригинала посредством интертекстуальных связей [Zhang, 2018].

Кроме того, для осуществления адекватной передачи интертекстуальности учёными было предложено понятие смыслового интертекстуального ряда, или совокупности фрагментов интертекста, зависящих друг от друга, которые имеют общую тематику, общий претекст и тем самым усиливают интертекстуальные ассоциации. Компоненты смыслового интертекстуального ряда при анализе эксплицируют смысловые составляющие друг друга, что позволяет качественно и точно отобразить передаваемые при переводе смыслы. Для этого предварительно требуется выделение потенциального круга претекстов, затем выявляются все интертекстуальные включения, которые потом группируются в смысловой интертекстуальный ряд, в рамках которого производится распознавание ментальных продуктов взаимодействия элементов ряда и их функциональные характеристики в тексте [Харькова 2017].

Некоторые учёные представляют интертекстуальность как более узкое понимание прецедентности. Согласно такому подходу, если интертекстуальность касается только лингвистических аспектов, то прецедентность включает в качестве элементов не только текстовые, языковые элементы, но и экстралингвистические феномены. Благодаря

культурной базе, реализуемой, в частности, посредством ментальных единиц, понятия интертекстуальности и прецедентности тесно связаны с лингвокультурологией [Воркачѳв 2015].

Также существует точка зрения, что интертекстуальность есть частный случай когерентности. Оба понятия, будучи в родовидовых отношениях, имеют отношение к связям, осуществляющим целостность текста, но интертекстуальность понимается как независимая отсылка, так как между претекстовым элементом и его реализацией в интертексте нет обратной связи. Обоюдная же связь относится к феномену когерентности [Коновалова 2008].

Современные исследования интертекстуальности представляют её и с точки зрения когнитивно-семиотического подхода. Элементы интертекста, в таком случае, представляют собой знаки-иконы и знаки-индексы, связь между которыми многомерна [Олизько 2009]. В данном аспекте интертекстуальность представлена как специфический способ кодирования и декодирования смысла текста путѳм отсылки к претексту, который входит в тезаурус автора и реципиента и служит основой порождения и восприятия смысла. Интертекстуальный тезаурус рассматривается как особая форма организации знания, представляющая собой совокупность фреймов. Возникающий смысл есть продукт концептуального взаимодействия ментальных пространств. Двойная референция в роли определяющего механизма функционирования интертекста представляет собой семиотическую сущность кодирования, что позволяет реализовать большую степень экспрессивности и осуществить экономию языковых средств. Отмечается, что интертекстуальность есть вторичная языковая интерпретация, неконвенциональный вид концептуальной деривации [Кремнева 2019].

Нужно различать понятия претекста и предтекста. Первый термин актуализирует текст, служащий интертекстуальной основой для другого текста; второй имеет прямое отношение к интратекстовым связям, то есть

отношениям между фрагментами одного и того же текста, объективируя исходный фрагмент, служащий опорой для других его частей [Москвин 2013]. Без сомнения, претексты, содержащие интертекстуальные референты, можно поделить на основные, служащие базой интертекста, и второстепенные [Литвиненко 2008б, 2008в, 2008г].

Интертекст можно представить как объективно существующую реальность, воссоздающую себя на протяжении времени, и реализованную человеком творчески, то есть константами интертекста предстают текст, человек и время [Кузьмина 2017]. Точка зрения на интертекст как самовоспроизводящийся, но при этом видоизменяющийся объект также разделяется современными зарубежными исследователями, в частности, Р. Лахманн, которая представляет отдельные тексты в качестве единиц культурной памяти [Lachmann 2004]. Интертекст позволяет передать большое количество информации через ограниченную по размерам знаковую форму, то есть имеется выраженная асимметрия плана выражения и плана содержания касательно объёма [Байко 2019].

В настоящем исследовании мы будем придерживаться подхода к интертекстуальности и интертексту Т. Е. Литвиненко, согласно которому, интертекстуальность есть «соотнесённость текста с его типом и/или другим текстом (текстами), обуславливающая возобновляемость включенных в них понятий и средств их языковой (или иной знаковой) репрезентации» [Литвиненко 2008г: 93]. При переходе к рассмотрению интертекста в качестве феномена, ключевым свойством которого является интертекстуальность, он детерминируется как мультиреферентный текст, включающий в себя моно- и полиреферентные заимствования, образующие разноуровневые цитатные комплексы. Приведём дефиницию интертекста согласно принятому нами подходу, опираясь на определение Т. Е. Литвиненко: интертекст есть «мультиреферентный текст. Такой текст представляет собой понятийно-знаковый синтез – результат эволюции смыслов и способов их вербальной репрезентации, аккумулярованных

лингво-когнитивным сообществом. И, одновременно, (вос)созданный коммуникантом концепт, переданный им средствами национального языка как превращенными прецедентными знаками» [Литвиненко 2008б: 288].

Интертекст как мультиреферентное образование осуществляет референциальную связь с различными с точки зрения жанра и дискурса конкретными и обобщёнными претекстами, которые также можно объединить в категорию с внутренним распределением её составляющих: основной претекст предстаёт как ядро, репрезентирующее в высшей мере важные источники, проявляющиеся в виде ключевых цитат; периферийные претексты представляют собой вторичные прецедентные тексты, подлежащие градации по своей степени значимости и важности, которая может различаться для каждого отдельного адресата [Литвиненко 2008в, 2008г].

Создатель конкретного интертекстуального продукта опирается на знания адресата и его способность строить связи между данным интертекстом и его претекстами, таким образом, реципиент интертекста участвует вместе с автором в генерировании знания, занимаясь, по сути, герменевтической трактовкой. То есть текст воспринимается читателем не объективно, а на основании его индивидуальной картины мира: при перцепции текста им создаётся свой собственный интертекст, связанный не только с претекстами, на которые ссылался автор, но и с текстами, воспринятыми адресатом до прочтения, с его собственными претекстами и с уже имеющимися знаниями. И создание интертекста автором, и его восприятие реципиентом играют одинаково важную роль в осуществлении когнитивного функционирования интертекста [Бойко 2006; Лотман 2014; Есо 1979; Holthuis 1993; Rifaterre 1987; Wygoda 2016].

Видоизменение претекстуальных фрагментов при их цитации ввиду герменевтического переосмысления в ментальном пространстве реципиента производится не только из-за индивидуальности когнитивных процессов, но и благодаря намеренной модификации претекста самим автором. Это

делается не только для очевидной объективации авторской трактовки претекста, но и в целях ввода в действие механизмов пересмотра претекста реципиентом: когнитивный диссонанс между прецедентом и его переосмысленной создателем интертекста версией побуждает адресата к нелинейному процессу создания собственных смыслов. Нелинейное восприятие претекстовых фрагментов, в том числе, обусловлено и компетенцией читателя [Богданова 2020; Тихомирова 2009].

Таким образом, складывается лингвокогнитивная составляющая языковой личности, количественные и качественные характеристики которой обусловлены именно суммой и спецификой освоенных интертекстуальных единиц [Михеев 2018]. В частности, учёными используется понятие интертекстуальной плотности, то есть количества интертекстуальных включений, требующих повышенной интертекстуальной компетенции читателя при восприятии текста [Гаврикова 2012]. В наше время предложено понимание реципиента текста не как простого читателя и пассивного субъекта, а как интерпретатора – активного деятеля с собственной языковой личностью, занимающейся акцентуированной деятельностью по проведению когнитивных операций [Моташкова 2011]. Смысл в процессе коммуникации возникает благодаря интертекстуальности, поскольку она осуществляет интеграцию мыслительных единиц, в результате чего последние переоцениваются и затем составляют единое целое [Bullo 2017].

Некоторые учёные представляют интертекстуальность с точки зрения «памяти в тексте»: прецедентные тексты функционируют как внешние хранилища, в виде формы, структурирующей память автора, и в то же время претексты являются содержательной составляющей: интертекстуальность сама по себе создаёт своё внешнее пространство памяти, которое соотносится с другими текстами. Единицы же интертекста свидетельствуют о значимости действий, производимых автором [Schmidt, 2017].

Интертекстуальность служит одновременно и источником, и средством накопления кодов культуры. Во-первых, благодаря этому

коллективный разум культурно-языкового сообщества обеспечивает самосохранение при действии неблагоприятных факторов, в частности, посредством производства юмористического дискурса. Во-вторых, данная функция интертекстуальности обеспечивает нахождение точек пересечения в сообщениях, производимых как представителями одного культурного сообщества, так и людьми из разных культур [Chłopicki, 2021]. В современном понимании интертекст также рассматривается как основная единица каждой национальной культуры со своими специфическими интертекстуальными кодами, которая, реализуясь этих кодах, наиболее тесным образом взаимодействует с языком. Интертекстуальность служит в качестве механизма, обеспечивающего взаимодействие знаков с целью генерации оформленных смыслов в языковой картине мира. Соответственно, для межкультурного взаимодействия важно понимание интертекстуального кода культур коммуникантов [Гехтляр 2017, Денисова 2020; Литвиненко 2008в, 2008г].

В наше время учёными был введён термин «интертекстосфера», или общность интертекстуальных единиц и связанных с ними процессов. Данный феномен обладает такими свойствами, как безграничность и одновременно ограниченность: интертекст потенциально может осуществить взаимодействие с любым другим текстом, но граница между претекстом и собственно интертекстом всегда существует в том или ином виде; также интертекстосфере присущи нелинейность, разнонаправленность, или гетерофоничность, синархичность (упорядоченность), энергоёмкость (наличие интертекстуального потенциала), аккумулятивность (способность хранения знания). Данный термин может быть применим к различным объёмам и пространственно-временным характеристикам интертекста: начиная с интертекстосферы отдельного человека и заканчивая интертекстосферой определённой эпохи или культуры. Также было сформулировано понятие интертекстуальных стратегий: вербальной и образной [Кильдяшов 2016]. Интертекстуальность рассматривается как

механизм функционирования информационного пространства, обеспечивающего жизнь культурно-исторического континуума [Боженкова 2011].

Интертекст как система подлежит делению на единицы, попытки определения и классификации которых осуществлялись неоднократно. Учёные ввели такое понятие, как фигуры интертекста, под которыми понимаются средства элокутивной организации, служащие для функционирования интертекстуальных связей: по сути, это актуализация единицы интертекста с точки зрения экспрессии. Нужно отметить, что цитация в понимании механизма художественного конструирования интертекста подразделяется современными учёными на несколько видов: собственно цитацию, то есть приведение фрагмента текста без изменений; реминисценцию (по другому – аллюзию), или приведение фрагмента с целью ассоциативного восприятия, инкрустацию, где цитируемый фрагмент объективирует лишь часть привычного восприятия и раскрывается в новом контексте; аппликацию, или помещение цитаты без указания на её первоисточник, и парафраз, то есть передачу общеизвестной цитаты в другой формулировке. Выше уже рассматривалось представление интертекстуальности некоторыми учёными, в частности, И. В. Арнольд, как проявления в тексте интертекстуальных единиц, при этом обязательно имеющих чужое авторство. Помимо перечисленных фигур интертекста, И. В. Арнольд включает в ряд единиц интертекста цитатное заглавие, эпиграф и другие тексты [Арнольд 1999; Москвин 2015; Солганик 2001]. Другой текст обозначается учёными как имплицитный текст, в который входят не только отличные от него текстуальные продукты, но и любые претекстовые элементы [Lachmann 1983]. Вставные тексты, или интексты, в современном понимании также представлены как особая разновидность интертекстуальности [Мазова 2017]. Н. А. Фатеева выделяет среди единиц интертекста цитаты и аллюзии, которые, с данной точки зрения, различаются по типу предикации: цитаты обладают собственной предикацией, аллюзии

обретают её уже собственно в интертексте и включают в себя реминисценции, понимаемые исследователем как единицы, осуществляющие референцию к жизненной ситуации третьего лица [Фатеева 2006]. Н. А. Кузьмина выделяет в качестве интертекстуальных элементов цитату и поэтическую формулу, которые отличаются объектом референции: в первой единице акцентуируется референция к претексту, что обуславливается объективацией цитаты как чужого элемента, во второй – референция к миру [Кузьмина 2017]. И. П. Смирнов рассматривает в качестве единиц интертекста цитаты и аллюзии, но, в отличие от предыдущей классификации, здесь актуализируются соответственно два вида интертекстуальности, выделенных по цели, на которую интертекстуальность направлена – реконструктивная, репрезентирующая общее в разных текстах, и конструктивная, где заимствования претекста организуются для генерации структуры интертекста [Смирнов 1995].

Ещё одна классификация интертекстуальных единиц, осуществлённая по принципу эксплицитности/имплицитности объективации интертекстуальности была предложена В. М. Москвиным. Согласно данному взгляду, единицы интертекста подразделяются на так называемые коммеморантные, или воспринимаемые как заимствования из определённого претекста, и на единицы, не актуализирующиеся как часть конкретного претекста, поэтому не выступающие в качестве основы интертекстуальности. Безусловно, данная классификация связана с реализацией того или иного объёма прецедентности. Первая группа единиц делится на односторонние и двусторонние. К односторонним единицам относятся наборы стилевых маркеров текста, двусторонние включают в себя лексические (аллюзийные) единицы (авторские неологизмы, фонетические и иные вариации слов, имена собственные, принадлежащие литературным или мифологическим героям) и коммеморантные фразы и словосочетания. Вторая основная группа заимствований из претекста, которые не осуществляют его чёткую идентификацию, включает в себя единицы, объективирующие стереотипы и

заимствования из претекста, не являющиеся знакомыми для широкого круга людей. При этом члены данной группы могут считаться полноценными элементами интертекста лишь при условии, что они оформлены как цитаты, которые в данном понимании предстают как элементы дословной передачи цитируемого текста, оформленные в кавычки. Группа коммеморантных заимствований понимается как основа интертекстуальности, однако данные единицы со временем могут переходить во вторую группу, теряя ассоциацию с конкретным автором и претекстом. Такой переход происходит посредством прохождения промежуточной зоны, где одной единица интертекста распознаётся как заимствование из узнаваемого текста, имеющее определённое авторство, а другая группа людей уже не идентифицирует источник заимствования, лишь воспроизводит сам факт того, что элемент заимствован [Москвин 2013, 2015].

Попыткой создать отдельный термин для единицы интертекста является «интертекстема», введённая К. П. Сидоренко. Данное понятие также обозначает интертекстуальный элемент, имеющий отношение ко всем уровням содержательной структуры текста: лексической, грамматической, просодической и др., и посредством которого осуществляются интертекстуальные отношения [Сидоренко 1999]. То есть интертекстуальные единицы передают прецедентное знание не только через семантическую составляющую, но также через синтактику и прагматику [Бойко 2006].

Итак, в любом случае, интертекст можно подразделить на единицы, посредством которых осуществляется его связь с другими текстами. Все эти единицы также возможно объединить в категорию, состоящую из ядра, околоядерной области и периферии.

В данном исследовании основной единицей интертекста, придерживаясь подхода Т. Е. Литвиненко, мы считаем цитату, образующую ядерную зону категории интертекстуальных единиц, поскольку она предстаёт как базовое средство создания текста посредством реализации интертекстуальных связей. Существует множество определений понятия

«цитата», однако для создания категории наиболее подходящей мыслится дефиниция, приведённая в словаре стилистических терминов, составителями которого являются Н. В. Васильева и С. Е. Никитина. Данные учёные определяют цитату как «дословно воспроизводимое и сопровождаемое отсылкой чужое высказывание внутри другого текста». Это определение позволяет выделить пять категориальных признаков цитаты. При обладании всеми этими признаками цитата определяется как эталонная:

1. Точность воспроизведения элемента претекста;
2. Сохранение семиотического тождества с воспроизводимым элементом;
3. Обособленность на фоне принимающего текста;
4. Наличие информации об авторе и/или источнике заимствования;
5. Способность функционирования как отсылка к претексту [Никитина 1996: 146].

Согласно прототипическому подходу, отсутствие какого-либо из этих признаков не исключает единицу интертекста из категории; всеми перечисленными признаками обладает прототипическая, то есть образцовая цитата, а по мере удаления от центра категории цитата не теряет свою сущность, но обладает всё меньшим количеством прототипических признаков; неэталонные единицы, которые прекращают опознаваться как чужие для данного текста, находятся на периферии категории, что обеспечивает разнообразие элементов в её пределах. Более того, в коммуникации, как правило, референция осуществляется с помощью цитат, или объективаций какого-либо понятия [Литвиненко 2008а].

Цитатам в интертексте свойственна, с одной стороны, кореферентность, с другой стороны, мультиреферентность. Цитаты интертекста, обладая кореферентией, выступают средством связи текстов в целое единого интертекста. По критерию количества референтов, к которым одновременно отсылает цитата, выделяются цитаты монореферентные и полиреферентные. Первые отсылают к единственному источнику, вторые

осуществляют референцию сразу к нескольким объектам, а значит, к нескольким претекстам одновременно. Единицы обоих типов объединяются в комплексные цитаты, или разноуровневые цитатные комплексы, которые сочетают в себе заимствованные элементы с различным, неоднородным набором признаков. Интертекст, следовательно, является мультиреферентным образованием, или текстом, который содержит моно- и полиреферентные заимствования, из которых в его внутренней структуре строятся разноуровневые цитатные комплексы [Литвиненко 2008в, 2008г].

Конституционный интертекст предстаёт как один из наиболее наглядных примеров эксплицитной референции разных уровней к другим юридико-политическим текстам в целях объективации посредством цитат новых аспектов Основного Закона. Таким образом, репрезентируется опора на существовавшие ранее реалии, в результате чего создаётся сложная, нелинейная структура.

1.2. Лингвистические особенности конституционного дискурса

Как было сказано выше, текст любого типа и жанра представляет собой интертекст. Данное правило распространяется и на рассматриваемые в данном исследовании конституционные тексты. Претекстами Конституции (Основного закона), как правило, являются тексты предшествующих Конституций, различные редакции и другие нормативно-правовые акты глобального характера. Исходя из этого, Конституция предстаёт как система цитат, зачастую комплексных и полиреферентных [Литвиненко 2012а]. Другими словами, Конституция – это результат переосмысления и модификации своих прошлых версий и других документов, которые являются для неё претекстами. Основной Закон кодифицирует политическое и правовое знание, то есть сохраняет и передаёт его с помощью реализации в языке, и вносит в это знание новый смысл [Литвиненко 2011].

Термин «Конституция» имеет латинское происхождение и переводится как «состояние» либо «устройство». Данный документ появился в Древнем

Риме, где он представлял собой принятые в единоличном порядке императорами законы. Впоследствии такое наименование получали некоторые акты европейских монархов эпохи Средневековья. Синонимия между терминами «Конституция» и «Основной закон» возникла в Англии и Франции в XVI веке. В Россию данное понятие пришло из Речи Посполитой, где оно употреблялось для обозначения основ сословных привилегий аристократии; в российском государстве термин изначально употреблялся в таком же значении. Современное понимание Конституции как документа, фиксирующего в своём тексте права, обязанности и политическое устройство, берёт начало в Англии конца XVII века, где оно сформировалось под влиянием событий «Великого мятежа» и «Славной революции», однако, как будет указано ниже, это не привело к созданию единой кодифицированной Конституции. Первый кодифицированный Основной Закон был издан в Америке, затем была принята Конституция Франции, ставшая претекстом для большинства последующих конституционных текстов других стран. Благодаря этому термин «Конституция» в его настоящем понимании вошёл в употребление как кодифицированная актуализация законов государства высшего порядка. В России для обозначения основополагающих государственных документов использовались различные термины: «Кондиции» «Основные Законы», но лишь с приходом Советской власти термин «Конституция» был употреблён в современном понимании. Наименование «Основной Закон», употреблённое в единственном числе, тем не менее, продолжило существовать даже в Советскую эпоху, где употреблялось в скобках после заглавия «Конституция» [Акишин 2017].

Текст Конституции, безусловно, имеет свои лексические особенности, а именно: абстрактные существительные, обозначающие юридические понятия; собирательные существительные, латинские номинации юридических понятий, клишированность. Среди грамматических черт конституционного текста отмечаются использование глаголов с выражением

модальности, употребление причастий, пассивных и неличных форм глагола; возможно наличие сослагательного наклонения. Синтаксический уровень текста основного закона включает в себя частотность членения на абзацы, так как каждое конституционное положение требует отдельной репрезентации; употребление безличных предложений и формального подлежащего; превалирование сложноподчинённых и предложений, распространённых определениями, дополнениями и обстоятельствами различного рода [Кафтя 2017].

Конституция с точки зрения коммуникативистики имеет три основных цели: императивную, то есть Основной Закон обязывает граждан соблюдать фиксированные в ней нормы; информативную, другими словами, Конституция доводит до сведения граждан своё содержание; и оценочную, иначе говоря, Конституция как текст характеризует аксиологические аспекты бытия граждан определённой страны [Ли 2014]. Последняя цель, прежде всего, достигается своей актуализацией в преамбуле Конституции. Несмотря на то, что текст Конституции как Основного Закона не должен содержать в своём лексическом составе слова с эмоциональной окраской, такая лексика употребляется в конституционных текстах и имеет, как правило, конфликтный характер, поскольку объективирует понятие БОРЬБА, отражая историческое прошлое народа в сражении за современные ценности; в ряде случаев упоминается борьба применительно к настоящему и будущему времени; при этом понятие ВРАГ в силу причин, касающихся политкорректности, не имеет конкретной номинации, но репрезентируется в таких лексемах, как «империализм», «колониализм», «феодализм» и т. д. Кроме того, степень эмоциональной окраски текста Конституции связана с параметром её идеологизированности [Хроменков 2015]. Одной из базовых черт конституционного текста является адресованность, в частности, выраженная посредством лексем с модальным значением [Ли 2014]. В качестве другого основополагающего признака для текста Конституции выступает его стабильность, или неизменность, хотя его актуализация

зависит от степени аксиоматичности выражаемого в тексте положения [Пресняков 2018].

Несмотря на свой статус фундаментального документа, наряду с цитатами, несущими правовое и юридическое знание, текст Конституции содержит элементы декларативного характера, имеющие форму лингвистических суждений, что приводит к противоречивости, которая кроется, в частности, и в интертекстуальности. Текст Основного Закона не всегда является непосредственным основанием для исполнения правовых и политических положений, так как может иметь цитаты общего характера, требующие более детализированных кореферентных аналогов в интертексте других законов для того, чтобы обозначаемые ими положения были эксплицированы и имели практическое применение. Возможна другая ситуация: из-за того, что претекстом Конституции служил другой документ, преимущественно относящийся к международному праву, реализация конституционных цитат обусловлена обращением к правовой сфере этого претекста [Бляхман 1999].

Конституционный дискурс объединяет в себе такие виды институциональных дискурсов, как юридический и политический. Рассмотрим подробнее общие свойства указанных типов дискурса.

У юридического дискурса выделяются следующие черты: присутствие специальной лексики, избыточность, клишированность, предписывающий характер [Баландина 2020]. В числе его основных характеристик учёными также называются жёсткая, обусловленная иерархически организация, соотнесённость с определенной сферой социальной жизни и целостность, что детерминирует специфику юридического дискурса: отсутствие эмоционально окрашенной лексики, лаконичность, компактность, экономное использование языковых средств; повествовательное изложение с перечислением; прямой порядок слов, сложноподчинённые предложения; закрытость, замкнутость [Коновалова 2008]. Кроме того, в ряду базовых свойств выделяются устойчивая связь субъекта с дискурсивным экспертным сообществом,

деперсонализация, ритуальность, жёстко закреплённые стратегии коммуникации, стереотипная коммуникативная ситуация, ограниченная номенклатура жанров. По сферам взаимодействия дискурс можно подразделить на законодательный, судебный и приватный. Первые два типа репрезентируют взаимодействие государства в лице его институтов и субъектов, приватный – только субъект-субъектные отношения. Взаимодействие институционального и персонального неизбежно, так как субъект и его личность невозможно изъять из реализуемого им дискурса. Институциональность юридического дискурса, как и любого другого, проявляется в подчинении правилам, определённым совокупностью когнитивных и оценочных установок и определяющих языковую реализацию дискурса [Foucault 1972]. Большинство учёных придерживается точки зрения, что юридический дискурс исключительно институционален, то есть обезличен. Тем не менее, данный тип дискурса детерминирован в том числе языковой личностью, которая прослеживается в регулярной лингвистической репрезентации субъекта, что осуществляется с помощью довольно широкого круга средств. Соответственно, юридический дискурс можно ранжировать по шкале, где в качестве одного полюса представлена институциональность, а с другой стороны находится персонализированность. Субъект может отсутствовать в дискурсе, тогда дискурс обладает исключительной институциональностью. Второй случай реализуется как присутствие институционального субъекта, то есть субъекта, отождествлённого с группой, представляющей определённый юридический институт, состоящей из обладателей особого знания, порождающих дискурс (В терминах А. М. Каплуненко – дискурсивное экспертное сообщество) [Каплуненко 2007]. Его функция – это воспроизведение институционального дискурса. Юридическое дискурсивное сообщество является организованной иерархически группой экспертов правовой области, которые подчиняются определённым конвенциям и владеют неким числом жанров для выполнения своих коммуникативных целей. При этом языковое взаимодействие участников

дискурсивного экспертного сообщества как представителей второго типа субъекта и людей, находящихся за границей юридической компетенции, обусловлено коммуникативным преимуществом первой группы, которая обладает дискурсивной властью, обусловленной знанием. Третий вариант экспликации субъекта реализуется, если он представлен как я-субъект – личность, обладающая свободным выбором и индивидуальностью при построении дискурса как объективации своей многогранности. Такой субъект в каждом конкретном случае раскрывает определённую сторону для передачи ситуации с различной степенью субъективности [Крапивкина 2011, 2019].

Среди функций юридического дискурса можно выделить прескриптивную (актуализация предписания для выполнения действий, определяющей данная функция является для законодательного жанра, в том числе Конституции), аргументирующую, декларативную (провозглашающую), информативную. Интертекстуальность юридического дискурса выполняет важнейшие функции преемственности права и его конституирования как единого целого [Крапивкина 2014].

Говоря об институциональности дискурса, в том числе юридического и политического, нужно упомянуть о выделенном в современных исследованиях свойстве дискурсивной перформативности, то есть одновременной объективации и номинативного аспекта, и фактической реализации номинированных действий посредством различных языковых средств [Мосесова 2020]

Конституция принадлежит законодательному жанру юридического дискурса. В ней реализуется деперсонализированный субъект как представитель государства, что является объективным требованием для законодательного жанра, актуализируемого в государстве с парламентским строем. Это требование обусловлено объективностью закона, его обязательностью. Лингвистически это выражается посредством бессубъектных конструкций с отсутствием личных и притяжательных

местоимений, маркеров оценки, средств субъективной модальности (кроме деонтической). Тем не менее, личные местоимения могут употребляться в преамбулах (как правило, это первое лицо множественного числа), что обусловлено идеологически: данные местоимения служат как обозначение всего народа, который отождествляется с государством, что есть пример политической манипуляции [Крапивкина 2011, 2019].

В законодательном дискурсе юридические термины актуализируются как сложные системы интерпретаций, возникающих в процессе терминологизации. Первичное значение в термин вкладывается законотворцем, но впоследствии оно неизбежно модифицируется из-за специфики юридического дискурса. Процесс терминологизации обусловлен следующими факторами: многозначностью и наличием оттенков значения в общелексической реализации термина, а также отсутствием дефиниций [Мартышко 2015].

С точки зрения семиотики юридический дискурс имеет следующую особенность: обладая статическим планом выражения, включающим определённый и относительно жёсткий перечень языковых средств, он осуществляет реализацию постоянно меняющегося плана содержания, выражающегося в изменении семантики [Слепухин 2014]. Тем не менее, юридическому дискурсу свойственны метафоры, что, в частности, позволяет изучать юридический дискурс посредством когнитивного моделирования [Баландина 2020].

Итак, Конституция, несомненно, есть разновидность правового дискурса, который определяется учёными как специфический тип социального и коммуникативного взаимодействия, реализующийся в ситуации правового общения, подчинённого намерениям государственно-правового регулирования. Поскольку Конституция является Основным Законом государства, она обладает высшим юридическим, а следовательно, и дискурсивным статусом, в частности, она выступает в роли контекста для корректного толкования законов. [Зверева 2017, Наземцева 2018]. Текст

закона выступает как акт первичной коммуникации между государством и гражданами [Калиновская 2020]. Причём граждане и общество выступают не только как объект, но и субъект, воздействующий на юридический дискурс; формирующий актуальные смыслы с точки зрения своих нужд при помощи активного поведения; без этого легитимизация политического дискурса невозможна [Скоробогатов 2019].

Цель Конституции как дискурсивного жанра – регулирование отношений между субъектами государства с помощью описания регламентируемых законом прав, свобод и обязанностей этих субъектов, однако Конституция, как было отмечено, является идеологически ориентированным документом, где степень выраженности идеологии зависит от этической обусловленности права; благодаря идеологическому компоненту в основном законе становится возможной манипуляция адресатом, то есть побочной целью Конституции является моделирование идеального общества [Наземцева 2018]. Учёные утверждают, что любой текст, представленный как интертекст, включает в себя некоторое число идеологических ракурсов различного рода, мотивированных прагматически коммуникативными целями. Это выражено различными интертекстуальными средствами, и в юридическом дискурсе в частности [Chaemsaithong, 2018]. Идеологизированность Конституции выражается в текстовой репрезентации определённых национальных архетипов, или базовых элементов коллективного бессознательного, служащих для передачи национальных ценностей. Данные архетипы имеют образ (содержание) и форму, которая актуализируется посредством идеологизированного речевого штампа [Басенко 2010]. Однако актуализация социокультурных кодов, позволяющих нации существовать как самостоятельной структуре, не ограничивается лингвистической объективацией архетипов бессознательного: специальные понятия как актуализаторы свода ценностей и норм могут выражаться различными средствами языка [Литвиненко 2012в].

Юридические тексты являются организующим конструктом для права, и наоборот, необходимая степень авторитетности и значимости текста достигается благодаря обществу и государству как субъектам права, исполняющим те законы и предписания, которые актуализируются данным текстуальным продуктом. То есть, право объективируется и существует благодаря тексту по причине того, что такой текст представляет собой объективацию принципов, идей и ценностей, на которых базируются правовые и юридические институты. Юридический дискурс обладает ритуальным характером, где под ритуалом понимаются особая деятельность, протекающая в соответствии с определёнными нормами; участники данных действий принимают соответствующие конвенциональные роли. Текст Конституции как Основного Закона многократно воспроизводится в таких ритуалах, благодаря чему он проходит через процесс мифологизации и приобретает сакральность, осуществляющую свободное функционирование политических и юридических структур [Зверева 2017].

Несмотря на то, что Конституция, как говорилось ранее, функционирует в роли юрико-правовой константы, благодаря которой возможно определение однозначной, истинной семантики других политико-правовых текстов, ввиду полисемии юридических терминов и того, что определённые положения Конституции носят общий характер, дискурс Конституции подлежит процедуре официального толкования, или официального разъяснения его смысла и содержания для точного понимания и определения возможности и объёма широты толкования. Особая потребность в толковании Конституции как подвида юридического дискурса обусловлена выражением правовой нормы и её понятий посредством минимума лексики абстрактного содержания при максимальном её смысловом, юридическом наполнении [Зорина 2016, Червонюк 2018].

Также Конституция подлежит процедуре толкования по причине того, что, несмотря на требуемую объективность к текстам данного дискурсивного жанра, по причине человеческого фактора могут быть допущены ошибки, в

числе которых находятся семантические, концептуальные пробелы, неунифицированные термины, грамматические и логические погрешности, внутренние несоответствия и противоречия [Царёв 2015]. Таким образом, интерпретация – это неотъемлемый процесс реализации юридического дискурса [Мирошниченко 2012]. Учёные современности уже ввели термин «юрислингвистика» – отрасль на стыке юриспруденции и лингвистики, направленная на унификацию и конкретизацию процедуры толкования и экспертизы юридических текстов, что обусловлено интегративностью юридического дискурса [Голев 2013, Дединкин 2021].

Существует несколько разновидностей данной процедуры. В первую очередь, для разъяснения аспектов Основного Закона используется филологическое толкование, где производится буквальный анализ текста на основе принятых языковых норм, в большинстве случаев с помощью выяснения значения лексической единицы в пределах данного контекста, поскольку основное значение, закреплённое в словарях, в значительном количестве случаев не совпадает с юридической семантизацией. Данный способ имеет первостепенное значение, и обладает специальным набором правил, обусловленных спецификой юридических смыслов общих терминов, которая иллюстрирует явление относительной однозначности лексической единицы в рамках конкретной системы терминологии. Другими словами, данный тип толкования позволяет выявить семантику лексической единицы путём анализа этимологии, грамматики, синтаксиса и стилистики. Всё же, даже в правовой терминологической системе не исключена многозначность, поэтому наряду с филологическим используется технико-юридический способ толкования, объединяющий в себе филологическое, то есть контекстуальное толкование, и анализ конкретного лексического значения терминологической единицы в данной ситуации на основании случаев её употребления в нормативно-правовой базе, закрепляющей в языке существующую правоприменительную практику, что обуславливает рассмотрение в том числе прецедентных случаев неофициального

толкования. Юридическое толкование включает определение содержания и объема понятия и репрезентирующего термина, в частности, его базовых концептуальных составляющих, соотношения с другими лексическими единицами. Итогом проведения перечисленных процедур предстаёт чёткая, фиксированная дефиниция термина [Белоконь 2011].

Юридический дискурс – это тип институционального дискурса, актуализирующий сферу регуляции социальных взаимоотношений. Отдельное внимание стоит уделить реализации интертекстуальности в юридическом дискурсе, которая проявляется в заимствовании как содержательных, так и формальных элементов, по большинстве случаев из законодательных документов, так как интертекстуальность осуществляется в рамках функционирования определённого стиля. В частности, учёными было выделено несколько видов реализации интертекстуальности в данном типе дискурса: гипертекстуальность, метатекстуальность, архитектстуальность. Гипертекстуальность была определена как связь между текстами, принадлежащими одному институциональному дискурсу, объединёнными общим содержанием и функциями, и выстроенными по общим лингвистическим правилам, что ведёт к нечёткости границ текста и его нелинейному восприятию, однако такому интертексту присуща законченность. Метатекст представляет собой авторский комментарий, где интертекстуальность реализует себя через использование общих лингвистических объектов. Комментарии могут быть классифицированы как толкования, где происходит раскрытие понятий, как интерпретации, где объективирована практическая ситуация применения закона, что требует цитации других законов, а также как смешанный тип. Архитекст представлен интертекстуальным присутствием перечня характеристик, ассоциируемых с прецедентным жанром [Коновалова 2008].

Интертекстуальность применительно к юридическому дискурсу нацелена на аргументацию и доказательство средствами логики и психологии, актуализированными в цитатах. Последние разделяются некоторыми

современными авторами соответственно на собственно юридические, выполняющие функцию построения логического уровня текста и требующие указания своего источника (из числа авторитетных юридических документов), и выразительные, несущие психологическую нагрузку, осуществляемую на выразительно-эмоциональном плане для осуществления перлокутивного эффекта. Наиболее частотны библейские, художественные и публичные цитаты [Богатырев 2014].

Конституционный интертекст, в том числе в юридическом аспекте, представленный в виде системы знаков, созданной обществом, с точки зрения современных исследователей служит причиной развивающегося процесса инструментализации закона, которая находит отражение в семиотике, правовом дискурсе, правовом переводе и собственно юриспруденции. Это происходит как благодаря эволюции самих знаков, так и по причине их переноса их одной среды в другую, кроме того, знаки юридического дискурса подвержены когнитивным процессам распознавания и анализа, что обуславливает непереносимость их адекватной инкорпорации и модификации в целях адаптирования к новой среде [Wagner 2020].

В черты юридического интертекста входят облигаторная экспликация претекста, убедительность, регулятивность, наличие требований к интертекстуальной компетенции адресата, присутствие и межтекстовой, и внутритекстовой цитации, передающей как формальную, так и содержательную составляющие. Цитаты юридического дискурса полифункциональны: они выполняют информативную, аргументативную, номинативную, пояснительную, структурирующую, компрессивную, декоративную, акцентирующую и другие функции [Богатырев 2014, 2015].

Современными учёными установлено, что аргументы и суждения как цель интертекстуальности в юридическом дискурсе связаны между собой посредством семантических и прагматических отношений, выраженных аргументативными схемами. Данные отношения включают в себя аналогию (претекстовые цитаты поясняют интертекст), сравнение (устанавливается

сходство между претекстовыми и интертекстовыми цитатами), симптоматические отношения (проявление сосуществования между объектами, обозначаемыми кореферентными претекстовыми и интертекстовыми цитатами, претекст здесь имеет репрезентирующую или манифестационную функции), причинно-следственные отношения (цитаты претекста актуализируют причину, они же, преобразованные в интертексте, объективируют следствие) [Шевченко 2018].

Конституция как текст и дискурс предстаёт не только в качестве юридического, но и политического феномена, непосредственно связанного с политическими аспектами, созданного политическим субъектами и воплощающего политическую коммуникацию. Политический дискурс обладает многогранностью и благодаря этому имеет множество характеристик, однако в качестве базовых актуализируются связь с политическими проблемами и авторство политика. Основным законом есть частный случай политического дискурса, который воплощён от имени государства и имеет в качестве целевой аудитории массовый и групповой адресат. Адресованность, или адресатность, в принципе является неотъемлемой характеристикой дискурса в связи с тем, что язык – это в любом случае социальный феномен, что представлено как коммуникация субъектов, имеющая функции взаимодействия, самопрезентации и обмена информацией. Касательно политического дискурса адресатность определяется его институциональностью, экспликацией борьбы за власть, наличием ролевой иерархии и другими специфическими характеристиками: различными моделями языкового поведения, жанрами и языковыми средствами политического дискурса. По Е. Шейгал, борьба за власть – это инструментальная функция политического дискурса; данный исследователь выделяет, помимо прочих, регулятивную, референтную и магическую функции политического дискурса. Адресованность также обусловлена интенциональностью: представлением об адресате, в том числе об его интерпретативных механизмах. Политический дискурс, безусловно, обладает

собственной лексикой, выраженной посредством семиотического пространства, состоящего из различных типов знаков: неспециализированных и специализированных – вербальных и невербальных [Грушевская 2019; Сатарова 2019; Чудинов 2012; Шейгал 2000; Fairclough 2003].

Дискурс Конституции, с одной стороны, общедоступен, но с другой, как было сказано ранее, нуждается в толковании специалистов по причине того, что в полной мере он понятен только для них. Кроме того, конституционный дискурс как политическое образование имеет такие свойства, как ритуальность (благодаря чему происходит констатация незыблемости существующих правил и социальных ролей), информативность (служит для успешной реализации коммуникативной функции) и институциональность, наряду с этим конституционному дискурсу присущи стандартность и определённая степень экспрессивности, оценочность и диалогичность, которая объективируется именно с помощью интертекстуальности [Чудинов 2012]. Также политический дискурс обладает замкнутостью и особой структурой, а также подлежит различной языковой интерпретации, что детерминирует подходы к изучению данного жанра дискурса, как дескриптивный и критический [Котенков 2018].

Употребление цитат в политическом дискурсе нередко имеет цель воздействия на адресата (касательно и отдельного субъекта, и целого языкового сообщества) и трансформации его картины мира, в том числе для достижения победы в борьбе за власть, что достигается влиянием на аудиторию посредством вкладывания нужного манипулятору смысла в цитаты прецедентного текста (асимметрия плана содержания и плана выражения); отбора прецедентных текстов, касающихся различных сфер деятельности человека, и языковых средств, при помощи которых производится цитация прецедентного; достижением нужной степени прецедентности исходного текста, или значимости явлений и ситуаций, к которым производится референция [Бастун 2020; Рыбачук 2019; Тибинько 2016; Чантуридзе 2014]. Манипуляция адресатом с помощью прецедентности

осуществляется на разных уровнях: мифологическом, психо-технологическом, символическом, ценностном, эмоциональном, рационально-логическом, или интеллектуальном, социального контроля, манипулированием потребностями [Бабикова 2020; Суханов 2018]. В частности, интертекстуальность в политическом дискурсе осуществляет референцию к культурным кодам, которые, будучи употребленными, усиливают воздействие других кодов, что было охарактеризовано исследователями как «принцип детонации» [Иванова 2011]. Интертекстуальность в политическом дискурсе исследовалась и с точки зрения выявления конкретных коммуникативных намерений, среди которых были выявлены критика оппонентов, обращение к авторитету и тем самым актуализация преемственности, противопоставление себя оппонентам и акцентуация равного уровня коммуникации с народом [Елизарьева 2020].

Интертекстуальные элементы, содержащие политические импликатуры и коннотации, подлежат распознаванию и принятию языковым сообществом, что способствует существованию последнего как единого целого [Nguyen 2021]. Интертекст в своей реализации в политическом дискурсе, с одной стороны, причисляет своего автора к одной общности с адресатами, с другой, позиционирует его высказывания как истинные, что позволяет повысить свой статус. Другими словами, современными учёными признаётся прагматическая функция интертекстуальности в политическом дискурсе, её влияние на адресата в виде манипуляции [Беляков 2009, Махина 2020]. Интерпретация в политическом дискурсе осуществляется благодаря фактору предвосхищения, то есть наличия уже имеющейся совокупности представлений; предвосхищение детерминирует интерпретацию в индивидуальном, социальном и национальном аспектах [Golev 2021]. Интертекстуальность в политическом дискурсе предопределена наличием тематического множества, что ведёт к его диалогичности [Куликов 2013]. Таким образом, неотъемлемой чертой анализа политического дискурса является его критическое восприятие, так как он является инструментом выражения власти и силы [Dijk 1997].

Перечисленные характеристики конституционного дискурса в том числе выражаются посредством понятий ГРАЖДАНСТВО и ПОДДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP, а также некоторых семантически смежных единиц. Данные понятия в процессе цитации, обладая относительно стабильной знаковой формой, актуализируют и кодифицируют развитие отношений государства и субъекта, которые напрямую объективируют сферу права и политики. Рассматриваемые единицы репрезентированы дискурсивным экспертным сообществом, и, с одной стороны, абстрактны, деперсонализованы, осуществляют ритуальность в аспекте принятия субъектом конвенциональной роли участника отношений с государством. С другой стороны, понятия ГРАЖДАНСТВО и ПОДДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP так или иначе передают определённую идеологию и культурные установки с целью воздействия на адресата Основного Закона, что приводит к необходимости их специального толкования и анализа.

1.3. ГРАЖДАНСТВО, ПОДДАНСТВО и смежные дискурсивные понятия

Рассматриваемые в диссертации Основные Законы Великобритании и России являются интертекстами, поскольку данные Конституции представляют собой актуальные для своего времени предшествующие версии Основных Законов, передающие прецедентное правовое и политическое знание и констатирующие его видоизменённое семантическое наполнение посредством механизма моно- и полиреферентной цитации.

Конституция, представляя собой интертекст, является результатом эволюции юридической и политической картины мира, подвергшейся влиянию различных источников, актуализированных в претекстах. Как система цитат, она, с одной стороны, обеспечивает сохранность и передачу знания, закреплённого в предшествующих версиях данного Основного

закона либо в текстах Конституций других стран и других фундаментальных документов; а с другой, наполняет инферентное знание новым содержанием, по той причине, что цитируемые понятия варьируют своё значение, соответствуя политическим и юридическим реалиям нового времени. Каждая последующая версия интертекста воспроизводит, или цитирует претекст, и при этом модифицирует его. Конституция строится на цитации семантизированных базовых правовых и юридических понятий, которые выражаются терминами, то есть системными однозначными лексическими единицами [Литвиненко 2011, 2012а].

Интертексты Конституций России и Великобритании используют собственные языковые способы объективации, проявляющиеся в лексике, грамматике, семантике, и, в частности, в ключевых специальных понятиях, которые, без сомнений, суть отражение культуры и других экстралингвистических сфер данных стран, среди которых ввиду интенции создания конституционного дискурса на первом плане репрезентируются политика и юриспруденция. Поскольку специальные понятия ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО и NATIONALITY, CITIZENSHIP являются объектом нашего исследования, то в нашем исследовании мы останавливаемся на их анализе. Данные специальные политические и правовые понятия входят в число ключевых понятий Конституции, объективирующих в наиболее полной мере специфичность её дискурса. На протяжении эволюции конституционного интертекста они претерпели значительные метаморфозы, отражая меняющиеся экстралингвистические реалии.

Безусловно, нельзя не упомянуть некоторые смежные понятия, входящие в перечень цитируемых базовых единиц конституционного интертекста, к примеру, связанные лексически с ПОДДАНСТВО, ГРАЖДАНСТВО и NATIONALITY, CITIZENSHIP единицы НАЦИОНАЛЬНОСТЬ и ETHNICITY.

Рассмотрим кратко семантическое функционирование терминов-репрезентантов данных понятий в британском конституционном интертексте. Абстрактный термин «nationality» имеет древнеримское происхождение, и изначально соответствующее ему понятие сводилось к обозначению этнических общностей. Включение данным понятием сем, связанных с обществом и политической сферой, началось в Средневековье при переводах Старого Завета; затем в английском языке данное понятие и его имя с дериватами приобрели исключительно социально-политическое лексическое выражение. Популярность понятия NATIONALITY пришла после Великой французской революции. В настоящее время оно относится преимущественно к национальной идентичности (с социально-политическим коннотативным оттенком), а не к этнической принадлежности [White 2006].

Российскому понятию НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, таким образом, в английском языке эквивалентно не NATIONALITY, но ETHNICITY. Следует отметить, что в британском конституционном интертексте последнее понятие объективируется намного реже по сравнению с интертекстом Конституции России, реализуясь при этом, по большей части, в международном законодательном дискурсе либо в словарном интертексте, в некоторых случаях сохраняя синонимию, однако, по большей части, демонстрируя лексические различия, особенно в современных версиях конституционного интертекста.

Рассмотрим словарные дефиниции терминов, реализующих понятия NATIONALITY и ETHNICITY :

Nationality. 1. NATION. 2. The relationship between a citizen of a nation and the nation itself, customarily involving allegiance by the citizen and protection by the state; membership in a nation. This term is often used synonymously with citizenship. See CITIZENSHIP. 3. The formal relationship between a ship and the nation under whose flag the ship sails. See FLAG state [Black's Law Dictionary, 1990: 1151].

Ethnicity. A large group of people with a shared culture, language, history, set of traditions, etc., or the fact of belonging to one of these groups [Cambridge Dictionary [http](http://)].

В данных определениях актуализируется отношение к определённой социальной группе людей, но в дефиниции термина «nationality» субъект принадлежит к определённому государству и находится под его защитой, то есть на первый план выходит политическая семантика; другое значение этого понятия объективируется как «член определённой нации», в то время как термин «ethnicity» акцентирует отношение к нации в социальном аспекте. Таким образом, нельзя не отметить, что данная синонимия лишь частична и по факту реализуется в интертексте словарей, но не в непосредственном конституционном интертексте.

К примеру, в тексте Европейской конвенции о гражданстве (European Convention on Nationality), принятой в 1997 году, приводится прямое определение понятия NATIONALITY, где чётко прослеживается его общий характер, с одной стороны, так как характер связи между государством и человеком не семантизирован; с другой, производится чёткое разграничение специальных понятий NATIONALITY и ETHNICITY, вернее, исключается сема «этническое происхождение»:

Article 2 – Definitions

For the purpose of this Convention:

a. «nationality» means the legal bond between a person and a State and does not indicate the person's ethnic origin;

b. «multiple nationality» means the simultaneous possession of two or more nationalities by the same person [<https://www.coe.int/en/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/rms/090000168007f2c8>].

Более того, конституционный интертекст, как правило, реализует понятие ETHNICITY посредством однокоренного атрибута ETHNIC, который неразрывно связан с семами «раса, нация», «общая культура», «общий язык», «общее происхождение». Как будет показано далее,

перечисленные семьи, по большей части, не будут репрезентированы в понятии NATIONALITY. Чаще всего понятие ETHNICITY в политико-правовом контексте, сочетается с понятием MINORITY, объективируясь как ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО, что, в частности, можно пронаблюдать в словарных дефинициях:

Ethnic minority: a group numerically inferior to the rest of the population of a state whose members are nationals of the state and possess cultural, religious or linguistic characteristics distinct from those of the total population <...>.

[Oxford Dictionary of Law, 2003: 182].

Ethnic: referring to a specific nation or race.

Ethnic group: a group of people with the same background and culture, different from those of other group.

Ethnic minority: a group of people of the race in a country where most people are of the other race [Dictionary of Law, 2004: 110].

При рассмотрении понятия НАЦИОНАЛЬНОСТЬ российского конституционного интертекста прямой связи с правовым статусом человека также нет.

Национальность – принадлежность человека к определённой этнической общности людей, отличающейся особенностями языка, культуры, психологии, традиций, обычаев, образа жизни [БЮС 2010: С. 322].

Национальность – принадлежность человека к какой-либо нации [НЮЭ].

В непосредственном конституционном интертексте России понятие НАЦИОНАЛЬНОСТЬ соотносится скорее с сигнификативным признаком понятий ПОДДАНСТВО и ГРАЖДАНСТВО, обозначающим этническую принадлежность, не вступая в чёткие лексические отношения, например, в приведённом ниже фрагменте современной версии конституционного интертекста, как и в британском интертексте, конституируется соответствие элементов понятийной категории ГРАЖДАНСТВО вне зависимости от

наличия либо отсутствия ряда сигнификативных признаков, среди которых – национальность:

Статья 19

1. Все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Тем не менее, критерием нации как единой общности, и, соответственно, национальности как проявления этой общности, может являться не только этническое происхождение, но и общность территории, что, в частности, влияет на концептуализацию понятий иммигрантов и эмигрантов. Можно утверждать, что в данном случае речь идёт не только об исключительно юридической единице, но и социальной, в этом свете понятие ГРАЖДАНСТВО оказывается связанным с понятием НАЦИОНАЛЬНОСТЬ [Козлов 2013].

Помимо этого, учёными разделяются сопутствующие понятия ЭТНОС и НАЦИЯ. Первое соотносится с группой людей, объединённой исключительно по признаку одинаковой этнической принадлежности, и не включает в себя социально-политические отношения, второе представляет общность, образовавшуюся по причине консолидации на основании этнического признака, однако более развитую социально, политически и культурно, для которой объединяющим фактором в результате эволюции теперь служит связь с государством и другими общественными институтами. В таком случае понятие НАЦИЯ следует из понятия ЭТНОС, но по факту это

сосуществующие системы. В таком видении понятие НАЦИЯ близко к понятию ГРАЖДАНСТВО [Сафонов 2013; Гаджиев 2013].

В рассматриваемых конституционных интертекстах понятия ГРАЖДАНСТВО, ПОДДАНСТВО и CITIZENSHIP, NATIONALITY в общем смысле имеют определённую специфику лингвистической объективации: в ряде текстов данные абстрактные понятия не объективируются напрямую: дефиниции в данных национальных вариантах конституционного интертекста не цитируются, равно как и сами термины «подданство» и «гражданство», «citizenship» и «nationality». Данные единицы представлены фрагментарно, не актуализируя при цитировании свою эволюцию в достаточной мере. Их интертекстуальные связи и семантический функционал реализуются с помощью терминов с субъектной ориентацией «гражданин» и «подданный» (в британском интертексте – «national», «citizen», «subject») и категорий последних, представленных в виде когнитивных структур, потому что именно они в полной мере раскрывают суть понятий ПОДДАНСТВО и ГРАЖДАНСТВО, CITIZENSHIP и NATIONALITY как репрезентации отношений человека и государства через позицию субъекта данных отношений, который является адресатом Конституции. Через эту лингвистическую перспективу проявляются права и обязанности как базовые функции субъекта.

Таким образом, понятия ГРАЖДАНСТВО и ПОДДАНСТВО, NATIONALITY и CITIZENSHIP, а также ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ, NATIONAL, CITIZEN, SUBJECT тесно связаны с ментальными единицами, объективирующими права и обязанности, такими как ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО, СВОБОДА, ОБРАЗОВАНИЕ, ВОИНСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ, ОХРАНА ПРИРОДЫ и др., также составляющими концептуальную основу конституционного интертекста, но ввиду невозможности рассмотреть всё множество данных понятий, в данном исследовании мы затронем только сопутствующие семантические составляющие, функционирующие как

сигнификативные признаки субъектно-ориентированных понятий ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ, NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT.

С точки зрения прототипического подхода, референтами понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT в общем смысле являются люди, состоящие в политико-правовых отношениях с государством. В таком случае, его сигнификат, или набор признаков, есть совокупность обязанностей и прав как результата этих отношений. Здесь необходимо внести уточнение: в рамках данного исследования эволюция понятий исследуется в аспекте родовой референции [Кобозева 2000], то есть референтами служат типичные представители класса, обозначаемого термином, а не конкретные субъекты. Рассмотрение референтов, на которые ссылаются специальные понятия Конституции с точки зрения родовой референции, применимо, так как анализу подлежат типичные представители того множества, которое обозначается данным понятием, без конкретизации какого-либо рода.

На основании прототипического подхода, когнитивная структура понятий ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ, NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT, соотносимая с субъектом, находящимся в определенных политико-правовых отношениях с государством, имеет следующий состав: обособляется ядро, представленное элементами, сигнификат которых включает весь перечень конституционных прав и обязанностей. Околоядерная зона образуется элементами, референты которых имеют большую часть прототипического набора прав и свобод, а на периферии располагаются элементы, чьи референты лишены их частично или полностью ввиду наличия непрототипических свойств, ограничивающих правовую деятельность субъекта.

Эволюция терминов «гражданин» и «подданный», «national», «citizen» и «subject» и их соотношение репрезентируется через лингвистические явления полисемии, синонимии, а также через гиперо-гипонимические отношения. Полисемия часто отождествляется с многозначностью

[Кронагуз 2005: 121], однако многозначность репрезентирует обладание языковой единицей двумя и более значениями, не обязательно относящимися к лексическому уровню, и реализуется как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровнях. Полисемия есть лексическая многозначность, актуализирующаяся синтагматически [Зализняк 2006], представленная через общую семантическую часть, характеризующуюся одинаково относительно других компонентов семантики. Данная часть не обязательна для абсолютно всех значений (как это происходит в случае радиальной синонимии): каждое значение может ограничиться связью как минимум с еще одним значением многозначного слова (цепочечная полисемия) [Апресян 1995]. С полисемией связана лексическая синонимия, понятие которой раскрывается учеными по-разному. Вне сомнения, определяющие черты синонимов суть «тождество и различие их семантики», их симметрия и асимметрия [Хантакова 2006; 2010], однако соотношение данных признаков для определения полных синонимов понимается в науке по-разному. Некоторые ученые представляют синонимы как единицы с обязательной вариативной частью; лексические дублиеты с идентичным значением синонимами не считаются [Шапиро, 1955]. Другие же ученые, напротив, придерживаются точки зрения, что синонимы суть лексические единицы с одинаковым значением, а элементы со значительной общей частью, но с семантическими вариациями уже представляют собой квазисинонимы, или неточные синонимы [Апресян 1995: 235, Кронагуз 2005: 142; Хантакова 2006]. Квазисинонимические отношения подразделяются на два типа: родовидовые, или гиперогипонимические, и видо-видовые, или отношения между гипонимами. Первый вид отношений в рамках системы синонимов может быть лакунарным при отсутствии гиперонима. В когнитивной структуре реализуются отношения гипонимии между общим, родовым

значением-гиперонимом и узкими, частными значениями-гипонимами, представленными как сегменты категории, которые на основании принадлежности к одному и тому же гиперониму являются друг для друга когипонимами [Апресян 1995: 235, Кобозева 2000: 101]. Нужно отметить, что гипо-гиперонимические связи являются одним из основополагающих видов отношений в системах терминов, в том числе юридических [Зорина 2017].

В когнитивной структуре понятия, организованной по метонимическому принципу, каждый кластер репрезентирует гипоним, то есть одно из узких значений родовых терминов «гражданин» и «подданный», «national», «citizen» и «subject», актуализируемых в тексте Основного Закона, а представленное многообразие реализуемых кластеров свидетельствует о многозначности рассматриваемых конституционных терминов; кластеры могут также делиться на сегменты, то есть у каждого отдельно взятого значения присутствуют варианты.

Необходимо отметить, что изучение различных редакций конституций России и Великобритании демонстрирует отсутствие их внутренней стабильности и самоидентичности при сохранении общей организации понятий. То есть содержание специальных понятий с течением времени подлежит трансформациям, что проявляется в видоизменении его ядра и периферии и, соответственно, в его семантической модификации, выраженной в изменениях сигнификативного состава. Иными словами, многозначность рассматриваемых терминов проявляется не только при изучении одного отдельно взятого интертекста, но и на протяжении развития всего интертекстуального целого, где в каждой новой интертекстуальной репрезентации Конституции понятия, стоящие за терминами, видоизменяются, что влечёт модификацию данных терминологических единиц.

Термины «гражданин» и «подданный», «national», «citizen» и «subject» в таком аспекте предстают как цитаты конституционного интертекста, с

одной стороны, отсылающие к кореферентным цитатам-терминам претекстов, с другой, практически осуществляющие референцию к одному и тому же субъекту, то есть к человеку с его правами и обязанностями по отношению к одному и тому же государству. Трансформации терминов-цитат, обусловленные изменениями когнитивной структуры рассматриваемых понятий, детерминированы постоянной эволюцией субъектно-государственных отношений в силу экстралингвистических факторов, что и выражается в модификациях предикативных элементов семантики цитат.

Таким образом, являясь цитатами, специальные понятия ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ, NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT демонстрируют трансформацию своей когнитивной структуры в интертексте, что можно пронаблюдать при их сопоставлении, в частности, посредством ментальных конструкторов ядра и периферии в каждом отдельном варианте конституции.

Нужно отметить, что в современных исследованиях установлена многозначность юридических терминов: существует определённое количество терминологических единиц, не обладающих семантической однозначностью, в том числе ввиду непрерывного процесса «эволютивной юридизации», то есть перехода лексической единицы из сферы общей лексики в область юридической терминологии, где, тем не менее, терминологическая единица не лишается полисемических и синонимических отношений [Иркова 2020].

Проведённый нами анализ различных редакций конституционных текстов и других законов, а также словарных дефиниций наглядно демонстрирует, что структура понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT сохраняет принцип своей организации в целом, но ей не присуща абсолютная дискурсивная устойчивость: наоборот, её содержание со временем значительно меняется, что отражается и кодифицируется рассматриваемыми юридическими и правовыми документами. С этой точки зрения нам представляется оправданным

совмещение изучения специальных понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT с применением методики интертекстуальных исследований, которые предоставляют возможность демонстрации и объяснения причин постоянной реструктуризации данной когнитивной модели.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Интертекст представляет собой знаковое мультиреферентное образование, отсылающее не только к совокупности претекстов, то и к объектам внеязыковой действительности. Как и всякий текст, он служит пространством воспроизводства знаний и опыта, передавая, сохраняя и преобразуя их в цитаты, превращающие прецедентные единицы в компоненты новых дискурсивных практик.

Конституционный интертекст является разновидностью институциональных интертекстов, характеризующейся двойкой жанровой соотнесенностью, а именно совмещением в себе политического и юридического дискурсивных жанров. Конституция как дискурсивный конструкт обладает следующими характеристиками: ритуальностью, абстрактным характером, идеологизированностью, частичной деперсонализированностью (присутствием институционального субъекта), стандартностью и определённой степенью экспрессивности, диалогичностью, адресованностью и относительной стабильностью. В когнитивном аспекте основная роль конституционного интертекста, подобно интертексту в целом, состоит в аккумуляции, кодификации, модификации и передаче специальных знаний посредством включения в новый Основной Закон прецедентных терминов и стоящих за ними фундаментальных понятий. Для выполнения данной функции Конституция воспроизводит свои предыдущие официально принятые редакции и иные юридические и политические источники, вкладывая в них понятия и категории, актуализирующие национальную политико-правовую картину мира.

В число основных интертекстуальных понятий и категорий Основного Закона государства входят ПОДДАНСТВО и ГРАЖДАНСТВО CITIZENSHIP и NATIONALITY, реализуемые непосредственно и через понятия с субъектно-ориентированной семантикой NATIONAL, CITIZEN, SUBJECT, ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ. Значение данных понятий как ключевых

единиц конституционного дискурса обусловлено заложеной в них возможностью представления политико-правового статуса человека с позиции государства, меняющегося со временем.

Для изучения структуры понятийных категорий был избран ряд методов, в том числе метод прототипического анализа, позволяющий проанализировать весь кластер категориальных единиц как цитат, в той или иной мере соотносящихся с лучшим образцом рассматриваемого класса.

С учетом положений когнитивной семантики с ядерным сегментом в рамках категории соотносятся понятия, объективирующие привилегированное социальное и политико-правовое положение субъекта, права и свободы которого образуют прототипический сигнификат; отсутствие ряда прототипических признаков или неполнота выраженности последних обуславливает периферийное положение категориальной единицы в своем классе.

Наличие ядра и периферии категории рассматривается как фактор, приводящий к возникновению многозначности соответствующих данным понятиям терминов.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ «NATIONAL» И СМЕЖНЫХ ЕДИНИЦ В БРИТАНСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ИНТЕРТЕКСТЕ

2.1. Понятия британского конституционного интертекста в современной дискурсивной реализации

Конституция Великобритании имеет давнюю историю: она включает в себя законы со времён истоков своего существования. Так, одна из составных частей Конституции Великобритании, репрезентирующая общее право (Common Law), включает в себя законы, изданные, начиная с 1066 года. Корни данного Основного Закона уходят в такой прецедентный юридический текст, как римское право, служащий одним из фундаментальных интертекстов для многих других Конституций. Однако к Конституции Великобритании римское право имеет непосредственное отношение, так как Британия имела статус колонии Римской Империи, судя по официальным источникам, с 48 по 406 гг. нашей эры. На территории Британии римское право претерпело некоторые изменения, внесённые кельтами и англосаксами; становлению Основного Закона как прецедента способствовала необходимость юридического регулирования конфликтов с племенами данов, совершавшими набеги на территорию Британии. Одним из основных правовых документов англосаксонского права является изданный в 600 г. кодекс короля Этельберта I Кентского, ставший впоследствии юридической базой для использования другими наиболее влиятельными британскими королевствами, например, для создания кодекса Альфреда Великого, Короля Уэссекса. Однако, целью создания данного юридического документа была легитимация христианской церкви как института. В данном документе отсутствовали кодифицированные универсальные дефиниции правовых понятий, что позволяло использовать их различные трактовки исходя из местных обычаев, не зафиксированных текстуально и

основывающихся как на римском праве, так и на кельтских правовых предписаниях. Данные обычаи становятся полноправной текстуально зафиксированной частью Конституции благодаря документу «Великая Хартия Вольностей» (*Magna Carta Libertatum*). Также к неписанным положениям интертекста британского Основного Закона относятся Конституционные соглашения Соединённого Королевства (*Constitutional Conventions of the United Kingdom*), играющие одну из ключевых ролей, но при этом имеющие общий характер и не зафиксированные в виде официального юридического текста. Помимо общего права и конституционных соглашений, в состав Конституции Великобритании входят статуты (*Statutes*) и обычное право наряду с законодательными актами парламента (*The Law and the Custom of Parliament*). В качестве одной из причин данного прецедента выступает отсутствие в истории Великобритании радикальных политических изменений государственного строя, которые детерминировали бы скорое принятие нового Основного Закона в форме единого текстуального продукта, кодифицирующего вновь принятые политико-юридические реалии [Яровая 2018; Полякова 2013]. Конституция Великобритании, таким образом, состоит из множества составных частей – зафиксированных письменно и неписанных, но все они базируются на текстах предшествующих документов, элементы которых присутствуют в настоящих дискурсивных продуктах в виде цитат.

Основной Закон Великобритании, в отличие от большинства современных Конституций, в том числе российской, не ограничивается единым, цельным текстом, а является системой, состоящей из свода документов, не обладающего фиксированным составом. Тем не менее, основа британской Конституции представлена определённым перечнем документов: общее право (*Common Law*), статуты (*Statutes*), то есть законы, конституционные соглашения (*Conventions*) и обычное право наряду с законодательными актами парламента (*The Law and the Custom of Parliament*). [Полякова 2013].

В британском конституционном интертексте на данный момент фигурируют следующие специальные понятия, синонимичные российским ментальным единицам ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ: CITIZEN, NATIONAL, SUBJECT. В наиболее полной мере понятию ГРАЖДАНИН соответствует аналог NATIONAL, имеющий общественно-политический коннотат. В контексте изучения эволюции британского конституционного интертекста представляется необходимым начать анализ с изменения номинативной репрезентации данного специального понятия, так как в настоящее время оно является гиперонимом и несёт наиболее общее значение.

Наряду с законодательными актами, единицами конституционного интертекста служат словари (в том числе правовые и юридические) по причине того, что они представляют собой кодификаторы терминов. Рассмотрим современные словарные дефиниции терминов, соотносящихся с рассматриваемыми понятиями:

National. 1. A member of a nation. 2. A person owing permanent allegiance to and under the protection of a state [Black's 1990: 1121].

Термин «national» актуализирует субъект, который обладает статусом «nationality», а именно принадлежностью к государству и его защитой; альтернативное значение этого понятия представлено как «член определённой нации».

Рассмотрим другие дефиниции рассматриваемых терминов:

National /'næʃ (ə)nəl/ 1. Adjective. Referring to a particular country; 2. Noun. Somebody who is a citizen of a state [Dictionary of Law 2004: 198].

Здесь термин «national» репрезентирован в качестве прилагательного, семантизирующего принадлежность к стране, в роли существительного данный знак употребляется как практически полный синоним терминологической единицы «citizen».

Термин «nationality» в данном словаре определяется как «*the state of being a citizen or subject of a particular country*» [Dictionary of Law 2004: 198],

что эксплицирует само наличие отношений между человеком и государством, но без их содержательной стороны: вводится ещё один термин «subject», переводящийся на русский язык как «подданный» и выступающий в качестве квазисинонимической альтернативы термину «citizen», индикатором чего служит союз «or». По сути, «national» фигурирует здесь как гипероним для «subject» и «citizen».

Нужно отметить, что в международных документах, которые выполняют роль претекста по отношению к конституционному интертексту, к примеру, во всеобщей Декларации прав человека (Universal Declaration of Human Rights), термин «nationality» также употребляется как обозначение связи между человеком и государством, на которую человек имеет право, характер которой он вправе поменять и которая не может быть отчуждена в произвольном порядке. Тем не менее, наличие этой обоюдной связи не есть нечто само собой разумеющееся, поскольку в сигнификат понятия NATIONALITY входят семантические составляющие «возможность смены» и «возможность лишения»:

Article 15.

(1) Everyone has the right to a nationality.

(2) No one shall be arbitrarily deprived of his nationality nor denied the right to change his nationality [Universal Declaration of Human Rights [http](http://www.unhcr.org/refugees/article/48.html)].

В тексте Европейской конвенции о гражданстве (European Convention on Nationality) 1997 года понятие NATIONALITY снова позиционируется как неотъемлемое право, которым обладает каждый вне зависимости от индивидуальных характеристик субъекта, таких как пол, национальность и др. В том числе провозглашается независимость данного права от изменения статуса супружеских отношений:

Article 4 – Principles

The rules on nationality of each State Party shall be based on the following principles:

a. everyone has the right to a nationality;

b. statelessness shall be avoided;

c. no one shall be arbitrarily deprived of his or her nationality;

d. neither marriage nor the dissolution of a marriage between a national of a State Party and an alien, nor the change of nationality by one of the spouses during marriage, shall automatically affect the nationality of the other spouse.

Article 5 – Non-discrimination

1. The rules of a State Party on nationality shall not contain distinctions or include any practice which amount to discrimination on the grounds of sex, religion, race, colour or national or ethnic origin.

2. Each State Party shall be guided by the principle of non-discrimination between its nationals whether they are nationals by birth or have acquired its nationality subsequently [European Convention on Nationality [http](#)].

В настоящем интертексте, кроме того, наблюдается термин «множественное гражданство» – «multiple nationality», другими словами, в семантику соответствующего специального понятия входит ещё один элемент «осуществимость множественности связей с различными государствами», и, как будет видно далее, ни один термин синонимического ряда NATIONAL не имеет данной лексической сочетаемости.

Article 2 – Definitions <...>.

b. «multiple nationality» means the simultaneous possession of two or more nationalities by the same person [European Convention on Nationality [http](#)].

Определение термина «national» не приводится, но употребляется по умолчанию как единица с субъективной семантикой, связанная лексически с «nationality»:

Article 3 – Competence of the State

Each State shall determine under its own law who are its nationals [European Convention on Nationality [http](#)].

Примечательно, что отсутствие какой-либо связи между государством и человеком обозначается термином «statelessness», образованным от корня «state» – «государство», не репрезентированным в синонимическом ряду

рассматриваемых терминов и понятий. «Statelessness» объективируется как отсутствие принадлежности человека к какому-либо государству и позиционируется как нечто нежелательное, соответственно, имеет пейоративную окраску; его антоним «nationality» и соотносящаяся с ним ментальная единица за счёт этого имплицитно характеризуются положительной семантикой:

Desiring to promote the progressive development of legal principles concerning nationality, as well as their adoption in internal law and desiring to avoid, as far as possible, cases of statelessness; <...> [European Convention on Nationality [http](#)].

Также, специальное понятие NATIONALITY включает в себя составляющую значения «военная обязанность»:

Considering it desirable that persons possessing the nationality of two or more States Parties should be required to fulfil their military obligations in relation to only one of those Parties [European Convention on Nationality [http](#)].

При рассмотрении словарных дефиниций терминов «citizen» и «citizenship» наблюдается репрезентация обоюдной связи гражданина и государства, которая заключается в выполнении взаимных прав и обязанностей. Понятия CITIZENSHIP и CITIZEN, таким образом, объективируют равноценные отношения между человеком и государством, где производится референция к состоянию субъекта, акцентуированного как члена общества, активно участвующего в жизни социума.

Citizenship, n. 1. The status of being a citizen. 2. The quality of a person's conduct as a member of a community.

Citizen, n. 1. A person who, by either birth or naturalization, is a member of a political community, owing allegiance to the community and being entitled to enjoy all its civil rights and protections; a member of the civil state, entitled to all its privileges [Black's 1990: 306].

Всё это роднит термин «citizenship», помимо прямого эквивалента «гражданство», с российским именем «гражданственность», за которым

стоит воспитание, образование и деятельность, направленная на сознательную реализацию гражданской позиции: активное выполнение обязанностей и рациональное пользование правами. Понятие ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ инкорпорирует, таким образом, семантические составляющие, объективирующие гражданский долг и патриотизм. Государство здесь объективируется не только как юридический и политический, но и социальный институт; членство с осуществлением коллективных функций и участием в социально-политических процессах. На сегодняшний день актуализация данного аспекта в Основном Законе проявляется в том, что ментальная единица ГРАЖДАНИН характеризуется семей «избирательное право» [Самтакова 2014; Bellamy 2008; Yani 2018].

Как будет показано ниже, избирательное право проявляется в качестве одного из прототипических сигнификативных признаков, принадлежащих рассматриваемым нами понятийным структурам и соотносящихся с ними терминам.

Рассмотрим актуализацию понятия SUBJECT посредством дефиниций словарного интертекста:

Subject. Somebody who is a citizen of a country and bound by its laws [Dictionary of Law 2004: 286-287].

Subject, n. One who owes allegiance to a sovereign and is governed by that sovereign's laws <the monarchy's subjects>.

“Speaking generally, we may say that the terms subject and citizen are synonymous. Subjects and citizens are alike those whose relation to the state is personal and not merely territorial, permanent and not merely temporary [Black’s 1990: 1561].

Первое определение представляет данный термин как синоним знаковой единицы «citizen», но актуализирует его в аспекте выполнения законных обязанностей. Во второй дефиниции номинант отсылает к референту – человеку в роли пассивного объекта действий государства, иными словами, репрезентируется только одна сторона государственно-

человеческих отношений, в отличие от термина «citizen», выводящего на первый план права и свободы.

Примечательно, что для имени «subject» не существует абстрактного термина в качестве источника деривации. Специальное понятие ПОДДАНСТВО выражается в английском языке как ALLEGIANCE. Соответствующий термин употребляется для репрезентации обязанностей субъекта по отношению к государству, что является условием для осуществления последним защиты субъекта, и может происходить как на постоянной основе, так и быть ограничено временными рамками. Референт при этом одновременно обозначается разными именами: «citizen» и «subject», которые в определении ниже представлены как взаимоисключающие, то есть состоящие в квазисинонимических отношениях, что выражено союзом «или». Значит, в данном случае российский термин «подданство» не является полностью аналогичным, так как «allegiance» семантически реализует наличие обязанностей перед государством для любого субъекта, а не только для подданного. То, что представлено понятием ALLEGIANCE, может приобретаться, либо быть неотъемлемым ввиду рождения субъекта на территории данного государства:

Allegiance. A citizen's or subject's obligation fidelity and obedience to the government or sovereign in return for the benefits of the protection of the state. Allegiance may be either an absolute and permanent obligation or a qualified and temporary one.

Acquired allegiance. The allegiance owed by a naturalized citizen or subject.

Natural allegiance. The allegiance that native-born citizens or subjects owe to their nation. Permanent allegiance. The lasting allegiance owed to a state by its citizens or subjects [Black's 1990: 87].

В другой словарной дефиниции не представлен статус субъекта, но опять объективировано подчинение, на этот раз государству или монарху как его олицетворению:

Allegiance. Obedience to the State or the Crown. Oath of allegiance
[Dictionary of Law, 2004: 12].

2.2. Изменения семантики понятий NATIONAL, CITIZEN и SUBJECT в британском конституционном интертексте

Первой версией конституционного интертекста, текстуально отразившей права и свободы подданных Британии, стал законодательный акт «Билль о правах» (the Bill of Rights 1689), другое его название – «An Act, declaring the Rights and Liberties of the Subject, and settling the Succession of the Crown». Он по сей день представляет собой одну из основополагающих частей интертекста британской Конституции. В данном документе употребляется такой синоним специального понятия NATIONAL, как SUBJECT (подданный), однако не приводится его дефиниция; тем не менее, представляется возможным детерминировать сигнификат данного понятия исходя из текстовой экспликации прав и свобод подданного:

Right to petition.

That it is the Right of the Subjects to petition the King and all Commitments and Prosecutions for such Petitioning are Illegall.

Subjects' Arms.

That the Subjects which are Protestants may have Arms for their Defence suitable to their Conditions and as allowed by Law.

Freedom of Election.

That Election of Members of Parlyament ought to be free.

Freedom of Speech.

That the Freedom of Speech and Debates or Proceedings in Parlyament ought not to be impeached or questioned in any Court or Place out of Parlyament.

Excessive Bail.

That excessive Baile ought not to be required nor excessive Fines imposed nor cruell and unusuall Punishments inflicted.

Grants of Forfeitures.

That all Grants and Promises of Fines and Forfeitures of particular persons before Conviction are illegal and void» [Bill of Rights [http](http://)].

Характерными сигнификативными признаками данного понятия, таким образом, предстают актуализации следующих прав: «право подавать прошения королю», «право иметь оружие для защиты», «право избирать членов парламента», «свобода слова», «запрет жестких наказаний» и «запрет на взимание дополнительных налогов», «запрет на взимание денежных штрафов до суда».

В данном документе приведён текст клятвы подданства, что объективирует семантический компонент «верность монарху и служение ему», то есть, помимо перечисленного, понятие SUBJECT обладает сигнификативным признаком «подчинение монарху». Несмотря на это, по большей части, подчёркивается такая часть сигнификата, как «права и свободы» (*Rights and Liberties*). Значит, изначально понятие SUBJECT является семантически близким к CITIZEN в его современной репрезентации с той лишь разницей, что SUBJECT включает в себя предикативный элемент «подчинение монарху».

Однако, текст «Билля о правах» не позволяет выстроить когнитивную структуру понятия SUBJECT ввиду того, что не объективирует ни типы подданства, соотносящиеся с кластерами данной структуры, ни прототипический референт, нужный для выделения её ядра и детерминации расположения в ней элементов. Имеющиеся данные позволяют определить соответствующую знаковую единицу «subject» в качестве родового имени структуры. Суть, дистинктивные черты и соотношение действовавших на тот момент разновидностей подданства, актуальных для Англии как предшественника Великобритании с точки зрения государственности, были кодифицированы английским учёным, политиком и адвокатом сэром Уильямом Блэкстоном в его фундаментальном труде «Комментарии к английским законам» (*Commentaries on the Laws of England 1769*): как было указано выше, в конституционном праве Великобритании на протяжении

всей её истории и на сегодняшний день отсутствует жёсткая система письменно кодифицированных документов. Принимая во внимание данную специфику, мы рассматриваем данный текст в качестве авторитетного юридического источника, представляющего собой элемент британского конституционного интертекста, который вобрал в себя знания правовых текстов данной эпохи, в том числе неписаных, и зафиксировал их.

В интертексте документа «Commentaries on the Laws of England» название главы, описывающей модификации подданства, репрезентирует все имена, объективирующие данное понятие: «*Of the people, whether aliens, denizens, or natives*». Так, люди по своему положению подразделялись на следующие основные классы: «подданные по рождению» («natural-born subjects» или «natives»), соответствующие понятийные единицы суть NATURAL-BORN SUBJECTS/NATIVES), «натурализованные подданные» («denizens», соотносящийся элемент структуры понятия - DENIZEN) и «иноземцы» («aliens», стоящее за данным термином понятие - alien). Детерминируется понятие ALLEGIANCE, с помощью которого получают семантизацию две вариации сигнификативного признака «подчинение монарху в обмен на защиту» – «natural allegiance», то есть «постоянное подчинение монарху в обмен на постоянную защиту», присущее только элементам, номинированным как «natural-born subjects» или «natives»; и «local allegiance» – «подчинение монарху в обмен на защиту, ограниченную временем проживания субъекта на территории Англии», свойственный элементам, обозначаемым именем «aliens». Когнитивная структура категории SUBJECT исключает из своего состава элементы с именем «alien» на основании отсутствия признаков «рождение на территории Англии» и «подчинение монарху в обмен на защиту» (во всех вариациях):

The firft and moft obvious divifion of the people is into aliens and natural-born fubjects. Natural-born fubjects are fuch as are born within the dominions of the crown of England, that is, within the ligeance, or as it is generally called, the

allegiance of the king; and aliens, such as are born out of it [Blackstone's Commentaries on the Laws of England [http](http://)].

Соответственно, главным критерием, по которому определяется расположение элемента в когнитивной структуре понятия и актуализируется степень привилегированности соответствующего референта, служит «рождение на территории Англии». По сравнению с претекстом «Билля о правах» 1689 года, где понятие SUBJECT объективирует ключевые признаки отношений государства и человека, которые выражены по большей части с точки зрения прав и свобод, в интертексте «Commentaries on the Laws of England» имя специального понятия SUBJECT предстаёт не только в виде гиперонима, но одновременно объективируется как гипоним, являющийся репрезентантом прототипического элемента когнитивной структуры понятия. В данном качестве термин «subject» приобретает определение «natural-born», а также имеет дублетный синоним «native» (коренной житель), актуализируя прототипический характер сигнификативного признака «рождение на территории Англии». Эталонный репрезентант понятия обладает наиболее широким набором сигнификативных признаков, воплощающих привилегированность за счёт наличия всех возможных прав и свобод: «участие в политической жизни государства», «возможность приобретения земли для собственных нужд», «право наследования» и «торговля со стандартными пошлинами», «постоянное обладание защитой государства» и др.

Однако, элемент без сигнификативного признака «рождение на территории Англии» мог войти в рассматриваемую когнитивную структуру при наличии другого компонента сигнификата «постоянное подчинение монарху в обмен на защиту», принимая роль промежуточного звена между находящимся за пределами структуры SUBJECT элементом ALIEN и прототипической единицей NATIVE (NATURAL-BORN SUBJECT). Данный элемент категории занимает периферийное положение и актуализируется как DENIZEN. Его имя «denizen», то есть «натурализованный гражданин»,

осуществляет референцию к иностранцу, официально приобретающему подданство. Понятие «denizen» обладает сигнификативными признаками «защита государством» и «приобретение земли для собственных нужд», однако «право наследования», «торговля со стандартными пошлинами», «участие в политической жизни государства» не присутствуют в сигнификате.

Таким образом, в ранних версиях британского конституционного интертекста родовое понятие, репрезентирующее каждого субъекта, находящегося в политико-правовых отношениях с государством, было представлено термином «subject». Данные отношения выражались сигнификативным признаком, обозначаемым языковой единицей «allegiance» – подданство, то есть «подчинение монарху в обмен на защиту», вместе с этим в категории понятия SUBJECT конституируется область, включающая сигнификативные признаки с различной степенью актуализации прав и свобод. Ядро категории было представлено понятием, выражаемым термином «natural-born subject», который профилировал полноту прав. Для актуализации зависимости полноты прав и свобод от факта рождения в Англии он включал атрибут «natural-born», а также имел дублетную альтернативу «native». Околоядерная зона характеризовалась ментальной единицей, объективируемой термином «denizen», ставшим архаичным и не имевшим прототипические сигнификативные признаки «право наследования», «торговля со стандартными пошлинами», и «участие в политической жизни государства».

Другими словами, родовое понятие, репрезентируемое в языке как термин «subject», в ранних версиях британского конституционного интертекста включало в область своего охвата следующие гипонимы:

1. «Native, или natural-born subject» – субъект, родившийся на территории Англии и в силу этого подчиняющийся монарху в обмен на постоянную защиту с его стороны, а также обладающий всеми правами и свободами;

2. «Denizen» – субъект, родившийся за пределами Англии, но принявший её подданство, не обладающий ввиду рождения за границей некоторыми правами, в том числе политическими.

Помимо этого, в данном интертексте употребляются обобщённые термины: люди – «persons», «people», человек – «man», личности, индивиды – «individuals», англичанин – «Englishman» (подразумевается государственная, а не этническая принадлежность), однако они употребляются в контексте перечисления неотъемлемых прав человека, актуализируя в общей для всех части сигнификата признаки «право на жизнь и личную безопасность», «право на личную свободу», «право на собственность», «право петиции к монарху» и «право на ношение оружия» являясь, с одной стороны, синонимами гиперонима «subject», с другой, соотносясь со слишком обобщёнными ментальными единицами, не касающимся прототипической/непрототипической специфики сигнификата.

Нужно отметить, что «Билль о правах» по сей день входит в Конституцию Великобритании как её непосредственная часть, обладая актуальным юридическим статусом: список базовых прав и свобод остался неизменным, из этого следует, что часть сигнификата категории SUBJECT, актуализирующая эти неотъемлемые права и свободы, присущие для британского подданного в общем смысле, практически не менялась. Впоследствии, данная составляющая сигнификата была и осталась свойственна всем членам категории, соотносящейся с понятием-гиперонимом, вне зависимости от того, посредством какого имени данное понятие актуализировалось. Отличия же членов одной категории между собой, репрезентируемые в интертексте британской конституции, касаются, по большей части, признаков сигнификата, репрезентирующих избирательное право и право проживания на территории данного государства, а также их ограничения, что будет представлено ниже.

Последующие документы, входящие в рамки конституционного интертекста Великобритании: «British Nationality Act 1730» и «British

Nationality Act 1772», в своих названиях уже репрезентируют NATIONALITY как общее понятие, актуализирующее политико-правовые связи государства и человека. Тем не менее, семантика этой ментальной единицы в самом тексте не объективируется; термин «natural-born subject», соответствующие прототипу понятийной структуры, цитируется с изменениями: расширяется его референциальный круг, а именно вводится элемент сигнификата «наличие отца, который является британским подданным по рождению», который делает опциональным признак «рождение на территории Великобритании». Таким образом, термин «natural-born subject» обретает два варианта значения: «субъект, родившийся на территории Великобритании» и «субъект, чей отец родился на территории Великобритании», у обеих разновидностей присутствует семантические составляющие «подчинение монарху в обмен на постоянную защиту с его стороны» (обозначается в данных интертекстах термином «ligeance», архаичным вариантом «allegiance»), а также «обладание всеми правами и свободами».

Одной из фундаментальных политических свобод человека, безусловно, является избирательное право. Не нашедшее репрезентации в фрагментах британского конституционного интертекста, касающихся непосредственного статуса субъекта по отношению к государству, оно нашло текстуальную экспликацию в отдельной серии документов, посвященной исключительно возможности избирать представителей власти. Вне сомнений, избирательное право функционирует как один из важнейших признаков сигнификата понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН в их различных модификациях, определяющий местоположение подчинённого элемента в той или иной части когнитивной структуры рассматриваемых единиц.

В Акте об избирательной реформе 1832 года был актуализирован ещё один элемент описанной выше структуры специального понятия SUBJECT. Помимо натурализованных граждан, обозначенных как «denizen» и в принципе не обладавших политическими правами, на периферии оказывались элементы без специальной номинации с отсутствием

сигнификативного признака «избирательное право», что определялось наличием следующих непрототипических элементов сигнификата: «несоответствие имущественному цензу», «несовершеннолетие», «женский гендер», «недееспособность по медицинским показаниям», «проживание вне территории Великобритании». Другими словами, в понятийной структуре SUBJECT, помимо единиц, объективированных терминами «native/natural-born subject» и «denizen», выделяется третий элемент: «субъект, не обладающий избирательным правом», который реализуется в пяти вариантах значения: 1. Малоимущий субъект; 2. Несоввершеннолетний 3. Женщина; 4. Недееспособный по медицинским показаниям; 5. Проживающий вне территории Великобритании. Учитывая монархическую форму правления Великобритании, речь, конечно, идёт о парламентских выборах либо выборах в местные органы власти. В интертекстах аналогичных актов от 1876 и 1884 годов был последовательно снижен имущественный ценз, что уменьшило референциальный круг первого варианта указанного периферийного значения и увеличило охват центрального кластера.

В последующем интертексте «British Nationality and Status of Aliens Act 1914» понятие NATIONALITY снова представлено в заголовке текста как общий абстрактный термин, служащий для объективации различных видов взаимодействия между государством и человеком, но не относящийся напрямую к понятийной категории и не объективирующийся в ней.

В качестве обозначения любого субъекта, имеющего политико-правовые отношения с Великобританией, и для актуализации родового понятия SUBJECT цитируется термин «subject», однако он приобретает определение «British», лексически эксплицирующее государственную принадлежность.

The expression "British subject" means a person who is a natural-born British subject, or a person to whom a certificate of naturalization has been granted, or a person who has become a subject of His Majesty by reason of any annexation of territory [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 [http](http://)].

Прототипический термин «natural-born subject», воспроизводясь в качестве цитаты, теряет свой лексический дублет «native», зато также приобретает определение «British» – «natural-born British subject». Соответствующая эталонная единица когнитивной структуры NATURAL-BORN BRITISH SUBJECT меняет свой сигнификативный состав по сравнению с претекстовой цитатой NATURAL-BORN SUBJECT, что приводит к выделению нескольких вариантов значения репрезентирующего термина. Практически неизменным остаётся признак «рождение на территории Великобритании», и его наличие определяет первый вариант. Сигнификативный признак, детерминирующий второй вариант значения, а именно «наличие отца – британского подданного по рождению» приобретает общий характер и репрезентируется в тексте как «наличие отца – британского подданного» со следующими вариациями: наличие отца 1. британского подданного по рождению; 2. натурализованного подданного; 3. ставшего британским подданным ввиду аннексии территории; 4. находившегося на момент рождения субъекта на службе у монарха. Более того, появляется третий вариант значения, обусловленный сигнификативным признаком «рождение на британском корабле»:

Part I. Natural-born British Subjects

1. Definition of natural-born British subject

(1) The following persons shall be deemed to be natural-born British subjects, namely:—

(a) Any person born within His Majesty's dominions and allegiance; and

(b) Any person born out of His Majesty's dominions whose father was, at the time of that person's birth, a British subject, and who fulfils any of the following conditions, that is to say, if either—

(i) his father was born within His Majesty's allegiance; or

(ii) his father was a person to whom a certificate of naturalization had been granted; or

(iii) his father had become a British subject by reason of any annexation of territory; or

(iv) his father was at the time of that person's birth in the service of the Crown <...>.

(c) Any person born on board a British ship whether in foreign territorial waters or not [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 [http](#)].

Имя «denizen» перестаёт цитироваться: его функционирование в британском конституционном интертексте заканчивается переходом в разряд архаизмов. Соответствующая ему периферийная ментальная единица претекста, актуализирующая референта – субъекта чужой страны, получившего подданство Великобритании как результат натурализации, приобретает совершенно такой же набор сигнификативных признаков в виде лексической объективации набора прав и обязанностей, как и прототипический элемент NATURAL-BORN BRITISH SUBJECT, тем самым осуществляя передвижение из периферии категории в её ядро, не получая, однако, отдельного имени:

A person to whom a certificate of naturalization is granted by a Secretary of State shall, subject to the provisions of this Act, be entitled to all political and other rights, powers, and privileges, and be subject to all obligations, duties, and liabilities, to which a natural-born British subject is entitled or subject, and, as from the date of his naturalization, have to all intents and purposes the status of a natural-born British subject [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 [http](#)].

Специфический сигнификативный признак данной ядерной единицы, эксплицирующей натурализованного подданного, это «наличие сертификата натурализации». Он обеспечивает вхождение данного элемента в когнитивную структуру BRITISH SUBJECT, отличая его от не входящего в категорию элемента ALIEN. Реализация этого признака зависит от наличия группы других облигаторных элементов сигнификата: «проживание в Великобритании в течение пяти лет» (также объективируется его вариация

«служение Британской короне в течение пяти лет за период восьми последних лет»), «хорошие личные качества», «удовлетворительное владение английским языком» и «намерение осуществить дальнейшее проживание на территории Великобритании либо служение Британской короне», «принесение клятвы подданства»:

Part II. Naturalization of Aliens

2. Certificate of naturalization

(1) The Secretary of State may grant a certificate of naturalization to an alien who makes an application for the purpose, and satisfies the Secretary of State—

(a) that he has either resided in His Majesty's dominions for a period of not less than five years in the manner required by this section, or been in the service of the Crown for not less than five years within the last eight years before the application; and

(b) that he is of good character and has an adequate knowledge of the English language; and

(c) that he intends if his application is granted either to reside in His Majesty's dominions or to enter or continue in the service of the Crown.

<...>.

«A certificate of naturalization shall not take effect until the applicant has taken the oath of allegiance» [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 [http](http://)].

Помимо этого, для включения во множество, охватываемое элементом «натурализованный гражданин», был необходим признак «дееспособность». Антонимичный признак «недееспособность», исключающий элемент из ядра понятийной структуры, имеет вариации: «недееспособность по медицинским показателям», «статус замужней женщины» и «несовершеннолетие». Тем не менее, при наличии последнего варианта данного непрототипического признака вхождение элемента в центральную часть понятия было возможно: референт-несовершеннолетний при определённых условиях мог стать

натурализованным подданным (зависело от решения органов власти в каждом отдельном случае), но не обязательно. Отдельные сигнификативные признаки, репрезентирующие эти условия, не были эксплицированы в данном интертексте.

Persons under disability

(1) Where an alien obtains a certificate of naturalization, the Secretary of State may, if he thinks fit, on the application of that alien, include in the certificate the name of any child of the alien born before the date of the certificate and being a minor, and that child shall thereupon, if not already a British subject, become a British subject; but any such child may, within one year after attaining his majority, make a declaration of alienage, and shall thereupon cease to be a British subject.

(2) The Secretary of State may, in his absolute discretion in any special case in which he thinks fit, grant a certificate of naturalization to any minor, whether or not the conditions required by this Act have been complied with.

(3) Except as provided by this Act, a certificate of naturalization shall not be granted to any person under disability.

<...>. The expression "disability" means the status of being a married woman, or a minor, lunatic, or idiot [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 [http](http://)].

Периферийный элемент когнитивной структуры BRITISH SUBJECT относится к референту «жена британского подданного». Соответствующий вариант значения термина «British subject» включает сигнификативный признак «наличие мужа – британского подданного», благодаря чему входит в категорию понятия, однако, из-за наличия непрототипической характеристики «женский гендер» данный элемент входил в периферийный кластер. Приобретение элементом признака «наличие мужа – иностранца» выводило его из категории:

Subject to the provisions of this section, the wife of a British subject shall be deemed to be a British subject, and the wife of an alien shall be deemed to be an alien [British Nationality and Status of Aliens Act 1914 [http](http://)].

Когнитивная структура категории BRITISH SUBJECT в интертексте «British Nationality and Status of Aliens Act 1914» соотносится с родовым понятием и репрезентируется термином «British subject», обозначающим всех соответствующих ему референтов. В ядро данной категории входят два понятия: NATURAL-BORN BRITISH SUBJECT, актуализированное термином-гипонимом «natural-born British subject», и не детерминированная в знаковой форме ментальная единица, осуществляющая референцию к натурализованному подданному. Таким образом, центральный сегмент категории BRITISH SUBJECT разделяется на два равноправных сегмента, различающихся рядом сигнификативных признаков, которые, тем не менее, семантически не репрезентируют различия в привилегированности референта, а элементы сигнификата, объективирующие права, свободы и обязанности, тождественны. Элементы периферии когнитивной структуры цитируются из рассмотренных выше актов, регулирующих избирательное право и продолжающих действовать на момент выхода интертекста «British Nationality and Status of Aliens Act 1914». Периферийный кластер, таким образом, представлен по-прежнему элементами без прототипического сигнификативного признака «избирательное право» с обуславливающими его вариациями наборов непрототипических элементов сигнификата. Термин – гипероним «British subject» имеет следующие значения, находящихся актуализацию в гипонимах:

1. «Natural-born British subject» – субъект, обладающий подданством Великобритании ввиду причин, связанных с рождением на территории Великобритании. Варианты:

- 1) Субъект, родившийся на территории Великобритании;
- 2) Субъект, чей отец является британским подданным;
- 3) Субъект, родившийся на британском корабле.

2. Не эксплицированное термином значение, репрезентирующее натурализованного подданного: дееспособный, совершеннолетний субъект мужского пола или женского, но при этом не состоящий в браке, получивший сертификат натурализации;

3. Субъект, не обладающий избирательным правом. Варианты значения: 1) Малоимущий субъект; 2) Несовершеннолетний 3) Женщина; 4) Недееспособный по медицинским показаниям. 5) Проживающий вне территории Великобритании.

В 1918 году был реализован следующий репрезентант конституционного интертекста, а именно новая версия акта, регулирующего избирательное право (Representation of the People Act 1918). В данном интертексте цитируется последний, периферийный элемент категории BRITISH SUBJECT, претерпевая определённые модификации: элиминируется его первый вариант, характеризующийся непрототипическим признаком «несоответствие имущественному цензу», а также уменьшается область референциального охвата третьего значения из-за включения в его сигнификат дополнительных непрототипических признаков «возраст до 30 лет» и «несоответствие имущественному цензу». Соответственно, при потере реальной актуализации данных признаков референтом, элемент, его обозначающий, входил уже в ядро категории: сам по себе признак «женский гендер» перестал быть непрототипическим, являясь таковым только в комбинации с другими элементами сигнификата.

В последующем интертексте, имеющем прямое отношение к избирательному праву – «Representation of the People (Equal Franchise) Act 1928» признак «женский гендер» утратил непрототипический характер, и соответствующий периферийный вариант значения был вообще элиминирован: при наличии всего прототипического сигнификата элементы с данным элементом сигнификата переходили в ядро категории BRITISH SUBJECT.

В последующей версии интертекста, а именно Акте о гражданстве 1948 года (British Nationality Act 1948) также актуализируется термин «nationality», присущий всем членам, входящим в когнитивную структуру рассматриваемого понятия. Оно соотносится со всеми субъектами государственно-правовых отношений и с термином «British subject», который цитируется, приобретая новые гипонимы в виде языковых единиц «Citizen of the United Kingdom and Colonies» (СУКК) и «Commonwealth citizen», что объективируется в первом пункте данного акта, в части с названием «British Nationality». Таким образом, в британский конституционный интертекст вводится специальное понятие CITIZEN, стоящее за указанными терминологическими единицами.

Part I. British Nationality

1. British nationality by virtue of citizenship

(1) Every person who under this Act is a citizen of the United Kingdom and Colonies or who under any enactment for the time being in force in any country mentioned in subsection (3) of this section is a citizen of that country shall by virtue of that citizenship have the status of a British subject.

(2) Any person having the status aforesaid may be known either as a British subject or as a Commonwealth citizen; and accordingly in this Act and in any other enactment or instrument whatever, whether passed, or made before or after the commencement of this Act, the expression " British subject " and the expression " Commonwealth citizen " shall have the same meaning [British Nationality Act 1948 [http](http://)].

Другими словами, понятия SUBJECT (ПОДДАННЫЙ) и CITIZEN (ГРАЖДАНИН) и сопутствующие им термины обладают полной синонимией в пределах данного интертекста, при этом более не относясь ко всей категории, а только к её ядру, объективируя прототипические единицы. Тем не менее, между данными терминами и понятиями имеются некоторые семантические различия. Посредством термина «Citizen of the United Kingdom and Colonies» (СУКК), во-первых, лексически актуализируется

колониальная структура Британской Империи, во-вторых, производится замена семантического компонента «subject» на «citizen». Альтернативная единица «Commonwealth citizen» имеет в своём составе определение «Commonwealth» – данная номинация объективирует гражданство Содружества, то есть союза Великобритании и политически связанных с ней стран, что обусловлено нивелированием языковой репрезентации главенства Британии среди стран Содружества. Термин, актуализированный в претекстах именем «allegiance», при цитации в данном интертексте меняется на «citizenship», семантически реализуя приоритет прав и свобод человека и относясь ко всем прототипическим членам когнитивной структуры.

Специальное понятие CITIZEN OF THE UNITED KINGDOM AND COLONIES (CUKC) представлено четырьмя входящими в его охват единицами. В прототипическом элементе NATURAL-BORN BRITISH SUBJECT, который теряет имя, при цитации в данном интертексте реализуется в виде двух разновидностей: 1. гражданин по рождению (CITIZEN BY BIRTH), 2. гражданин по происхождению (CITIZEN BY DESCENT). Вторая не эксплицированная термином ментальная единица, цитируясь, также получает два варианта, которые характеризуются как: 1. натурализованный гражданин (CITIZEN BY NATURALISATION) и 2. гражданин с приобретённым гражданством (CITIZEN BY REGISTRATION). Отдельно вводится ещё один элемент, занимающий место в центре категории: CITIZEN BY INCORPORATION OF TERRITORY, то есть «гражданин Великобритании, приобретший данный статус посредством включения территории, на которой он проживает, в состав Великобритании и её колоний», обладающей специфическими сигнификативными признаками «принадлежность к инкорпорируемой территории» и «вхождение в круг лиц, имеющих право на гражданство (данный круг определялся монархом в каждом конкретном случае)».

If any territory becomes a part of the United Kingdom and Colonies, His Majesty may by Order in Council specify the persons who shall be citizens of the

United Kingdom and Colonies by reason of their connection with that territory; and those persons shall be citizens of the United Kingdom and Colonies as from a date to be specified in the Order [British Nationality Act 1948 [http](#)].

При рассмотрении элемента CITIZEN BY BIRTH выделяются следующие признаки сигнификата: «рождение на территории Великобритании», «наличие отца, не обладающего дипломатической неприкосновенностью, данной другим государством», «наличие отца, не обладающего принадлежностью к стране, враждующей с Великобританией» «рождение на территории, не оккупированной вражеским государством». То есть, по сравнению с претекстовой соответствующей единицей, в интертексте Акта о гражданстве 1948 года цитируется только один сигнификативный признак «рождение на территории Великобритании», остальные сигнификативные элементы являются новыми.

Citizenship by birth.

Subject to the provisions of this section, every person born within the United Kingdom and Colonies after the commencement of this Act shall be a citizen of the United Kingdom and Colonies by birth.

Provided that a person shall not be such a citizen by virtue of this section if at the time of his birth —

(a) his father possesses such immunity from suit and legal process as is accorded to an envoy of a foreign sovereign power accredited to His Majesty, and is not a citizen of the United Kingdom and Colonies; or

(b) his father is an enemy alien and the birth occurs in a place then under occupation by the enemy [British Nationality Act 1948 [http](#)].

Для элемента CITIZEN BY DESCENT характерен следующий обязательный признак: «наличие отца, который является гражданином Великобритании», у которого есть две вариации: «наличие отца, получившего гражданство Великобритании не по происхождению» и «наличие отца – гражданина Великобритании по происхождению». При наличии последней версии данного признака включение в когнитивную

структуру возможно при наличии одной из следующих составляющих сигнификата: «рождение гражданина или его отца на территории, где британские подданные подвластны юрисдикции монарха», «регистрация рождения в консульстве Великобритании при рождении на территории другой страны», «служение отца британской Короне на момент рождения» и «рождение на территории страны Содружества, (если не принято гражданство этой страны)»:

Citizenship by descent.

(1) Subject to the provisions of this section, a person born after the commencement of this Act shall be a citizen of the United Kingdom and Colonies by descent if his father is a citizen of the United Kingdom and Colonies at the time of the birth:

Provided that if the father of such a person is a citizen of the United Kingdom and Colonies by descent only, that person shall not be a citizen of the United Kingdom and Colonies by virtue of this section unless—

(a) that person is born or his father was born in a protectorate, protected state, mandated territory or trust territory or any place in a foreign country where by treaty, capitulation, grant, usage, sufferance, or other lawful means, His Majesty then has or had jurisdiction over British subjects; or

(b) that person's birth having occurred in a place in a foreign country other than a place such as is mentioned in the last foregoing paragraph, the birth is registered at a United Kingdom consulate within one year of its occurrence, or, with the permission of the Secretary of State, later; or

(c) that person's father is, at the time of the birth, in Crown service under His Majesty's government in the United Kingdom; or

(d) that person is born in any country mentioned in subsection (3) of section one of this Act in which a citizenship law has then taken effect and does not become a citizen thereof on birth [British Nationality Act 1948 [http](http://www.britain.gov.uk)].

Элемент CITIZEN BY REGISTRATION включает два варианта. Для первого, который есть «гражданин Ирландии или страны Содружества»,

обязательны сигнификативные признаки «гражданство Ирландии или страны Содружества», «совершеннолетие» и «дееспособность», «проживание на территории Великобритании более двенадцати месяцев» или «служение британской Короне». (Хотя отсутствие признака «совершеннолетие» в данном случае может, как и в претексте, не повлиять на вхождение элемента в рассматриваемую когнитивную структуру). Вторая модификация рассматриваемого элемента «женщина с приобретённым гражданством» обладает специфическим признаком «замужество за гражданином Великобритании и её колоний» и не включает сигнификативных составляющих «совершеннолетие» и «дееспособность» в качестве обязательных.

Citizenship by registration

Registration of citizens of countries mentioned in s. 1 (3) or of Eire and wives of citizens of the United Kingdom and Colonies

(1) Subject to the provisions of subsection (3) of this section, a citizen of any country mentioned in subsection (3) of section one of this Act or a citizen of Eire, being a person of full age and capacity, shall be entitled, on making application therefor to the Secretary of State in the prescribed manner, to be registered as a citizen of the United Kingdom and Colonies if he satisfies the Secretary of State either—

(a) that he is ordinarily resident in the United Kingdom and has been so resident throughout the period of twelve months, or such shorter period as the Secretary of State may in the special circumstances of any particular case accept, immediately preceding his application; or

(b) that he is in Crown service under His Majesty's government in the United Kingdom.

(2) Subject to the provisions of subsection (3) of this section, a woman who has been married to a citizen of the United Kingdom and Colonies shall be entitled, on making application therefor to the Secretary of State in the prescribed manner, and, if she is a British protected person or an alien, on taking an oath of

allegiance in the form specified in the First Schedule to this Act, to be registered as a citizen of the United Kingdom and Colonies, whether or not she is of full age and capacity <...> [British Nationality Act 1948 http].

Элемент CITIZEN BY NATURALISATION обладает следующим набором сигнификативных признаков: «наличие сертификата натурализации», «совершеннолетие», «дееспособность», «наличие связи с Великобританией в течение восьми последних лет» (данный признак имеет разновидности «проживание на территории Великобритании», «проживание на территории страны Содружества и последующее проживание на территории Великобритании в течение года», «служба британской Короне»), «удовлетворительное знание английского языка», «хорошие личные качества» и «наличие удовлетворительных намерений, связанных с дальнейшим проживанием либо родом занятий»:

Citizenship by naturalisation:

Naturalisation of aliens and British protected persons

(1) The Secretary of State may, if application therefor is made to him in the prescribed manner by any alien or British protected person of full age and capacity who satisfies him that he is qualified under the provisions of the Second Schedule to this Act for naturalisation, grant to him a certificate of naturalisation ; and the person to whom the certificate is granted shall, on taking an oath of allegiance in the form specified in the First Schedule to this Act, be a citizen of the United Kingdom and Colonies by naturalisation as from the date on which that certificate is granted <...>.

Subject to the provisions of the next following paragraph, the qualifications for naturalisation of an alien who applies therefor are: —

(a) that he has either resided in the United Kingdom or been in Crown service under His Majesty's government in the United Kingdom, or partly the one and partly the other, throughout the period of twelve months immediately preceding the date of the application; and

(b) that during the seven years immediately preceding the said period of twelve months he has either resided in the United Kingdom or any colony, protectorate, United Kingdom mandated territory or United Kingdom trust territory or been in Crown service as aforesaid, or partly the one and partly the other, for periods amounting in the aggregate to not less than four years; and

(c) that he is of good character; and

(d) that he has sufficient knowledge of the English language, and

(e) that he intends in the event of a certificate being granted to him—

(i) to reside in the United Kingdom or in any colony, protectorate or United Kingdom trust territory or in the Anglo-Egyptian Sudan; or

(ii) to enter into or continue in Crown service under His Majesty's government in the United Kingdom, or under the government of the Anglo-Egyptian Sudan, or service under an international organisation of which His Majesty's government in the United Kingdom is a member or service in the employment of a society, company or body of persons established in the United Kingdom or established in any colony, protectorate or United Kingdom trust territory [British Nationality Act 1948].

В данном интертексте актуализировалось пять прототипических значений рассматриваемой когнитивной структуры понятия BRITISH SUBJECT, вариативность соответствующего родового термина «British subject» стала богаче по сравнению с претекстовой терминологической единицей, имевшей два гипонима, помимо них, объективировались и периферийные члены категории. Так, периферия представлена понятием BRITISH SUBJECT WITHOUT CITIZENSHIP и соответствующим ему термином «British subject without citizenship», актуализирующем подданных, сохраняющих базовые отношения с государством, но не обладающих гражданством как средоточием всех прав и свобод, так как не они приняли его путём регистрации по примеру референтов термина «citizen by registration». То есть, у данного элемента когнитивной структуры отсутствует прототипический признак «наличие гражданства Великобритании»,

замещаемый неэталонными «гражданство Ирландии» и «гражданство страны содружества». Однако, при обретении признака «гражданство Великобритании», элемент, естественно, смещается в ядерный кластер, обретая имя «citizen by registration».

A person who was a British subject immediately before the date of the commencement of this Act and is at that date potentially a citizen of any country mentioned in subsection (3) of section one of this Act, but is not at that date a citizen of the United Kingdom and Colonies or of any country mentioned in that subsection or of Eire, shall as from that date remain a British subject without citizenship until he becomes a citizen of the United Kingdom and Colonies, a citizen of any country mentioned in subsection (3) of section one of this Act, a citizen of Eire or an alien ; and the provisions of the Third Schedule to this Act shall have effect in relation to a person who remains a British subject without citizenship by virtue of this section [British Nationality Act 1948].

Другой термин, входящий в периферию – «British protected Person» и стоящее за ним понятие BRITISH PROTECTED PERSON актуализируют субъекта, проживавшего на территориях, находившихся под контролем Великобритании, но не входивших в перечень стран Содружества. В целом данный периферийный элемент обладает таким же сигнификатом, как и BRITISH SUBJECT WITHOUT CITIZENSHIP, но с отдельным признаком, актуализирующим иную территориальную принадлежность. Тем не менее, того, и другой периферийный репрезентант в рассматриваемом интертексте семантически связан с понятием NATIONALITY, объективируя для своих референтов факт отношений человека и государства, что делает их полноправными элементами когнитивной структуры.

«British protected person " means a person who is a member of a class of persons declared by Order in Council made in relation to any protectorate, protected state, mandated territory or trust territory to be for the purposes of this Act British protected persons by virtue of their connection with that protectorate, state or territory» [British Nationality Act 1948].

Продолжает функционировать и наиболее удалённый от ядерного кластера элемент, не обладающий номинацией и репрезентирующий субъектов без избирательного права. Он не цитируется в данном интертексте, но данный факт свидетельствует о сохранении его характеристик в категории.

Таким образом, категория понятия, соотносящегося с абстрактным понятием NATIONALITY, не обладающая специальной номинацией в интертексте «British Nationality Act 1948» актуализируется четырьмя основными значениями и соответствующими терминами при наличии таковых:

1. «Citizen of the United Kingdom and Colonies (CUKC) или Commonwealth citizen» - субъект, обладающий всей полнотой прав и свобод.

Варианты значения:

1) «Citizen by birth» – субъект, родившийся на территории Великобритании или стран Содружества;

2) «Citizen by descent» – субъект, чей отец является гражданином Великобритании или стран Содружества;

3) «Citizen by naturalisation» – совершеннолетний дееспособный субъект, получивший сертификат натурализации благодаря предшествующим территориально-политическим отношениям с Великобританией;

4) «Citizen by registration» – дееспособный совершеннолетний житель Ирландии или страны Содружества, проживающий в Великобритании более двенадцати месяцев;

5) «Citizen by incorporation of territory» – субъект, приобретший гражданство по причине включения территории его проживания в состав Великобритании.

2. «British subject without citizenship» – субъект, гражданин Ирландии или страны Содружества, не принявший гражданство Великобритании, но имеющий базовые права и свободы;

3. «British protected Person» – субъект, гражданин страны, находившейся под контролем Великобритании, не принявший гражданство Великобритании, но имеющий базовые права и свободы.

4. Субъект, не обладающий избирательным правом. Варианты значения: 1) Несовершеннолетний; 2) Недееспособный по медицинским показаниям. 3) Проживающий вне территории Великобритании.

В тексте документа «Акт об иммиграции» (1971 г.) («Immigration Act 1971»), предшествующем интертексту следующего Акта о гражданстве 1981 года, в сигнификат структуры рассматриваемого нами понятия был включён признак «право на проживание» («right of abode»), семантически объективирующий право на свободный въезд в страну и проживание без ограничений со стороны миграционных служб.

All those who are in this Act expressed to have the right of abode in the United Kingdom shall be free to live in, and to come and go into and from, the United Kingdom without let or hindrance except such as may be required under and in accordance with this Act to enable their right to be established or as may be otherwise lawfully imposed on any person [Immigration Act 1971 [http](http://)].

Введение этого признака привело к более чёткому разделению кластеров когнитивной структуры, а именно ядра и периферии, репрезентированной понятием BRITISH PROTECTED PERSON и термином «British protected Person». Её референциальный состав на основании отсутствия данного признака в сигнификате стал более конкретным, так как привилегированность в качестве критерия для распределения гипонимов внутри когнитивной структуры до этого момента обладала несколько неопределённой лингвистической реализацией.

Следующая составляющая британского конституционного интертекста, объективирующая синонимический ряд специального понятия NATIONAL, репрезентируется текстом Акта о гражданстве 1981 года (British Nationality Act 1981). Здесь когнитивная структура вновь приобретает родовое имя

«national», объединяя в своей семантике уже шесть терминов, за каждым из которых стоит отдельное гипонимическое понятие.

Термин «citizen of the United Kingdom and Colonies» (СУКС) подвергся дивергенции при цитации в данном интертексте: вместо него были введены языковые единицы «British Citizen», «British Dependent territories Citizen», и «British Overseas Citizen»: широкий референциальный круг термина претекста был разбит на три части по территориальному признаку, которые актуализируют разные формы гражданства в зависимости от места рождения субъекта, что воплощается в соответствующих сигнификативных признаках.

Первый элемент, соответствующий термину «British citizen», остался в центре когнитивной структуры и получил несколько вариантов значения.

Первый из них - это «британский гражданин по рождению или усыновлению», не имеющий конкретной знаковой репрезентации. Он делится на две единицы: «рождённый в Великобритании» и «усыновлённый гражданином Великобритании». Сигнификативными признаками для первого подвида являются «рождение на территории Великобритании» и «наличие отца либо матери с гражданством Великобритании» либо «отсутствие родителей». Второй подвида характеризуется признаком «усыновление гражданином Великобритании». «Британский гражданин по рождению или усыновлению» как вариант термина «British citizen» цитирует претекстовую единицу «citizen by birth», расширяя референциальный охват с помощью модификации сигнификативного признака «наличие отца» и элиминации признаков «наличие отца, не обладающего дипломатической неприкосновенностью, данной другим государством», «наличие отца, не являющегося иностранцем, чья страна враждует с Великобританией и при этом рождение не на территории, оккупированной этим вражеским государством»; включения сигнификативного элемента «усыновление гражданином Великобритании»:

British Citizenship

Acquisition after commencement

1. Acquisition by birth or adoption

(1) A person born in the United Kingdom after commencement shall be a British citizen if at the time of the birth his father or mother is—

(a) a British citizen; or

(b) settled in the United Kingdom.

(2) A new-born infant who, after commencement, is found abandoned in the United Kingdom shall, unless the contrary is shown, be deemed for the purposes of subsection (1)—

(a) to have been born in the United Kingdom after commencement; and

(b) to have been born to a parent who at the time of the birth was a British citizen or settled in the United Kingdom <...>.

Where after commencement an order authorising the adoption of a minor who is not a British citizen is made by any court in the United Kingdom, he shall be a British citizen as from the date on which the order is made if the adopter or, in the case of a joint adoption, one of the adopters is a British citizen on that date [British Nationality Act 1981].

Впоследствии, с принятием акта о гражданстве «British Nationality (Falkland Islands) Act 1983», в рассматриваемый вариант единицы «British Citizen» была включена ещё одна разновидность с сигнификативным признаком «принадлежность к Фолклендским островам», с двумя подвидами: «гражданин по рождению» и «гражданин с приобретённым гражданством».

Следующий вариант ментальной единицы BRITISH CITIZEN, также знаково не эксплицированный – «гражданин по происхождению». Он включает в себя два варианта, обусловленные соответственно сигнификативными признаками «наличие отца или матери с гражданством Великобритании, приобретённым не по происхождению» либо «наличие отца или матери с гражданством Великобритании, состоящего(ей) на службе данного государства». Область референции качественно изменяется: с одной стороны, расширился семантический объём первого подвида за счёт изменения сигнификативного признака «наличие отца - гражданина

Великобритании не по происхождению», с другой, второй подвид значительно сужен, так как семантические признаки «рождение гражданина или его отца на территории, подвластной юрисдикции монарха касательно его подданных», «регистрация рождения в консульстве Великобритании при рождении на территории другой страны», «рождение на территории страны Содружества, (если не принято гражданство этой страны)» перестали быть актуальными:

Acquisition by descent

(1) A person born outside the United Kingdom after commencement shall be a British citizen if at the time of the birth his father or mother—

(a) is a British citizen otherwise than by descent; or

(b) is a British citizen and is serving outside the United Kingdom in service to which this paragraph applies, his or her recruitment for that service having taken place in the United Kingdom; or

(c) is a British citizen and is serving outside the United Kingdom in service under a Community institution, his or her recruitment for that service having taken place in a country which at the time of the recruitment was a member of the Communities [British Nationality Act 1981].

Две претекстовых единицы, входящие в прототипический элемент BRITISH CITIZEN: натурализованный гражданин CITIZEN BY NATURALISATION и гражданин с приобретённым гражданством CITIZEN BY REGISTRATION тоже цитируются. Первая единица определяется сигнификативными признаками «дееспособность», «совершеннолетие» и рядом других, варьирующихся в зависимости от политического статуса субъекта, приобретающего гражданство:

Acquisition by naturalisation

(1) If, on an application for naturalisation as a British citizen made by a person of full age and capacity, the Secretary of State is satisfied that the applicant fulfils the requirements of Schedule 1 for naturalisation as such a citizen under this

subsection, he may, if he thinks fit, grant to him a certificate of naturalisation as such a citizen.

(2) If, on an application for naturalisation as a British citizen made by a person of full age and capacity who on the date of the application is married to a British citizen, the Secretary of State is satisfied that the applicant fulfils the requirements of Schedule 1 for naturalisation as such a citizen under this subsection, he may, if he thinks fit, grant to him a certificate of naturalisation as such a citizen [British Nationality Act 1981].

Вариант прототипического элемента «гражданин с приобретённым гражданством» также приобретает значительное множество подвидов, детерминированных различными сигнификативными признаками: «несовершеннолетний гражданин с приобретённым гражданством», «гражданин подчинённых Великобритании территорий с приобретённым британским гражданством», «гражданин страны содружества с приобретённым гражданством» и «гражданин, приобретший гражданство супруга». Перечислить весь круг разновидностей специального понятия, соотносящегося с этим элементом, не представляется возможным.

Признак «право проживания» в целом реализуется для ментальной единицы BRITISH CITIZEN и сопутствующего термина без ограничений.

При рассмотрении второй ментальной единицы BRITISH DEPENDENT TERRITORIES CITIZEN, впервые эксплицированной в когнитивной структуре интертекста Акта о гражданстве 1981 года, наблюдается выделение практически таких же вариантов значения и их подвидов на основании повторяющихся элементов сигнификата, то есть происходит практически полное цитирование прототипического члена BRITISH CITIZEN, за исключением замены семантического компонента «гражданство Великобритании» на аналог «гражданство Стран зависимых от Великобритании территорий». Подвид ментальной единицы BRITISH DEPENDENT TERRITORIES CITIZEN, отсылающий к «гражданину с приобретённым гражданством», представлен тремя вариациями:

«несовершеннолетний гражданин с приобретённым гражданством», «гражданин, проживающий в данном государстве до приобретения гражданства» и «гражданин, приобретший гражданство супруга». Нужно отметить, что элементам категории BRITISH DEPENDENT TERRITORIES CITIZEN и BRITISH CITIZEN присуща пятая вариация, а именно «гражданин, приобретший данный тип гражданства благодаря вступлению в силу данного Акта».

Третий гипоним когнитивной структуры понятия, соотносящийся с языковой единицей «British Overseas Territories Citizen» содержит лишь две основные группы сигнификативных признаков, а значит, два основных варианта значения: «гражданин, приобретший данный тип гражданства благодаря вступлению в силу данного Акта» и «гражданин с приобретённым гражданством». Последний вариант значения подразделяется на «несовершеннолетний гражданин с приобретённым гражданством» и «гражданин, приобретший гражданство супруга». Объединяют элементы, включаемые в данное понятие, сигнификативные признаки «наличие гражданства Содружества (Commonwealth citizenship) до принятия данного акта» и «отсутствие британского гражданства либо гражданства зависимых территорий». Актуальная ситуация, выраженная этими признаками, обусловлена тем, что некоторые из бывших колоний Великобритании приобрели (по крайней мере, формально) независимость и перестали относиться к подчинённым Великобритании территориям.

Термин «British subject» и соответствующее ему понятие функционируют в рассматриваемом интертексте как цитата претекстового термина «British subject without citizenship», включив, однако, вариант значения «бывший гражданин Ирландии». Уточняющий элемент *without citizenship* опускается. Неполноценность сигнификата, выражающая ограниченную правовую дееспособность, больше не требует детальной экспликации: специальные понятия SUBJECT и CITIZEN и их номинации

становятся антонимами по принципу наличия/отсутствия признака «гражданство».

Нужно отметить, что околоядерные гипонимы «British Dependent territories Citizen» и «British Overseas Territories Citizen», а также периферийный «British subject» включают признак «право проживания» только при обладании одним из прототипических элементов сигнификата «наличие родителя, имеющего гражданство Содружества и родившегося на территории Великобритании» или «наличие мужа с правом проживания», или «проживание на территории Великобритании в течение пяти лет», однако данные признаки были актуальны только на период до 31 декабря 1982 года. Соответственно, можно выделить ещё один неноминированный периферийный кластер, актуализирующий субъектов без права проживания.

Альтернатива языковой единицы «Citizen of the United Kingdom and Colonies (СУКС)», а именно термин «Commonwealth citizen» из-за смены политического статуса Великобритании как Соединённого Королевства, более не являющейся колониальной державой, получает более широкую семантику. Отсылая к тем же референтам, он объективирует их как людей, которые имеют политико-правовые отношения с Содружеством наций, то есть бывшей Британской империей, развившейся в союз независимых государств на добровольной основе.

Цитация пятого элемента, стоящего за термином когнитивной структуры – «British protected Person», актуализирует практически те же признаки сигнификата (в том числе отсутствие избирательного права), а значит, и ту же семантику. С помощью данного термина осуществляется референциальная связь по отношению к людям, не обладающим гражданством Великобритании и проживающим на территориях, официально не являвшихся колониями Великобритании, однако находившихся под защитой этой страны. Отсутствие сигнификативных признаков «наличие гражданства» и «защита государства» выражено в обобщённом имени

«person» и в отсутствии семантических элементов, реализующих политические и юридические связи государства и человека.

Помимо этого, в периферии рассматриваемой структуры выделяется кластер элементов без признака «избирательное право», представленный двумя вариантами значений: «несовершеннолетний» и «недееспособный».

Когнитивная структура, представленная в интертексте «British Nationality Act 1981» характеризуется отсутствием имени гиперонима, характеризующего всё множество референтов. Данное неноминированное понятие актуализируется пятью элементами: ядерным BRITISH CITIZEN, околождерными BRITISH DEPENDENT TERRITORIES CITIZEN и BRITISH OVERSEAS TERRITORIES CITIZEN, периферийными BRITISH SUBJECT и BRITISH SUBJECT WITHOUT CITIZENSHIP, выраженными соответствующими терминами, а также двумя неноминированными понятиями:

1. «British citizen» – субъект, обладающий гражданством Великобритании. Варианты значения:

1) Субъект, приобретший гражданство благодаря рождению на территории Великобритании или усыновлению гражданином Великобритании;

2) Субъект, приобретший гражданство ввиду наличия гражданства Великобритании хотя бы у одного родителя;

3) Совершеннолетний и дееспособный субъект, получивший гражданство посредством натурализации;

4) Субъект, приобретший гражданство посредством других различных способов.

5) Субъект, приобретший данный тип гражданства благодаря вступлению в силу данного Акта.

2. «British Dependent territories Citizen» – субъект, обладающий гражданством территорий, подчинённых Великобритании. Варианты значения:

1) Субъект, приобретший гражданство благодаря рождению на территории, подчинённой Великобритании или усыновлению гражданином страны, подчинённой Великобритании;

2) Субъект, приобретший гражданство ввиду обладания одним из родителей гражданством страны, подчинённой Великобритании;

3) Совершеннолетний и дееспособный субъект, получивший гражданство страны, подчинённой Великобритании, посредством натурализации;

4) Субъект, приобретший гражданство территории, подчинённой Великобритании, посредством других различных способов.

5) Субъект, приобретший данный тип гражданства благодаря вступлению в силу данного Акта

3. «British Overseas Territories Citizen» – субъект, обладавший гражданством Великобритании либо зависимой территории (страны) до вступления в силу данного акта. Варианты значения:

1) Субъект, приобретший данный тип гражданства благодаря вступлению в силу данного Акта

2) Субъект, приобретший гражданство посредством других различных способов.

4. «British subject without citizenship» – субъект, не принявший до вступления в силу данного акта ни один из видов гражданства и обладающий ограниченным перечнем прав и свобод.

5. «British protected Person» – гражданин территорий, находящихся под протекторатом Великобритании, обладающий лишь базовыми правами и свободами по отношению к Великобритании.

6. Неноминированное значение: субъект без избирательного права. Варианты значений: 1) Несовершеннолетний; 2) Недееспособный; 3) Проживающий вне территории Великобритании.

7. Субъект, не обладающий правом свободного въезда в Великобританию и проживания в ней.

Следующий интертекст, подлежащий рассмотрению, имеет название «Representation of the People Act 1983», и представляет собой новый акт, регулирующий избирательное право. Цитируя последний из упомянутых выше периферийных элементов когнитивной структуры, обозначающий субъекта без избирательного права, он актуализирует изменение его сигнификативного состава: вводится непрототипический признак «нахождение в местах лишения свободы», за счёт чего референциальная база данной единицы расширилась. Далее были приняты ещё два акта – «Representation of the People Act 1985» и «Representation of the People Act 1989», которые, напротив, сузили референциальный охват этого элемента, внося изменения в сигнификативный состав его третьего варианта значения: базовый непрототипический признак модифицировался сначала как «проживание вне территории Великобритании более пяти лет», затем «проживание вне территории Великобритании более двадцати лет»; при этом добавился сопутствующий признак «возможность отсутствия статуса британского гражданина («British citizen»)».

Далее, в интертексте Акта о британских заморских территориях (British Overseas Territories Act 2002), околядерный гипоним «British Dependent territories Citizen» и его ментальная репрезентация получили новую, политкорректную номинацию «British Overseas Territories Citizen» при сохранении семантики. При этом значительная область его референциального охвата отошла к прототипическому элементу «British citizen»: согласно данному акту, граждане большинства территорий, ранее объективировавшихся именем «British Overseas Territories», автоматически приобрели гражданство Великобритании.

В качестве следующего и актуального на сегодняшний день интертекста будут рассмотрены тексты, размещённые на официальных сайтах департамента Правительства Великобритании, ответственного за иммиграционную политику и безопасность (Home Office) и правительства Великобритании (GOV.UK). Для начала нужно отметить, что в них впервые

детерминируется термин «National», являющийся дериватом от «Nationality», и соответствующее ему понятие. Приведём его дефиницию из рассматриваемого интертекста:

«United Kingdom National». 1. The term "United Kingdom national" is not defined in the nationality law of the United Kingdom. It has been defined in various ways and at various times for the purposes of other United Kingdom legislation, international agreements, treaties and the like. 2. The significance of the term "national" in international law is that it signifies a person connected with a State by a special legal tie entitling that State to protect the person in its relations with other States [Home Office [http](http://)].

Данное определение прямо эксплицирует отсутствие унифицированного определения рассматриваемого понятия в интертексте государственных документов Великобритании, следовательно, детерминирует его как многозначное. Однако, сформулированная дефиниция актуализирует широту значения этого специального понятия через его цитирование из интертекста международного права, являющегося в таком случае претекстом, где лингвистически объективируется следующий референт: человек, имеющий легитимную связь с данным государством, которая обеспечивает государственную защиту человека по отношению к другим государствам. Далее в рассматриваемой дефиниции приводятся гипонимы. Закономерен вывод, что в интертексте Конституции Великобритании термин «national» является родовым для всех остальных языковых единиц, обозначающих феномен гражданства как наличие отношений между государством и человеком без конкретизации качественных аспектов.

Прототипический термин «British citizen» и его ментальный репрезентант цитируются практически без изменений, с сохранением базовых прототипических признаков «право проживания» и «избирательное право». Термин «British Dependent territories Citizen» и соответствующее понятие сменили номинацию на «British Overseas Territories Citizen», что, как

было сказано выше, было осуществлено в интертексте Акта о британских заморских территориях (British Overseas Territories Act 2002). Претекстовый термин «British Overseas Territories Citizen» и сопутствующий элемент понятийной категории обрели наименование «British Overseas Citizen» во избежание полной омонимии с предшествующим термином. Периферийная единица «British subject» как в языковом, так и в ментальном плане цитируется полностью, сохраняя отсутствие прототипического признака «право проживания». Вместе с тем появляется термин «British national (overseas)», который также лишен элемента сигнификата «right of abode» (право проживания). Выбор имени «national» обусловлен экспликацией минимума прав и свобод, то есть отсутствия тесной связи (в отличие от терминов «citizen» и «subject», репрезентирующих более близкие отношения) субъекта по отношению к Великобритании. Данный термин и соответствующее ему понятие осуществляют референцию к жителям Гонконга, добровольно приобретшим данный статус перед передачей Гонконга Китаю на основании акта «Hong Kong Act 1985». Для родившихся в Гонконге после 1997 года используется термин «British overseas citizen». «British subject without citizenship» цитируется фактически без изменений.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Обращение к эволюции понятийной категории NATIONAL в британском конституционном интертексте, а также предпринятый дефиниционный анализ ее имени в законодательных актах и в специальных словарях позволяет говорить о том, что термин «national» выполняет в них родовую, гиперонимическую функцию, устанавливая факт наличия взаимоотношений между государством и человеком во всех дискурсивных проявлениях.

Отношения между включёнными в категорию более узкими понятиями CITIZEN и SUBJECT не однозначны, что подтверждается прежде всего соответствующими словарными статьями, в которых они даны в разных определениях. С одной стороны, указанные понятия представлены как (квази)синонимичные, с объективацией в термине «citizen» сигнификативного признака «принадлежность к демократическому строю», тогда как в «subject» профилируется предикация к монархическому типу правления; остальные признаки их сигнификатов при этом практически не отличаются.

С другой стороны, в интертексте и словарях данные термины противопоставляются на основе профилирования в специальном понятии «citizen» элемента сигнификата «права и свободы», в том числе касательно общества, следовательно, облигаторен сигнификативный признак «избирательное право»; в термине «subject» присутствует сигнификативный признак «обязанности». Реальная дискурсивная репрезентация данных специальных понятий, представленная в конституционном интертексте, не аналогична словарной объективации: в дискурсе Конституции Великобритании, представленной многочисленными документами, они различаются лишь одним сигнификативным признаком «right to abode» (право проживания), признак «наличие избирательного права» не является определяющим; также, несмотря на монархический строй правления, понятие CITIZEN амплифицировано в рассматриваемой нами категории

NATIONAL в виде значительного количества вариаций. Тем не менее, признак «наличие избирательного права» как основание антонимии терминов «citizen» и «subject» проявляется в общем наименовании центральной части категории NATIONAL «Commonwealth citizen», которая имеет в сигнификате данный признак и актуализируется именно с помощью семы «citizen». Такая семантическая нечёткость в отношениях синонимии-антонимии, обусловленная отсутствием определённого состава сигнификата, свидетельствует о движении терминов «citizen» и «subject» к полной синонимии. Другими словами, понятие CITIZEN объективирует равноценные отношения между человеком и демократическим государством, республиканского строя во всех рассмотренных вариантах интертекста. Также нужно отметить, что данный термин имеет очень разветвлённую структуру вариаций сигнификата, объективирующих различные способы приобретения гражданства.

Термин «subject» относится преимущественно к государствам с монархической формой правления и есть актуализация отношений человека и государства (ПОДДАННЫЙ), которая прошла путь родового термина, служащего для объективации наличия прав и свобод человека по отношению к государству (будучи архаичным синонимом к современному термину «national») и одновременно в более узком смысле выражения обладания полнотой этих прав и свобод (как устаревший синоним термина «citizen») до семантизации неполноты прав в современном виде: «subject» предстает как гипоним термина «national», осуществляющий референцию к людям, не обладающим всей полнотой прав, к примеру, иммигрантам.

Периферия категориальной структуры данного термина относительно неизменна и объективируется неноминированным понятием, обозначающим субъекта без избирательного права («right to vote») как важнейшей реализации политической свободы субъекта. Однако, менялся набор непрототипических признаков, обуславливающих отсутствие избирательного права.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ ПОДДАННЫЙ И ГРАЖДАНИН В КОНТИНУУМЕ ИНТЕРТЕКСТА РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В российском конституционном интертексте понятия ГРАЖДАНСТВО и ПОДДАНСТВО, по большей части, также реализуются в виде своих дериватов ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ и их знаковых экспликаций, выражающих постоянные изменения в фрагменте политико-правовой картины мира языкового сообщества, касающегося взаимодействия государства и человека. Как отмечалось ранее, словари не эксплицируют семантическую эволюцию терминов и понятий, отражая статическое значение термина на определённый момент; модификация специальных понятий и их знаковых репрезентантов доступна для наблюдения в принятых и одобренных редакциях Конституции государства, которые так или иначе ссылаются на предшествующие конституционные тексты Основных Законов, повторяя, дополняя и корректируя цитируемые термины, тем самым выстраивая целостный конституционный интертекст.

Российский конституционный интертекст также не обладает дискурсивной устойчивостью, так как он реализовывался в нескольких редакциях Основного Закона, отражавших перемены в государственном устройстве России, иногда радикального характера. Однако практически всегда тот или иной конституционный интертекст представлял собой единый кодифицированный документ, цитирующий свой претекст, в котором рассматриваемые термины непрерывно меняли семантику, выражающуюся в изменениях сигнификативного состава. Таким образом, российский конституционный интертекст представлен следующими текстами: Сводом Основных Законов Российской Империи, Конституциями Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918, 1925, 1937 и 1978 годов и Конституцией Российской Федерации 1993 г. Все редакции Конституций РФ могут быть представлены как последовательность

интертекстов, в которой каждый последующий текст воспроизводит (цитирует) и видоизменяет предшествующий.

3.1. ПОДДАННЫЙ vs. ГРАЖДАНИН как интертекстуальные понятия

Институт подданства начал развиваться в период Московской Руси, однако не был закреплён законодательно и был напрямую связан с вероисповеданием. Подданство приобреталось по наследству и при принятии православной веры; от него нельзя было добровольно отказаться, равно как и принять двойное подданство, хотя не существовало соответствующей законодательной базы: единственное прописанное правило было обозначено в Уставе о воинской повинности, где подданство позволялось оставить после выполнения данной обязанности. Манифест 1721 г. закрепил законодательно принятие подданства иностранцами, то есть натурализацию, с помощью присяги. Термин «подданство», не являясь официально закреплённым вплоть до XVIII века, использовался в бытовой сфере, в частности, обозначая феодальные отношения между крестьянами и помещиком. Гражданство и подданство противопоставлялись, рассматриваясь как наличие прав и обязанностей и принадлежность к государству, подчинение ему по собственному разумению соответственно. Кроме того, выдвигалась оппозиция «иностранец-подданный», последний термин в такой трактовке объективировал верность государству взамен на защиту за его пределами. Также выделялись подданные в широком смысле (обладающие базовыми правами и обязанностями, в том числе иностранцы), и в узком (имеющие полный круг обязанностей и прав, а также принадлежащие государству в политическом смысле и находящиеся в оппозиции к другим государствам). В настоящее время в российском конституционном интертексте термины «подданство» и «гражданство» принимаются за эквивалентные, что закреплено в Федеральном Законе от 31 мая 2002 года «О гражданстве Российской Федерации» (*«иное гражданство – гражданство (подданство)*

иностранного государства»; «иностранный гражданин – лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства»); тем не менее, специальное понятие ПОДДАНСТВО фигурирует не во всех правовых документах, касающихся вопросов гражданства, что теоретически может привести к правовым коллизиям [Ванюшин 2007; Познизова 2013].

Россия на протяжении своей истории последовательно прошла стадии функционирования в качестве монархии и республики, являясь в данный момент демократическим государством. Понятия ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН реализовывались в российском конституционном интертексте так же последовательно, отсылая при этом к одному и тому же референту – человеку, имеющему правовую связь с определённым государством. В рамках проводимого интертекстуального анализа данные понятия и их имена, называющие важнейший субъект политико-юридических отношений в государстве, представляют собой дискурсивные синонимы, вернее, исторические квазисинонимы, поскольку при имеющейся общей семантической части, их предикативные элементы существенно различаются.

Рассмотрение конституционного интертекста России мыслится верным начать документа «Свод законов Российской Империи», так как он является первым полноценным вариантом Основного Закона России (что тождественно Конституции), обладающего всеми характеристиками конституционного дискурса: юридическим дискурсивным статусом и чертами политического дискурса как продукта дискурсивной деятельности государства. Следовательно, вначале актуализировалось специальное понятие ПОДДАННЫЙ и термин «подданный», которые отражали монархический строй правления и его реализацию по отношению к человеку. Сначала проанализируем словарные дефиниции данного понятия:

Подданство – термин, применяемый в государствах с монархической формой правления для обозначения гражданства» [БЮС 2010: С. 391].

Из данного определения следует, что в настоящее время термины «гражданство» и «подданство» считаются практически полными синонимами с той лишь разницей, что стоящие за ними понятия объективируют разные типы государственного устройства, и это не влияет на правовую тождественность данных понятий.

В юридическом энциклопедическом словаре под редакцией А. Я. Сухарева 1984 года подданство определяется как терминологический аналог гражданства, актуальный для монархического строя, без семантической спецификации: *«В монархич. гос-вах, как правило, гражданству терминологически соответствует подданство»* [с. 75]. Толковый словарь Ожегова приводит следующую дефиницию: *«Принадлежность человека к какому-н. государству (обычно применительно к монархическому государству)»*. Толковый словарь Кузнецова определяет рассматриваемый термин следующим образом: *«1. Принадлежность лица к населению того или иного государства с монархической формой правления. Переменить п. Получить п. / Разг. Гражданство. Лишиться подданства. 2. Устар. Подчинение кому-л., признак чьей-л. власти над собой»* [С. 863]. Анализ современных дефиниций показывает, что в настоящее время специальное понятие ПОДДАННЫЙ рассматривается как почти полный синоним понятия ГРАЖДАНСТВО с той лишь разницей, что ПОДДАНСТВО актуализирует государство с монархическим строем. Однако при рассмотрении более ранних словарных определений данная ментальная единица включает в себя предикативный элемент «подчинение государству в лице монарха». Например, в толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля термин «подданный» определяется как *«подчинённый, подвластный, подведомый правительству, государю»*, «подданство» же определяется как *«состоянье подданного»* [Т. 3: 173]. В таком значении ПОДДАННЫЙ предстаёт как квазисиноним понятия ГРАЖДАНИН, поскольку при одинаковой семантической форме «отношения между государством и человеком» объективация сути данных отношений различна.

При обращении к историческому контексту можно наблюдать, что сам термин предполагает подчинение подданного монарху, нахождение под его «данью», то есть происходит акцентуация на обязанностях подданного в одностороннем порядке, но не его правах, в отличие от знаковой единицы «гражданин», предполагающей двустороннюю связь. Когнитивная структура специального понятия ПОДДАННЫЙ представлена множеством кластеров, включающих элементы с различными наборами признаков и обращенных к референтам с различными правами и социальным положением в государстве.

Первым документом, подлежащим рассмотрению, является «Свод Основных государственных законов», представляющий первый том «Свода законов Российской Империи». Данное понятие находит практическую актуализацию только в одной главе данного текста «О правах и обязанностях российских подданных», где наблюдается репрезентация определённой равноценности отношений монархического государства и человека. Ряд сигнификативных признаков родового понятия ПОДДАННЫЙ, присущий всем элементам данной когнитивной структуры, включает в себя следующие признаки: «воинская повинность», «уплата налогов», «неприкосновенность жилища», «свобода передвижения», «неприкосновенность собственности», «свобода собраний», «свобода слова», «свобода вероисповедания»:

«Глава восьмая.

О правах и обязанностях российских подданных <...>.

70. Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона.

71. Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона <...>.

75. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

76. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами.

77. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение.

78. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний.

79. Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

80. Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом.

81. Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом <...> [Свод Основных государственных законов Российской Империи [http](http://www.constitution.ru)].

Различное расположение элементов в кластерах когнитивной структуры ПОДДАННЫЙ объективируется в девятом томе «Свода Законов Российской Империи» при помощи комплексного признака «право состояния», соотносимого с двумя привилегированными типами российских подданных, образующих дворянское сословие. Первый элемент, входящий в ядро структуры, — это ПОДДАННЫЙ₁, единственный репрезентант которого есть «потомственный дворянин». Он имеет прототипический

сигнификат, представляющий всю полноту прав и обязанностей, в частности, признаки: «невозможность лишения жизни и сословных прав без суда», «вынесение приговора по судебному делу в отношении лица императором», «невозможность лишения имени без суда», «право поступления на государственную службу», «преимущества при поступлении на государственную службу и льготы при ее прохождении», «разрешение с согласия правительства поступать на службу союзных с Россией европейских государств», «предоставление герба и титула», «возможность преобразовать имение в город», «право носить мундир той губернии, находится имение или где записано лицо», «учреждение заповедных имений», «владение движимым и недвижимым имуществом», «право обращаться с ходатайствами к императору» и «право обращаться с ходатайствами к правительству», «возможность передачи своего права состояния потомству», «присутствие на дворянских собраниях», «участие в выборах на городские должности», «возможность быть поручителями по подрядам и поставкам», «возможность иметь обязательства по векселям», «возможность обладания купеческими и промысловыми свидетельствами», «торговля», «выдача денежных капиталов под частные долговые обязательства», «возможность делать духовные завещания». «принятие имущества на сохранение».

Другой элемент, входящий в понятийное ядро, но находящийся ближе к околядерной зоне, есть ПОДДАННЫЙ_{1А}, который также представлен единственным репрезентантом «личный дворянин». Сигнификат данного элемента структуры, по большей части, совпадает с эталонным, однако у него отсутствуют признаки: «возможность передачи своего права состояния потомству», «владение движимым и недвижимым имуществом», «присутствие на дворянских собраниях», «участие в выборах на городские должности», «право обращаться с ходатайствами к императору» и «право обращаться с ходатайствами к правительству».

Околядерный кластер данной когнитивной структуры занят несколькими компонентами. Один из них – это ПОДДАННЫЙ₂,

репрезентантом которого является «представитель белого православного духовенства». ПОДДАННЫЙ₂ обладает большинством ядерных сигнификативных признаков, кроме: «вынесение приговора по судебному делу в отношении лица императором», «невозможность лишения имени без суда», «преимущества при поступлении на государственную службу и льготы при ее прохождении», «разрешение с согласия правительства поступать на службу союзных с Россией европейских государств», «право поступления на государственную службу», «предоставление герба и титула», «возможность преобразовать имение в город», «право носить мундир той губернии, находится имение или где записано лицо», «учреждение заповедных имений», «право обращаться с ходатайствами к императору» и «право обращаться с ходатайствами к правительству», «присутствие на дворянских собраниях», «возможность быть поручителями по подрядам и поставкам», «возможность иметь обязательства по векселям», «возможность обладания купеческими и промысловыми свидетельствами».

Специфический сигнификат ментальной единицы ПОДДАННЫЙ₂, отличающий набор её признаков от прототипического, характеризуется наличием таких прав и обязанностей, как «свобода от воинской повинности», «подсудность духовному суду», «освобождение от денежных повинностей». Кроме того, у ПОДДАННЫЙ₂ изменено содержание признака «возможность передачи своего права состояния потомству», замененного на «получение близкими родственниками привилегированного права состояния».

Другим представителем околядерного сегмента является элемент ПОДДАННЫЙ_{2А}, репрезентантом которого является «представитель монашествующего духовенства». Этот элемент располагается ближе к периферийной зоне, поскольку, несмотря на совпадение значительной части его сигнификата с сигнификатом структурной единицы ПОДДАННЫЙ₂, у него изымаются признаки: «владение недвижимым имуществом», «торговля» (кроме продажи собственных изделий), «выдача денежных капиталов под частные долговые обязательства», «возможность делать духовные

завещания» (кроме представителя данного сословия с именем «духовные власти»), «принятие имущества на сохранение», «возможность быть поручителем и поверенными в делах, не касающихся духовного ведомства», «вступление в брак», «возможность передачи своего права состояния потомству» или «получение близкими родственниками привилегированного права состояния».

Еще один элемент околядерного кластера – ПОДДАННЫЙ₃, репрезентантом которого выступает «потомственный почетный гражданин». Его сигнификат схож с набором сигнификативных признаков единицы категории ПОДДАННЫЙ₂, но без специфических для него прав и обязанностей: «свобода от воинской повинности», «подсудность духовному суду».

В его понятийную структуру, однако, вновь включаются такие признаки ядерного сигнификата, как «возможность передачи своего права состояния потомству», «право поступления на государственную службу», «возможность быть поручителями по подрядам и поставкам», «возможность иметь обязательства по векселям», «возможность обладания купеческими и промысловыми свидетельствами» и «участие в выборах на городские должности».

Специфическим для ПОДДАННЫЙ₃ сигнификативным признаком является «право называться во всех документах почетными гражданами».

Близким по своей семантической структуре может быть признан элемент околядерной зоны ПОДДАННЫЙ_{3А}, актуализируемый с помощью репрезентанта «личный почетный гражданин». Его набор сигнификативных элементов аналогичен сигнификату единицы ПОДДАННЫЙ₃, но с элиминацией признака «передача своего сословия потомству».

Следующий сегмент околядерной зоны представлен элементом ПОДДАННЫЙ₄, который объективирован репрезентантом «купец первой гильдии». Его сигнификат сходен с набором признаков ПОДДАННЫЙ₃, где элиминированы специфические для последнего признаки «участие в выборах

на городские должности» и «право называться во всех документах почетными гражданами», но добавлены другие, особые для данного референта элементы сигнификата: «право приезда к Императорскому Двору» (только мужчины), «право на получение звания советника коммерции и мануфактур после 12-летнего пребывания в первой гильдии», «право обращаться через городского голову или биржевые комитеты к министру финансов с представлением в особых случаях». Также добавляется признак прототипического сигнификата «ношение мундира своей губернии», актуализированный в сигнификате ПОДДАННЫЙ₁ и ПОДДАННЫЙ_{1А}.

Элемент околядерного сегмента ПОДДАННЫЙ_{4А} репрезентирован элементом «купец второй гильдии» и имеет сигнификат, аналогичный ПОДДАННЫЙ₄, при отсутствии ряда признаков: «право «приезда к Императорскому Двору», «право на получение звания советника коммерции и мануфактур после 12-летнего пребывания в первой гильдии», «право обращаться через городского голову или биржевые комитеты к министру финансов с представлением в особых случаях» и «ношение мундира своей губернии».

В периферию когнитивной структуры ПОДДАННЫЙ входит элемент ПОДДАННЫЙ₅, представленный репрезентантами «мещанин» и «цеховой». Его сигнификат сходен с набором признаков элемента околядерной зоны ПОДДАННЫЙ₃, однако у ПОДДАННЫЙ₅ отсутствуют специфические для последнего признаки «участие в выборах на городские должности» и «право называться во всех документах почетными гражданами». Кроме того, из его сигнификата исключен прототипический признак «право поступления на государственную службу».

Также положение в ближней периферии занимает элемент ПОДДАННЫЙ₆, актуализированный репрезентантом «сельский обыватель». Сигнификат данного элемента, по сравнению с другим членом ближней периферии ПОДДАННЫЙ₅, приобретает специфические признаки «подчинение местным обычаям», «подсудность особым судам».

Еще один представитель данного сегмента – это элемент ПОДДАННЫЙ₇, терминологически выделенный в тексте этническим репрезентантом «оседлый инородец». В зависимости от места проживания субъекта, к которому осуществляется референция, сигнификат ПОДДАННЫЙ₇ совпадает с сигнификатами ПОДДАННЫЙ₅ или ПОДДАННЫЙ₆, добавляя к ним признак периферийной национальной принадлежности.

Периферийное положение занимает элемент ПОДДАННЫЙ_{7А}, поскольку у него появляются особые сигнификативные признаки «право на автономию земли» (русским нельзя было селиться на землях, где обитали инородцы), «управление согласно местным обычаям», «обязанность содержать за свой счет органы инородческого управления». В остальном их сигнификат сходен с набором признаков элемента ПОДДАННЫЙ₆.

Вместе с описанным элементом периферию занимает член ПОДДАННЫЙ_{7Б}, объективированный репрезентантом «бродячий инородец», у которого, по сравнению с ПОДДАННЫЙ_{7А}, элиминируются «право на автономию земли» и «обязанность содержать за свой счет органы инородческого управления».

Также к периферии можно отнести элемент ПОДДАННЫЙ₈, который включает репрезентант «евреи». Между тем, евреи могли принадлежать к городским обывателям, сельским обывателям или купцам, а значит, большинство признаков элемента ПОДДАННЫЙ₈ варьируется, имея значительное сходство с сигнификатами элементов ПОДДАННЫЙ₅, ПОДДАННЫЙ₆, ПОДДАННЫЙ₄ и ПОДДАННЫЙ_{4А}. Однако ряд специфических компонентов сигнификата ПОДДАННЫЙ₈ свидетельствует о его принадлежности к периферии: «отсутствие свободы передвижения», «запрет носить особую одежду» и «запрет брить головы еврейкам», «запрет на приобретение, аренду или заклад недвижимости вне места проживания», «запрет селиться вновь на расстоянии 50 верст от границы». Крайняя периферия заполнена элементами ПОДДАННЫЙ₉, репрезентантом которого

является «судимый» («никто не может быть лишён прав состояния или ограничен в сих правах иначе, как по суду за преступление<...>») и ПОДДАННЫЙ₁₀, репрезентант которого есть «недееспособный» («право состояния приостанавливается в его действии по душевным недугам, т.е. по безумию и сумасшествию <...>»). Данные элементы обладают минимально возможным набором прототипических признаков, так как референты, к которым отсылают данные периферийные элементы, лишались всех прав состояния [Свод Законов Российской Империи [http](http://)].

Также представляется возможным выделить отдельные элементы периферии, выбранные по гендерному, этническому принципу и возрастному цензу: ПОДДАННЫЙ₁₁, ПОДДАННЫЙ₁₂, и ПОДДАННЫЙ₁₃, относящиеся, соответственно, к референтам «женщина», «финляндский обыватель» и «несовершеннолетний». У первого элемента исключены из сигнификата признаки «передача права состояния родственнику», «получение близкими родственниками привилегированного права состояния», «воинская повинность» («Жена не сообщает своего состояния ни мужу, ни детям <...>»); у второго элиминируется прототипический признак «проживание на территории Российской Империи»; у третьего отсутствует эталонный признак «совершеннолетие» («Право состояния в отношении к пользованию воспримлет полную свою силу для каждого лица в особенности не прежде, как по достижении им установленного совершеннолетия <...>»), что не позволяет включить в сигнификат и некоторые другие признаки: «поступление на службу», «вступление в брак», «распоряжение имуществом», «заключение договоров», «свидетельство в суде», «участие в дворянском собрании» и другие. Однако, за этим исключением, ПОДДАННЫЙ₉, ПОДДАННЫЙ₁₀ и ПОДДАННЫЙ₁₁ могут иметь вариативный сигнификат, соотносимый с каждым из упомянутых выше элементов структуры [Свод Законов Российской Империи [http](http://)].

Исходя из вышесказанного, термин «подданный», соответствующий рассмотренной нами когнитивной структуре, предстает как многозначный,

что позволяет представить его как гипероним, соотносящийся с каждым отдельно взятым элементом структуры понятия ПОДДАННЫЙ. Данные элементы, репрезентируемые в виде гипонимов, характеризуются своим собственным сигнификатом. Как можно наблюдать, единственным признаком, который связывает все варианты значения и подводит их под гипоним «подданный», является «подчинение монарху», тем не менее, словарная дефиниция иллюстрирует насущность данного семантического компонента. В остальном состав категориальной структуры совершенно неоднороден. Разница в значении когипонимов термина «подданный» состоит, по большей части, в количестве сем, которые обозначают права и род деятельности, за исключением репрезентирующих неотчуждаемые признаки (судимость, недееспособность, гендер, несовершеннолетие, национальность), влияющие на реализацию прав и обязанностей. Таким образом, понятие ПОДДАННЫЙ и реализующий его термин, обладающие полисемией, репрезентируют её через следующие лексические значения:

1. Субъект, обладающий максимальным количеством возможных привилегий, представитель элиты, высшего привилегированного сословия. (Репрезентанты 1,1а).

2. Субъект, обладающий большинством возможных привилегий, представитель привилегированного сословия. Имеются три варианта значения: представитель духовенства, почетный гражданин и купец (Репрезентанты 2,2а,3,3а,4,4а)

3. Субъект, принадлежащий к непривилегированному сословию, обладающий небольшим количеством прав. Варианты данного значения: субъект, ведущий образ жизни ординарного городского или сельского жителя (Репрезентанты 5,6,7); субъект с иной национальной принадлежностью, проживающий на территории Российской Империи (Репрезентанты 7а,7б,8); субъект без возможности реализации большинства прав, за исключением базового минимума (Репрезентанты 9,10); субъект,

лишенный части привилегий с вариативным спектром оставшихся прав (Репрезентанты 11, 12, 13).

3.2. Изменения структуры понятия ГРАЖДАНИН в российском конституционном интертексте

Смена монархического строя Российской Империи на республиканскую форму правления РСФСР привела к необходимости использования иных языковых единиц, объективирующих преобразившиеся политико-юридические отношения человека и государства. Институт подданства был упразднён с приходом Советской власти и соответствующей сменой политического строя. Документально преемственность подданства и гражданства, а значит, экспликация кореферентности при смене термина «подданный» знаковой единицей «гражданин» была закреплена Декретом ВЦИК от 23 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», ввиду чего термин «подданный» и его гипонимы, осуществляющие референциальную связь к различным сословиям, прекратили объективироваться через непосредственную цитацию в конституционном интертексте, а референты в лице людей, населяющих Россию, приобрели универсальную номинацию посредством термина «гражданин», причём последний эксплицируется в виде «гражданин Российской Республики» в целях кодифицированной декларации нового политического статуса государства. Также, формально актуализируется унификация сигнификата вновь введённого понятия для всего множества референтов:

Ст. 1. Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается

одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики [Декрет ВЦИК от 23 ноября 1917 года [http](http://)].

Рассмотрим исторический аспект генезиса политико-правовой семантики специального понятия ГРАЖДАНИН. Актуальное содержание данного понятия в российском конституционном интертексте раскрывает следующая дефиниция: *гражданин – это «1) в конституционном и международном праве – человек, обладающий всей совокупностью прав и обязанностей, предусмотренных конституцией, имеющий гражданство данного государства: лицо, принадлежащее на правовой основе к определенному государству. По своему правовому положению Г. конкретного государства отличаются от иностранных Г. и лиц без гражданства, находящихся на территории этого государства. В частности, только Г. принадлежат политические права и свободы; 2) в гражданском праве – субъект гражданского права, один из видов участников гражданских правоотношений. 3) в широком смысле – нравственный человек, обладающий политической и правовой культурой, политически активный, живущий интересами и нуждами страны, «Отечества достойный сын»» [БЮС 2010: С. 138].* Приведённое определение следует из дефиниции понятия ГРАЖДАНСТВО, приведённой в Федеральном Законе «О гражданстве Российской Федерации»: *«Гражданство Российской Федерации – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей» [ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»].*

Лингвистические исследования понятия ГРАЖДАНИН в связи с историей русскоязычного термина выявили, что термин «гражданин» как вербальная экспликация рассматриваемого понятия представляет собой церковнославянский вариант слова «*горожанин*», то есть изначально данное слово имело приоритетное значение «человек, проживающий на определённой территории», хотя присутствовали и юридически обусловленные значения. Тем не менее, в древнерусских документах, как

политических, так и юридических, вообще отсутствовало определённое обозначение правового субъекта. В дальнейшем, кодификация термина «гражданин» и соответствующего понятия как составляющих юридического дискурса осуществилась в тексте документа «Регламент», автором которого является Петр I. Вследствие этого понятие ГРАЖДАНИН и его знаковая репрезентация стали применимыми в социальном и политическом контексте, однако, обозначая при этом ограниченный круг референтов – «людей третьего чина», которые объективировались как адресаты действий со стороны государства. Впоследствии в рамках документа «Грамота городам», Екатерины II, оппозиция «гражданин» (актуализация правового статуса) – «горожанин» (житель города) нейтрализуется, первая знаковая единица теряет статус правового термина, приобретая обобщённое значение. Учёные относят перечисленные реализации понятия ГРАЖДАНИН к периоду «предъюридизированного смысла», то есть к становлению политической и правовой семантики понятия ГРАЖДАНИН. Так как институт гражданства появился во многом благодаря Великой Французской Революции, вследствие чего строй правления во Франции сменился на республиканский, в России во избежание переворота слово «гражданин» было под запретом. В XVIII – начале XX века оппозиция «гражданин» – «горожанин» всё же снова активно применяется в языке, а именно в публицистическом дискурсе, с появившимся социально-политическим коннотатом, который сходен с французским термином «citroeyn». С таким же значением рассматриваемый термин затем стал употребляться в художественном и правовом дискурсе, благодаря чему начался ключевой этап в формировании современного смыслового наполнения понятия ГРАЖДАНИН [Алексеева 2013; Ванюшин 2007; Дуринова 2015; Иркова 2019; Лукин 2014].

По данным словаря В. И. Даля, слово «гражданин» означало «городской житель», «горожанин», что позволяет рассматривать его в качестве гипонима рассмотренного ранее термина «подданный» [Т. 1: 345]. При этом на возможность семантической деривации термина «гражданин» и

приобретения им актуального политического значения указывает наличие в том же словаре термина «гражданство», определяемого как *«состояние гражданина, его звание, права и обязанности»*. Кроме того, прилагательное «гражданский» трактуется здесь как *«относящийся к государственному или народному управлению, к подданству»*, хотя и с пометой «частный» (в противоположность государственному) [Т. 1: 345].

В научных исследованиях, посвящённых гражданству, высказываются предположения, что понятие ГРАЖДАНИН относится в большей степени к референту «человек, присваивающий себе определённую гражданскую идентичность», а не отсылает к участнику равноправных государственных отношений, то есть фокус смещается с государства, обуславливающего феномен гражданства, на человека, чему способствует понимание гражданства как гарантии полноты прав человека. Хотя именно гражданство как институт призвано уравнивать права и обязанности людей, следствием различной степени реализации объёма свобод субъекта является разделение граждан по различным критериям, что приводит к неравенству по количеству и качеству прав и свобод [Козлов 2013, Ягудин 2014]. Фактически, понятие ГРАЖДАНСТВО и реализующий его дериват ГРАЖДАНИН являются родовыми для ряда одноимённых гипонимов, каждый из которых эксплицирует различное количество прав и свобод, доступных субъекту ввиду его правового и социального статуса, что аналогично дискурсивной реализации ментальной единицы ПОДДАННЫЙ.

Текст Конституции РСФСР 1918 г. с указанных позиций есть первый дискурсивный продукт, актуализирующий республиканскую политико-правовую систему в России. Реальные субъекты материального мира, то есть человек, к которому отсылают данный документ и его претекст, и само государство, бывшее и остающееся Россией, остались идентичными себе. Однако, при сохранении самой по себе фундаментальной правовой связи между человеком и государством, специфика их юридических отношений, а

значит, языковое оформление последних претерпели значительные изменения.

Также, как и понятие ПОДДАННЫЙ, ГРАЖДАНИН представляется в виде когнитивной структуры, включающей элементы с варьирующимися сигнификативными наборами. Последние располагаются в зависимости от соответствия данного набора эталону в различных кластерах когнитивной структуры, что лингвистически актуализирует социально-правовое положение референтов, обозначаемых репрезентантами рассматриваемого термина, т. е. степень его привилегированности. Когнитивная структура ГРАЖДАНИН имеет принципиальные отличия в прототипическом наборе своих сигнификативных признаков, на основании чего формируются абсолютно иные критерии расположения её элементов. Привилегированный статус субъекта, выражающийся в том, что его лингвистический репрезентант находится в ядре поля когнитивной структуры, ввиду смены экстралингвистических реалий и соответствующих изменений правовой картины мира, требующей кодификации, теперь детерминируется совершенно другими принципами: если прототипический признак специального понятия ПОДДАННЫЙ «право состояния» обладал комплексностью посредством включения в себя семантической актуализации целой группы прав, свобод и привилегий, принадлежащих дворянину, то для специального понятия ГРАЖДАНИН эталонными признаками, на основании которых происходит деление когнитивной структуры на составляющие, являются «избирательное право» и «лояльность к власти», а также «трудовая деятельность», что обуславливается идеологией нового государства, а именно диктатурой пролетариата.

Прототипический сигнификат когнитивной структуры ГРАЖДАНИН представлен следующими признаками: избирательное право, свобода совести, свобода печати, свобода собраний, право на образование, воинская повинность (данный признак реализуется в двух вариациях: «вооружённая защита революции» и «иные военные обязанности»), а также лояльность

социалистическому строю и трудовая деятельность без эксплуатации и извлечения выгоды, что детерминируется установлением диктатуры пролетариата как новой формы правления в России. Также сюда относятся обуславливающие перечисленные выше права и свободы «совершеннолетие», «дееспособность», отсутствие связи с репрессивно-государственным аппаратом царской России, принадлежности к классу угнетателей и эксплуататоров; отсутствие профессиональной религиозной деятельности; занятий, направленных на получение прибыли и отсутствие судимости.

Итак, центральным элементом структуры анализируемого понятия в интертексте Конституции 1918 года является *ГРАЖДАНИН₁* с перечисленными эталонными сигнификативными признаками. В число прототипических сигнификативных признаков входит и «принадлежность к классу рабочих либо крестьян», где эксплицирован признак сигнификата «осуществление власти» (Статьи 1-10), что демонстрирует, в частности, контекстная синонимия термина «гражданин» со своими идеологически обусловленными гипонимами «рабочий», «крестьянин», «крестьянская беднота», «солдат», «трудящийся»:

Глава первая.

1. Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам <...>.

Глава вторая.

3. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, III Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановляет далее:

а) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

<...>.

в) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог, прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики, подтверждается Советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами.

<...>.

е) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

ж) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

Глава третья.

4. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III Всероссийский Съезд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций
<...>.

Глава четвертая.

7. III Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам, и их полномочному представительству — Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

8. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно тем более полный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский Съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

*Общие положения Конституции Российской Социалистической
Федеративной Советской Республики.*

Глава пятая.

9. Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

10. Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской

Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах [Конституция РСФСР 1918 [http](http://)].

Сравнение ядерных элементов когнитивных структур ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН демонстрирует сокращение эталонного сигнификата в последней. Также, эталонные элементы претекста ПОДДАННЫЙ₁ и ПОДДАННЫЙ_{1А}, как и остальные репрезентанты данной когнитивной структуры, не имели признаков, обусловленных политико-правовой принадлежностью субъекта; она выражалась общей, изначально присущей для всех гипонимов семей «подчинение монарху».

Однако набор признаков прототипического сигнификата эталонной единицы ГРАЖДАНИН₁ продиктован именно экспликацией политической лояльности, напрямую зависящей от классовой принадлежности субъекта. Вместе с тем, полярность классовой привилегированности сменилась, перейдя от дворян, купцов и религиозных служителей, объективирующихся в новых терминах как «класс эксплуататоров», «эксплоататоры», к бывшим «городским и сельским обывателям» (что выражено в новых эталонных признаках «принадлежность к классу рабочих либо крестьян» и «осуществление труда»).

Кроме того, сопоставление соотношения кластеров и репрезентантов понятий в когнитивных структурах претекста и интертекста Конституции РСФСР 1918 г. показывает, что в последнем случае произошло перемещение ядра и периферии с утратой некоторых дискурсивных компонентов. Так, если в претексте субъекты правовых отношений, соотносимые с ПОДДАННЫЙ₅ (прежде всего его репрезентант ЦЕХОВОЙ), ПОДДАННЫЙ₆ и ПОДДАННЫЙ₇, находились на периферии по причине малого количества прототипических признаков в сигнификате, актуализирующем небольшое количество прав и свобод, то в соответствующей структуре интертекста Конституции РСФСР 1918 г произошла радикальная перегруппировка элементов: периферийные элементы заняли центральное местоположение.

Вместе с этим ядерные элементы претекста ПОДДАННЫЙ₁ и ПОДДАННЫЙ_{1А}, не имеющие новые эталонные признаки «отсутствие принадлежности к монархическому строю», «осуществление труда» и «лояльность социалистической революции», подверглись элиминации в своём прежнем местоположении, как и большинство околядерных элементов: ПОДДАННЫЙ₂, ПОДДАННЫЙ_{2А}, лишённые новых эталонных признаков «лояльность социалистической революции», «осуществление труда» и «отсутствие религиозной деятельности»; ПОДДАННЫЙ₄, ПОДДАННЫЙ_{4А}, не обладающие признаками «отсутствие занятия торговой деятельностью», «осуществление труда»), наконец, ПОДДАННЫЙ₃, ПОДДАННЫЙ_{3А}, определяющие признаки которых вообще не были репрезентированы в сигнификате «гражданин».

В структуре *интертекста*₁ принципиально новый прототипический признак «избирательное право» характеризует привелигированность не с точки зрения элитарности определенного класса общества, но в аспекте другой формы политического устройства, позволяющей реализовывать социально-политические свободы в разной степени: данный признак присущ только элементам ядерного и околядерного кластера. «Отсутствие несовершеннолетия», «отсутствие недееспособности» и «отсутствие судимости» являются прототипическими сигнификативными признаками, процитированными без изменений из претекста; отдельно был выделен признак «отсутствие опеки».

Околядерная зона структуры представлена элементом ГРАЖДАНИН₂, не имеющим признак «принадлежность к классу рабочих либо крестьян», что исключает признак права управления страной в составе Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Статья 1), но в остальном повторяющим в сигнификате весь эталонный набор.

Сопоставление интертекста Конституции РСФСР 1918 г с претекстом позволяет увидеть, что семантика ГРАЖДАНИН₂ соотносится с околядерным элементом источника ПОДДАННЫЙ₅, вернее, с его

репрезентантом МЕЩАНИН (репрезентант ЦЕХОВОЙ перешёл в ядро) на основании присутствия нового эталонного признака «осуществление труда». Тем не менее, МЕЩАНИН для полного соответствия околядерному кластеру должен характеризоваться рядом дополнительных элементов сигнификата, репрезентирующих обязанности («лояльность к социалистической революции», «отсутствие занятия торговой деятельностью» и пр.) и права, в первую очередь – избирательным правом всех уровней.

В целом же околядерная зона *претекста* не сохраняет целостность в *интертексте*₁ и расщепляется на элементы, вошедшие в разные понятийно-терминологические кластеры.

Периферия представлена несколькими репрезентантами, расположение которых казуировано отсутствием прототипического признака «избирательное право» и его замещением другим признаком «временное отсутствие избирательного права». Ближняя периферия представлена репрезентантом ГРАЖДАНИН₃, или «несовершеннолетний», у которого не реализуется признак «совершеннолетие», что лишает его самых значимых сигнификативных признаков: права участия в выборах всех уровней власти («избирательное право»), и обязанности защиты социалистического Отечества («воинская повинность»): периферийное положение данного элемента по сравнению с претекстом сохранено ввиду отсутствия одного и того же прототипического признака (Статья 64):

64. Правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет [Конституция РСФСР 1918 [http](http://)].

К элементу ГРАЖДАНИН₃ можно отнести и репрезентант «опекаемый» с характерным признаком «нахождение под опекой» (Статья 65).

Следующий компонент периферии ГРАЖДАНИН₄ представлен несколькими репрезентантами: ГРАЖДАНИН_{4А} соотнесён с «лицами, прибегающими к наемному труду с целью извлечения прибыли», «лицами, живущими на нетрудовой доход» и «частными торговцами и посредниками» (непрототипические признаки «наемный труд» и «нетрудовые доходы»), ГРАЖДАНИН_{4Б} представлен «монахами и служителями религиозных культов», ГРАЖДАНИН_{4В}, репрезентирован как «осужденный за корыстные и порочащие преступления»; ГРАЖДАНИН_{4Г}, характеризуется признаком «недееспособность» по медицинским показателям, и ГРАЖДАНИН_{4Д}, имеет принадлежность к институтам монархического строя. К последнему примыкает ГРАЖДАНИН_{4Е}, находящийся в оппозиции к социалистической власти и лишенный в силу этого большинства прав и социальных гарантий, то есть его репрезентант обладает минимумом прототипических признаков (Статья 23):

23. Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции [Конституция РСФСР 1918 [http](http://)].

Равный статус приобрели ранее эталонные репрезентанты претекста ПОДДАННЫЙ₁ и ПОДДАННЫЙ_{1А} и оставшиеся на периферии, но сместившиеся с крайнего ее сегмента ПОДДАННЫЙ₉ и ПОДДАННЫЙ₁₀. Формально все перечисленные репрезентанты ГРАЖДАНИН₄ обладают сигнификатом, схожим с набором признаков ГРАЖДАНИН₃, но отсутствие «избирательного права» и, следовательно, периферийный статус в структуре, обуславливается не возрастом репрезентантов класса, а другими непрототипическими признаками. Как было сказано ранее, из-за этого на периферии оказались элементы, принадлежавшие ранее к околядерному кластеру (Статья 65):

65. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;
- е) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;
- ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [Конституция РСФСР 1918 [http](http://)].

Анализ когнитивных структур ГРАЖДАНИН и ПОДДАННЫЙ позволяет обнаружить отсутствие в интертексте гендерно обусловленных сигнификативных признаков. Кроме того, периферийный репрезентант претекста ПОДДАННЫЙ₁₂ вообще не представлен в Конституции в связи с последующим выходом Финляндии из состава РСФСР. Другие периферийные элементы ПОДДАННЫЙ₇, ПОДДАННЫЙ_{7А}, ПОДДАННЫЙ_{7Б}, ПОДДАННЫЙ₈, выделяемые по признаку «принадлежность к определенной национальности», также теряют кластерное единство и распределяются внутри категории ГРАЖДАНИН интертекста₁, на базе наличия остальных признаков (Статьи 11, 20-22):

11. Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные Съезды Советов и их исполнительные органы <...>.

20. Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к использующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства.

21. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

22. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия [Конституция РСФСР 1918 [http](http://)].

Исходя из вышесказанного, деление когнитивной структуры понятия ГРАЖДАНИН на кластеры, обладающие различным сигнификативным составом, демонстрирует наличие четырёх значений термина «гражданин», что характеризует его как полисеманта:

1. Субъект, принадлежащий к рабоче-крестьянскому классу, обладающий всей полнотой прав и обязанностей, в том числе, правом осуществления властных полномочий.

2. Субъект, не относящийся к рабоче-крестьянскому классу, имеющий весь перечень прав и обязанностей, кроме декларированной возможности осуществления власти.

3. Субъект, временно не обладающий избирательным правом и не исполняющий воинской обязанности.

4. Субъект, законодательно лишенный избирательного права, а также иных гражданских прав и обязанностей, используемых «в ущерб интересам социалистической революции».

При сравнении данной когнитивной структуры и структуры ПОДДАННЫЙ наблюдается следующее: рассматриваемые понятия объединяет сема «связь с государством», что даёт основания считать их дискурсивными синонимами; однако эта сема включает в себя радикально отличающиеся компоненты: в сигнификате «подданный» базовый семантический компонент объективируется как «подчинение монарху и реализация прав и обязанностей по отношению к нему» (семы «монарх» и «государство» отождествлены), в то же время в эталонном наборе признаков, присущем понятию ГРАЖДАНИН *интертекста*₁, базовая семантическая составляющая актуализируется как «реализация прав и обязанностей по отношению к государству», где сема «государство» уподобляется семе «рабочие и крестьяне», или «осуществляющие труд». Ввиду фактической антонимии семантических компонентов «монарх» и «рабочие и крестьяне», объективирующих «государство», ментальные единицы и соотносящиеся с ними термины «подданный» и «гражданин» *интертекста* Конституции 1918 г. вступают в отношения квазисинонимии, так как их эталонные сигнификаты характеризуются сходством, но в то же время обладают существенными различиями и находятся в семантически несовместимом друг с другом положении; разница в их значениях не позволяет осуществлять референцию к одному и тому же объекту в один и тот же период времени. Безусловно, лучше всего это наблюдается при рассмотрении ядерных значений.

Не подверглись изменениям неотчуждаемые семантические компоненты «судимость», «недееспособность» и «несовершеннолетие», не позволяющие осуществлять всю широту прав, но из числа непрототипических признаков вышли «женский гендер» и «иная

национальность». Распределение элементов сигнификата внутри структур специальных понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, осуществляется по принципу актуализации различного количества прав, но если в первом случае это связано с семантическими компонентами, обозначающими род деятельности, то во втором серьёзные отличия состоят уже не в количестве признаков, определяющих целые группы прав и род занятий, а в наличии либо отсутствии конкретных семантических элементов, актуализирующих политический статус субъекта. Семантические компоненты, которые отражают политический статус субъекта по отношению к государству, при этом вообще не реализовывались в значениях понятия ПОДДАННЫЙ. Различные способы семантизации обусловленности количества прав подтверждают отношения квазисинонимии.

Когнитивная структура понятия ГРАЖДАНИН в рамках последующего варианта конституционного интертекста РСФСР, или *интертекста*₂, то есть Конституции 1925 года, не претерпевает значительных изменений по сравнению со своей актуализацией в претексте: эталонный сигнификат находит воплощение в ядерном элементе *ГРАЖДАНИН*₁, (Статьи 1,2,9) включая практически все соответствующие компоненты аналогичного элемента ядра структуры в претексте, но при этом не находит объективации «отсутствие опеки»:

1. Настоящая Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики исходит из основных положений Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским Съездом Советов, и основных начал Конституции (Основного Закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятой V Всероссийским Съездом Советов, и имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата, в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

2. Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов <...>.

9. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики [Конституция РСФСР 1925 http].

Наряду с этим, признак «отсутствие религиозной деятельности» сужает своё семантическое наполнение и репрезентируется как «отсутствие профессиональной религиозной деятельности» (Статья 69):

Околоядерный кластер (ГРАЖДАНИН₂) также имеет почти весь прототипический сигнификат за исключением признака «принадлежность к рабочему классу либо крестьянству». Все периферийные члены структуры не включают признак «избирательное право»; элемент периферии ГРАЖДАНИН₃ не обладает признаком «совершеннолетие» (Статья 68), но исключён элемент сигнификата «нахождение под опекой» и соответствующий репрезентант (Статья 69), ГРАЖДАНИН₄ в своих вариациях характеризуется теми же наборами непрототипических признаков, однако признак «профессиональное осуществление религиозной деятельности» характерный для репрезентанта ГРАЖДАНИН_{4Б}, семантизируется более детально.

Таким образом, когнитивная структура понятия, актуализируемого многозначным термином «гражданин», объективируется в интертексте₂ как полная цитата аналогичной структуры интертекста₁, гипо-гиперонимические отношения родового термина и видовых репрезентантов, реализуемых в конституционном тексте, сохраняются такими же:

68. Правом избирать и быть избранным в советы пользуются, независимо от пола, вероисповедания, расы, национальности, оседлости и т. п., следующие граждане Российской Социалистической Федеративной

Советской Республики, которым ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет:

а) все, добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда;

б) красноармейцы и краснофлотцы Рабоче-Крестьянских Красных Армии и Флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в п.п. «а» и «б» настоящей статьи, потерявшие в какой-либо мере трудоспособность <...>.

69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией;

д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов;

е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными;

ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок [Конституция РСФСР 1925 [http](http://)].

Понятийная структура ГРАЖДАНИН, актуализированная в тексте Конституции 1937 года, прошла через процесс существенной трансформации. Сигнификат ядерного элемента ГРАЖДАНИН₁ утрачивает

ряд политически неактуальных признаков В то же время некоторые из оставшихся элементов сигнификата при цитации из интертекстов¹⁻². не воспроизводятся со всей точностью. Например, прототипический признак «принадлежность к классу рабочих и крестьян» расширяет референциальный охват до «трудящихся города и деревни», вместе с тем более не эксплицируется признак «осуществление власти» (Статья 3):

Статья 3. Вся власть в РСФСР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся [Конституция РСФСР 1937 http].

Признак «избирательное право» позиционируется как «всеобщее, равное и прямое» (Статья 138), что не эксплицировалось текстами предыдущих конституций, и в данном интертексте обуславливается только признаками «совершеннолетие», «отсутствие судимости» и «дееспособность» (Статьи 139, 140):

Статья 138. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет РСФСР, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, Советы депутатов трудящихся национальных и административных округов, районные, городские и сельские (станции, деревни, хутора, аула) Советы депутатов трудящихся, — производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Статья 139. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане РСФСР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Статья 140. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях [Конституция РСФСР 1937 [http](http://)].

Кроме напрямую восходящих к интертекстам₁₋₂ эталонных признаков сигнификата, представляющих право на образование, свободу совести, свободу слова, свободу собраний и митингов, а также воинской обязанности (в претексте последний признак актуализировался как «воинская повинность»), сигнификат ГРАЖДАНИНА₁ дополняется следующими характеристиками: право на труд (вместо претекстового признака «обязательная трудовая деятельность»), право на отдых, право на социальное страхование, свобода печати, свобода уличных шествий и демонстраций, право объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, тайна переписки, обязанность соблюдения законов государства и обязанность охраны государственной собственности (Статьи 122-136). Околоядерная зона понятийной структуры в интертексте₃ не объективируется вообще:

Статья 122. Граждане РСФСР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Статья 123. Граждане РСФСР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

Статья 124. Граждане РСФСР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

Статья 125. Граждане РСФСР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщим-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машино-тракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

Статья 126. Женщине в РСФСР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

Статья 127. Равноправие граждан РСФСР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в

зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения — караются законом.

Статья 128. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в РСФСР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 129. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам РСФСР гарантируются законом:

- а) свобода слова;*
- б) свобода печати;*
- в) свобода собраний и митингов;*
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.*

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Статья 130. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам РСФСР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

Статья 131. Гражданам РСФСР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Статья 132. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

Статья 133. РСФСР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

Статья 134. Каждый гражданин РСФСР обязан соблюдать Конституцию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Статья 135. Каждый гражданин РСФСР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся <...>.

Статья 136. Всеобщая воинская обязанность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан РСФСР [Конституция РСФСР 1937 http].

Элемент ближней периферии с признаком «несовершеннолетие», мотивирующим непрототипические составляющие сигнификата, то есть временное отсутствие «избирательного права» и «воинской обязанности», а также полноценную актуализацию иных атрибутов политической самоидентификации субъекта, представлен в интертексте³ гипонимом ГРАЖДАНИН₂.

Кластеры дальней периферии интертекстов¹⁻² с признаками «наличие нетрудового дохода», «профессиональное осуществление религиозной

деятельности», «принадлежность к монархическому строю» в интертексте Конституции 1937 г. перестают воспроизводиться. Продолжающие функционировать элементы периферийного сегмента ГРАЖДАНИН_{3А} и ГРАЖДАНИН_{3Б} цитируются с лексически противоположными прототипу признаками «судимость» и «недееспособность» из чего следует «отсутствие избирательного права» (Статья 139).

Отсылка к претекстовому элементу 1918 и 1925 гг., объективирующему значение «лицо, использующие свои права «в ущерб интересам социалистической революции», цитируемому в интертексте₃ как ГРАЖДАНИН_{3В}, получает аксиологическую номинацию «враг народа», который покушается на «общественную, социалистическую собственность» (Статья 135):

Статья 135. <...>. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа [Конституция РСФСР 1937 http].

Экспликация данного признака представлена в тексте статьи 58 Уголовного Кодекса РСФСР: вкупе с утратой эталонного признака «избирательное право», ГРАЖДАНИН_{3В} утрачивает все «политические права», в том числе «свободу»:

58.1. Контр - революционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче - Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче - Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п.

Контр - революционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его,

содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции.

58.2. Организация в контр - революционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от Р.С.Ф.С.Р. какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры, влечет за собой -

расстрел и конфискацию всего имущества, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего имущества.

При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в настоящей статье преступления, участие в нем -

лишение свободы на срок не ниже трех лет. <...> [Уголовный Кодекс РСФСР 1926 http].

В целом понятийная структура ГРАЖДАНИН *интертекста*₃ репрезентируется элементами с тремя наборами сигнификативных признаков, реализующими три значения термина «гражданин»:

1. Субъект, обладающий всей совокупностью гражданских прав и обязанностей.
2. Субъект, временно не исполняющий ключевые права и обязанности гражданина в силу возрастных ограничений.
3. Субъект, лишенный важнейших гражданских прав и обязанностей.

Изменения структуры показывают, что термин «гражданин», сохраняет свою многозначность при сужении семантики в данном варианте интертекста: объединение ядра и околядерной зоны привело к сокращению общего числа значений до трех, а снижение количества элементов дальней периферии привело к сокращению их вариантов в два раза. Кроме того, увеличение общего числа сигнификативных признаков понятия

ГРАЖДАНИН расширило границы когнитивной структуры как в центральной, так в периферийной части.

*Интертекст*₄, а именно Конституция РСФСР 1978 г., цитирует претекстовый прототипический сигнификат ГРАЖДАНИНА₁ (с элиминацией некоторых признаков, в частности, «лояльности власти»): избирательное право, право на труд, отдых, социальное страхование, образование, жилище; свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, гарантии неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки; обязанность соблюдения законов государства, охраны государственной собственности, воинская обязанность, дополняемые признаками совершеннолетия и дееспособность. Однако, прототипический набор признаков расширяется за счет актуализации новых политических характеристик субъекта: права объединения в общественные организации, на судебную защиту, а также обязанностей уважать национальное достоинство других граждан, уважать права и законные интересы других лиц, заботиться о семье, беречь природу, сохранять культурные ценности, содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран:

Статья 49. В соответствии с целями коммунистического строительства граждане РСФСР имеют право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов.

Общественным организациям гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач <...>.

Статья 55. Уважение личности, охрана прав и свобод граждан - обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц.

Граждане РСФСР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество <...>.

Статья 64. Граждане РСФСР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества. Дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь.

Статья 65. Граждане РСФСР обязаны беречь природу, охранять ее богатства.

Статья 66. Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей - долг и обязанность граждан РСФСР.

Статья 67. Интернациональный долг гражданина РСФСР - содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира [Конституция РСФСР 1978 http].

Периферия категории ГРАЖДАНИН претерпевает изменения: четвёртое значение, репрезентировавшее наиболее удалённый от центра сегмент, элиминируется, что приводит к сокращению неядерной зоны до двух элементов: ГРАЖДАНИН₂ в ближней периферии и ГРАЖДАНИН₃ в дальней, которые характеризуются, соответственно, непрототипическими признаками «несовершеннолетие» и «недееспособность» (Статья 92). Периферийный признак «судимость» исключается:

Статья 92. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане РСФСР, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными [Конституция РСФСР 1978 http].

Рассмотрение *интертекста*₄ позволяет заметить, что когнитивная структура в данном варианте Конституции цитирует трехчастную организацию *интертекста*₃, но вместе в тем направленность к внутренней унификации и упрощению прогрессирует: каждый сегмент структуры находится в соотношении только с одним типом субъекта. Одновременно растёт количество сигнификативных черт анализируемого понятия, что определяет расширение семантического охвата в целом.

Последняя версия интертекста Конституции 1993 г. и интертекстуально связанный с ней федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» снова воспроизводит в когнитивной структуре понятия ГРАЖДАНИН основные компоненты претекста.

При этом ядро когнитивной структуры *интертекста*₅ ГРАЖДАНИН₁, цитируя претекстовые фрагменты, также включает множество новых признаков, что мотивировано новым кардинальным изменением политико-правовой картины мира языкового сообщества России. Данные признаки суть «право на жизнь», «право на достоинство личности», «право на национальное самоопределение», «свобода передвижения», «свобода предпринимательской деятельности», «право частной собственности», «право на благоприятную окружающую среду», «свобода творчества» и «обязанность платить налоги». Очевидно, что вместе с исчезновением некоторых социально-политических реалий был изъят ряд соответствующих компонентов сигнификата, таких как обязанность содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран и др.:

Статья 20

- 1. Каждый имеет право на жизнь.*
- 2. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.*

Статья 21

- 1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.*
- 2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.*

Статья 26

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Статья 27

1. Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

2. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию <...>.

Статья 34

1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

2. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Статья 35

1. Право частной собственности охраняется законом.

2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

4. Право наследования гарантируется <...>.

Статья 42

Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением <...>.

Статья 44

1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом.

2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры <...>.

Статья 57

Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют [Конституция РСФСР 1993 http].

Кроме того, были выявлены частичные изменения в периферии, связанные с восстановлением и расширением трактовки признака «судимость» и соотносимых с ним гражданских прав и обязанностей. Таким образом, один из элементов структуры – ГРАЖДАНИН_{2Б}, представляющий субъекта, не совершавшего тяжких преступлений и не находящегося в местах лишения свободы, был включен в сегмент ближней периферии вместе с элементом ГРАЖДАНИН_{2А}, характеризуемым непрототипическим признаком «несовершеннолетие». Тем не менее, обладая общим формальным показателем «временное ограничение исполнения гражданских прав и обязанностей» (прежде всего, избирательного права и воинской обязанности), их политико-правовой статус реализуется неодинаково. ГРАЖДАНИН_{2А} с течением времени имеет возможность переместиться в ядерный кластер по причине обретения его референтом полноты

осуществления политико-социальных прав и свобод, то субъект, обозначаемый вариантом значения ГРАЖДАНИН_{2Б}, в дальнейшем не сможет осуществить ряд своих прав (к примеру, быть избранным Президентом РФ):

Статья 3. Избирательные права граждан Российской Федерации при выборах Президента Российской Федерации

1. Гражданин Российской Федерации, достигший на день голосования 18 лет, имеет право избирать Президента Российской Федерации, участвовать в выдвижении кандидатов на должность Президента Российской Федерации, предвыборной агитации, наблюдении за проведением выборов Президента Российской Федерации, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, а также в осуществлении других избирательных действий в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами <...>.

4. Не имеет права избирать Президента Российской Федерации и быть избранным Президентом Российской Федерации, участвовать в иных избирательных действиях гражданин Российской Федерации, признанный судом недееспособным или содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда <...>.

5.2. Не имеет права быть избранным Президентом Российской Федерации гражданин Российской Федерации:

1) осужденный к лишению свободы за совершение тяжкого и (или) особо тяжкого преступления и имеющий на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанное преступление;

1.1) осужденный к лишению свободы за совершение тяжкого преступления, судимость которого снята или погашена, - до истечения 10 лет со дня снятия или погашения судимости;

(пп. 1.1 введен Федеральным законом от 21.02.2014 N 19-ФЗ)

1.2) осужденный к лишению свободы за совершение особо тяжкого преступления, судимость которого снята или погашена, - до истечения 15 лет со дня снятия или погашения судимости;

(пп. 1.2 введен Федеральным законом от 21.02.2014 N 19-ФЗ)
 [Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ [http](http://www.garant.ru)].

В то же время кластер дальней периферии, содержащий в претексте интертекстуальный элемент ГРАЖДАНИН_{ЗА} с признаком «недееспособность», расширяется за счет элемента ГРАЖДАНИН_{ЗБ} – «судимый за (особо) тяжкие преступления и/или находящийся в местах лишения свободы».

В итоге, когнитивная структура понятия ГРАЖДАНИН и значения соответствующего термина *интертекста*₅ могут быть представлены следующим образом:

1. Субъект, обладающий всей совокупностью гражданских прав и обязанностей.
2. Субъект, временно не исполняющий ключевые права и обязанности гражданина в силу возрастных ограничений или наличия судимости.
3. Субъект, лишенный важнейших гражданских прав и обязанностей в силу недееспособности или совершения (особо) тяжких преступлений.

Последняя версия интертекста Конституции 1993 г. характеризуется тем, что наряду с базовым именем понятия гражданин активно используется гипероним «человек», что объективирует неотчуждаемость определённого набора прав:

Статья 17. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией [Конституция РФ 1993 [http](http://www.garant.ru)].

Кроме того, специальное понятие ГРАЖДАНИН находит репрезентацию в виде местоимений: определительного *каждый* и отрицательного *никто*, что дополнительно семантизирует неотъемлемость

совокупности базовых элементов сигнификата для всего множества референтов:

Статья 20. Каждый имеет право на жизнь.

Статья 29. Пункт 3. Никто не может быть принуждён к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них [Конституция РФ 1993 http].

Привлекает внимание тот факт, что цитаты последнего варианта Конституции, объективирующие политические аспекты гражданства, репрезентируют рассматриваемое понятие с помощью имени «гражданин Российской Федерации». Объект референции актуализируется не в свете неотъемлемости его базовых прав и свобод, а как выражение базовой семантической составляющей понятия «связь между государством и человеком» [Конституция РФ 1993 http]. То же самое наблюдается при рассмотрении статей, репрезентирующих отношения человека и внешних государств, в том числе военную службу (Статьи 59-62):

Статья 59

1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

3. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой.

Статья 60

Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет.

Статья 61

1. Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству.

2. Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами.

Статья 62

1. Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

2. Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

3. Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации [Конституция РФ 1993 http].

3.3. Сравнение понятийных структур ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН в российском и британском интертекстах

Базовые понятия российского и британского конституционного интертекста ПОДДАННЫЙ, ГРАЖДАНИН, NATIONAL, SUBJECT, CITIZEN отражают существенную часть политико-правовой картины мира, касающуюся взаимодействия субъекта и государства. Все эти понятия могут быть представлены в аспекте прототипического подхода как когнитивные структуры, репрезентирующие гиперо-гипонимическую организацию. Термины и того, и другого языка, выражающие на номинативном плане данные единицы, проявляют разницу при своей реализации: в словарном интертексте они актуализированы как однозначные, а в конституционном

интертексте реализуется их фактическая полисемия, поскольку последний представляет собой ключевое средство кодификации.

Однако, между данными группами терминов в российском и британском конституционном интертексте складываются разные отношения с точки зрения семантики: российские термины и соответствующие им понятия ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН находятся в квазисинонимической связи между собой, характеризуясь одновременно и общностью, и принципиальными различиями в значениях при наличии значительной общей части прототипического сигнификата, эксплицирующими разные типы государственного устройства, что обуславливает невозможность их пространственно-временного соприсутствия, так как они семантически исключают друг друга: термин «гражданин» сменил ставшую архаизмом языковую единицу «подданный» ввиду смены политико-правовой ситуации в стране: сигнификат трансформировался при этом практически полностью. Наличие общей семы «связь с государством» обеспечивает дискурсивную синонимию данных понятий, но в сигнификате единицы ПОДДАННЫЙ данная сема приравнивается к семантическому компоненту «монарх», в то же время для понятия ГРАЖДАНИН основная семантическая составляющая объективируется как «реализация обоюдных прав и обязанностей по отношению к государству». Именно из-за практической антонимии семантических компонентов, актуализирующих «государство», единицы ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН состоят в квазисинонимических отношениях по причине близости их эталонных сигнификатов, но при этом обладают кардинальными различиями, будучи семантически несовместимыми, что не позволяет осуществлять одновременную референцию применительно к одному и тому же объекту.

Словарные дефиниции, соотносящиеся с российским конституционным интертекстом, позиционируют гораздо большую степень семантической близости терминов, объективируемых понятиями ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН. В то же время определения терминов «subject» и «citizen»,

приведённые в британских словарях, репрезентируют не ярко выраженную квазисинонимию, а отношения, близкие к полностью синонимичным, с представлением в термине «citizen» базовых сем «демократический строй» и/или «права и свободы» (сюда же входит «избирательное право»), а при этом в «subject» в качестве основной выступают семы «монархия» и «обязанности». С данной точки зрения, актуализация пар аналогичных терминов «подданный» и «subject»; «гражданин» и «citizen» в словарных интертекстах и России, и Великобритании происходит похожим образом.

При рассмотрении непосредственно конституционного интертекста, можно наблюдать, что термины английского языка «national», «subject», «citizen», которых количественно больше, не исключают друг друга, но сосуществуют и сосуществовали, начиная с самых первых версий данного интертекста, где они функционируют по сей день, при том, что формально Великобритания сохраняет монархическое устройство и на данный момент, не претерпев радикальных политических трансформаций, требующих кодификации актуальных языковых единиц, эти изменения выражающих. Тем не менее, политико-правовая реализация отношений государства и человека в данном случае тоже проходила последовательные этапы развития, выражающие тенденцию к демократизации, но не столь резкого характера, что и привело к плавным семантическим модификациям данных ментальных и языковых единиц.

«National» при этом предстаёт как родовой термин, за которым стоит общее понятие, включающее в себя более узкие семантически единицы, объективируемые знаково как «subject» и «citizen». Нужно отметить, что данный термин получил реализацию на более поздних стадиях эволюции конституционного интертекста, другими словами, изначально гиперонима, семантически объединяющего все термины и понятия, актуализирующие человека по отношению к государству, не существовало. Таким образом, семы, дифференцирующие квазисинонимические гипонимы SUBJECT и CITIZEN, апеллируют к реалиям, иллюстрирующим наличие/отсутствие

определённых прав и обязанностей, которые актуальны для единого временного промежутка. SUBJECT, однако, объективируется на протяжении всего развития конституционного интертекста, что всё же обусловлено лингвистическим отражением монархии (хотя развитие понятия SUBJECT на протяжении реализации данного интертекста всё же происходит, проявляясь в репрезентации меньшего количества прав и в движении данной единицы к периферии категории при константности (по крайней мере, формальной) политического строя).

CITIZEN и NATIONAL как единицы конституционного интертекста вводятся позже, декларируя появление элементов демократического строя, и в этом, с одной стороны, эволюция интертекстов Конституции Великобритании и России имеет общую тенденцию, проявляющуюся в введении понятий в связи с новыми политическими экстралингвистическими факторами, но, с другой стороны, если в российском интертексте одна ментальная единица вытеснила другую, превратив её в архаизм, то в британском понятия CITIZEN и NATIONAL дополнили состав уже существующих цитируемых элементов, не приводя к их элиминации. Несмотря на то, что на начальном этапе существования конституционного интертекста Великобритании существовало понятие DENIZEN, перешедшее в разряд архаизмов, употребление данного понятия было прекращено не по причине коренной смены политического строя и введения принципиально нового интертекстуального элемента взамен, который кодифицировал бы другую, наступившую правовую ситуацию, а ввиду постепенной эволюции конституционной монархии.

Российские термины «подданный» и «гражданин», будучи многозначными, демонстрируют константность имени при одновременном функционировании в различных семантических ролях: одно и то же наименование выступает и в качестве гиперонима, и в качестве его видовых значений; как в срезе конкретного временного периода, так и на протяжении развития соответствующего понятия.

Говоря о квазисинонимии терминов «подданный» и «гражданин», нужно обратить внимание, что в российском интертексте не существует гиперонима, который объединил бы данные терминологические единицы, став для них родовым понятием. В английском языке при рассмотрении синхронического аспекта во всех случаях наблюдается следующее: каждое отдельное значение обладает своей собственной номинацией, варьирующейся с помощью определений и языковых атрибутов («British citizen», «British Overseas citizen», «British Dependent Territories Citizen», «British subject without citizenship»); тем не менее, в диахроническом плане некоторые термины сохраняют форму при меняющемся содержании, актуализированном с помощью понятия, что свойственно и российскому конституционному интертексту.

Однако, в последней последовательности интертекстов эта тенденция реализуется более явно и является базовой по причине универсальности термина «гражданин» для всех единиц, как гиперонимов, так и гипонимов, и отсутствия какой-либо знаковой альтернативы для него, которая могла бы выразить семантические различия единиц (термин «подданный» развития в диахроническом плане, как было показано выше, не получает). В данном случае семантическая дифференциация интертекстуальных единиц с помощью языковых атрибутов и определений распространяющих основной термин, не выражена. В российском конституционном интертексте встречаются знаковые единицы с более сложным составом («Гражданин Российской Федерации»), но данные имена не служат обозначениями для отдельных единиц, а относятся к тем же понятиям, что выражаются термином «гражданин» без атрибутов, выполняя деонтическую и идеологическую функции.

Британскому конституционному интертексту свойственно такое явление, как неноминированные понятия, выраженные не цельным и единым языковым знаком, а с помощью распространённых дефиниций и описаний. Данные понятия касаются периферийных элементов, обозначающих

субъекты без таких эталонных признаков сигнификата, как «избирательное право» и «право проживания». В российском конституционном интертексте такие понятия не выявляются: все единицы имеют номинацию, хотя и специфическую, по причине функционирования одного термина как репрезентанта различных понятий.

Кроме того, британские интертекстуальные единицы, особенно на определённых этапах функционирования конституционного интертекста, имеют несколько семантических вариантов, различающихся сигнификативными признаками, связанными со способом приобретения гражданства.

В британском интертексте существует гипероним, представляющий наличие субъектно-государственной связи, репрезентированный в настоящее время термином «national», объективирующим факт отношений государства и человека. Квазисинонимы «citizen» и «subject» являются элементами единой во временном плане системы, хотя и сменяют друг друга на протяжении развития понятия, реализуя не столько фундаментальность правовой картины, сколько её вариативность.

Квазисинонимия, существующая между понятиями британского конституционного интертекста, качественно отличается от аналогичного соотношения понятий российского интертекста ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН и сопутствующих терминов: единицы британской Конституции на протяжении последовательного цитирования в её интертексте не исключают друг друга во временном контексте, а сосуществуют, относясь к разным референтам в пределах одного хронологического периода, имея в качестве объединяющего фактора сему «наличие государственно-правовой связи», но различаясь признаками, актуализирующими качество этих отношений. Другими словами, детерминирующие сигнификативные признаки не репрезентируют взаимоисключающие типы государственного устройства.

Понятия ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, напротив, в подавляющем большинстве случаев осуществляли референцию к одним и тем же объектам, но в разное время, лингвистически объективируя неизбежное изменение политического статуса референта. Квазисинонимия, характеризующая отношения единиц, существующих в пределах одной и той же временной стадии развития российского конституционного интертекста, но несовместимых по отношению к единому референту, тоже реализуется, но она касается одноимённых гипонимов, выражающих различные качественные черты связи государства и человека, и, соответственно, имеющих разные сигнификаты. Наличие квазисинонимии в синхроническом аспекте есть одно из проявлений общих закономерностей для российского и британского конституционных интертекстов, но в первом случае он актуален для разных понятий с одним и тем же знаковым выражением, а во втором для единиц с разными именами.

Степень соответствия прототипу различных значений рассматриваемых понятий зависит от степени реализации прав и свобод субъекта, что снова предстаёт как универсальная тенденция, свойственная интертексту основного Закона. Всё же основные критерии данной реализации, выраженные лингвистически, имеют некоторые различия, касающиеся эталонных признаков понятийных структур, определяющих близость ментальной единицы к ядру этой структуры, а значит, и наличие сем, выражающих права и свободы, привилегированность.

Общим для британских и российских специальных понятий является эталонный признак «избирательное право», однако в российском интертексте он объективируется только для понятия ГРАЖДАНИН, а значит, исключительно на конкретном временном периоде интертекстуальной эволюции, тогда как в британском он был релевантен с ранних версий конституции, и не осуществлял семантическую привязку к одному конкретному термину и ментальной единице. В британском конституционном интертексте с течением времени появился второй

эталонный признак, характеризующий политико-правовой статус субъекта, а именно «право проживания», но в интертексте российской Конституции данный признак не имеет конкретных проявлений и тем более не определяет местоположение ментальной единицы в определённом кластере.

Для российского понятия ПОДДАННЫЙ существовал свой специфический критерий – «право состояния», не реализуемый в настоящее время; но, нужно отметить, что, по большей части, состав соответствующей данному понятию структуры не имеет однородности. Её элементы отличаются количеством сем, выражающих права и род деятельности, а также некоторые неотчуждаемые признаки, такие как судимость, недееспособность, гендер, несовершеннолетие, национальность, влияющие на реализацию этих прав и обязанностей. В структуре какого-либо понятия британского конституционного интертекста ни одного похожего в той или иной мере сигнификативного признака с такой степенью сложности не было выявлено.

Общий вектор эволюции указанных терминов репрезентируется в том, что развитие семантики понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН в британском и российском конституционных интертекстах происходит в двух направлениях: осуществляется расширение семантики родовых понятий, что характеризуется увеличением количества признаков прототипического сигнификата, и снижением числа признаков у периферийных гипонимов; также, ряд самих периферийных репрезентантов редуцируется.

Данные метаморфозы сигнализируют о постепенной унификации значений терминов и их движению к моносемии. Тем не менее, в настоящий момент терминологическая единица британского конституционного интертекста «national» представлена большим количеством значений, чем аналогичный российский термин «гражданин». Также, касательно британских языковых и ментальных единиц унификация в большей мере обусловлена нечёткостью сигнификативного состава гипонимов, а аналогичные понятия и соответствующие им термины российского

конституционного интертекста осуществляют семантическое сближение преимущественно благодаря уменьшению количества значений и их вариантов.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Сравнение понятийных категорий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, реализовавшихся в претексте Свода Основных Законов России и в пяти редакциях Конституции России соответственно, выполненное в рамках прототипического подхода, показывает, что в каждой версии конституционного интертекста родовое понятие вмещает в себя совокупность центральных и периферийных единиц класса.

Семантическая эволюция понятия ГРАЖДАНИН, обусловленная модификациями в его структуре, во всех случаях репрезентируется наличием определённого числа гипонимов, чья степень соответствия прототипу определяется вариантом политико-правовой картины мира и, соответственно, господствующей политико-правовой ситуацией, объективирующей права, свободы и обязанности субъектов, а также степень их привилегированности.

Указанные аспекты, характеризующие различия в социально-политическом статусе человека, находят выражение в изменении набора сигнификативных признаков каждого из гипонимов; определённая часть признаков сигнификата может быть представлена как цитаты, практически неизменно повторяющие и форму, и значение соответствующих единиц претекста.

При сопоставлении понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН между собой обнаруживается их квази-, или частичная синонимия. Общим для обеих категорий является семантический компонент «политико-правовая связь с государством», соотносимый в первом случае с подчинением монарху, а во втором – с республиканской формой правления. Состав вариативной части сигнификата для каждого отдельного репрезентанта этих категорий детерминируется конкретным набором прав, свобод и обязанностей, декларируемых Основным Законом как интертекстом и претекстом.

Специальное понятие ПОДДАННЫЙ представлено лишь одной моделью лингвокогнитивной структуры, не имея возможности

эволюционировать ввиду упразднения монархии. Гипонимы данного понятия распределяются внутри категории, образуя сложную систему, ориентированную на прототип с доминирующим поликомпонентным признаком «право состояния», сопряженным с элитарностью определённого общественного класса и зависящего от рода деятельности субъекта. Признаки, актуализирующие политические права, в том числе возможность участия в выборах разных уровней, реализованы в этой версии Основного Закона не полностью.

В интертексте конституций России как республиканского государства, понятийная категория ГРАЖДАНИН образуется вокруг понятия, характеризуемого, наряду с каждым раз меняющимся списком свойств, признаками «избирательное право» и «воинская обязанность». У околоядерных и периферийных членов класса данные признаки отсутствуют или выражены не полностью. При этом они также демонстрируют изменчивость своих дефиниций в интертексте, обусловленную необходимостью идейного укрепления новой политической ситуации, установившейся в РСФСР, а затем и в Российской Федерации.

В целом же, и ядерные, и периферийные единицы понятийной категории ГРАЖДАНИН обнаруживают стабильную тенденцию к расширению своих сигнификатов.

Другой важной тенденцией, характеризующей внутреннюю структуру интертекстуальной категории ГРАЖДАНИН, является сокращение общего числа ее единиц, отсылающих к различным типам референтов.

Комбинация этих разнонаправленных тенденций ведёт, с одной стороны, к расширению общей семантики понятия ГРАЖДАНИН, а с другой, свидетельствует об утрате им устойчивой многозначности и движении к моносемии. Данные процессы обусловлены унификацией значения терминологической единицы в составе юридического и политического дискурсов, отображающих новый этап развития языковой картины мира российского лингвокогнитивного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конституционный интертекст занимает особую позицию в ряду интертекстуальных образований, имеющих институциональный характер, так как он интегрирует черты юридического и политического дискурсов и отражает фундаментальные перемены в политико-правовой картине мира национального языкового сообщества. Специальные понятия ПОДДАНСТВО и ГРАЖДАНСТВО, и их субъектно-ориентированные репрезентанты ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, а также соответствующие им единицы NATIONALITY, CITIZENSHIP, и NATIONAL, SUBJECT, CITIZEN, представляют собой семантическую базу конституционного интертекста, которая на протяжении нескольких веков была репрезентирована классом знаков, входящих в единую цитатную систему. Составляя основу Конституции, такая система обеспечивает референцию к прецедентным текстам: утратившим силу редакциям Основного Закона государства и иным документам политико-юридического характера.

Все термины, репрезентирующие понятия ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН, обладают многозначностью; прототипическое значение характеризуется социальной и политической привелегированностью обозначаемого им референта, что выражается посредством эталонного сигнификата; другие, неядерные значения характеризуются большей или меньшей степенью соответствия своего сигнификативного набора признаков прототипическому в зависимости от близости к центру когнитивной структуры.

Соотношение специальных понятий ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН представляет собой отношения интертекстуальных единиц, находящихся в гипо-гиперонимической связи. В британском конституционном дискурсе в настоящее время таким гиперонимом выступает понятие NATIONAL, в российском конституционном интертексте гипонимический член пары перешел в разряд дискурсивных историзмов.

На семантическую близость двух понятий указывают их дефиниции с общим предикативным компонентом «политико-правовая связь субъекта и государства». Он эксплицитно выражен в словарных статьях, указывающих на их функциональное тождество и обращенность к близким референтным группам. Ситуативно гиперо-гипонимические отношения единиц раскрываются в конституционном интертексте. В нем актуализируется и общий ряд прототипических признаков, тем самым подтверждая их категориальную принадлежность и сигнификативные различия, что позволяет разграничить значение и употребление их имен.

Утрата претекстовой единицы ПОДДАННЫЙ из «Свода Основных Законов Российской Империи» 1906 года, произошедшая после установления нового государственного строя, потребовала её замены актуальным юридическим понятием. При этом, несмотря на очевидные семантические отличия, эксплицирующие смену законодательных основ существования граждан страны, в интертексте 1918 г. была воспроизведена значительная часть сигнификата источника. Далее, в интертекстах 1925, 1937, 1978 и 1993 гг. эволюция понятийной категории протекает, проявляясь в расширении прототипического сигнификата и, таким образом, общей семантики понятия, и сужения круга периферийных значений и их вариантов.

Эволюция аналогичных понятий в британском конституционном интертексте демонстрирует схожие тенденции: если в первых версиях интертекста происходит чёткая градация понятий по их соответствию прототипическому сигнификату (ядерное понятие SUBJECT – периферийное DENIZEN: дальнейшее вымещение последнего единицей SUBJECT с занятием его периферийной позиции – введение ядерного понятия CITIZEN, появление общего гиперонима NATIONAL), то в последующих версиях интертекста сигнификаты понятий NATIONAL, CITIZEN, SUBJECT унифицируются. Другими словами, происходит расширение прототипического сигнификата одновременно с уменьшением числа

непрототипических признаков; количество периферийных гипонимов также убывает и нарастает процесс моносемизации.

В целом, при сравнении современной реализации понятийных категорий ГРАЖДАНИН и NATIONAL российского и британского конституционного интертекстов в них наблюдаются следующие отличия: российская категория как единая структура, а также ее отдельные кластеры объективируются с помощью одного и того же имени, функционирующего в разных семантических ролях:

- как родовое имя, отражающее общее наличие правовой связи с государством;
- как гипоним, соответствующий ядерному члену класса с прототипическим сигнификатом, включающим совокупность ключевых прав, обязанностей и гарантий субъекта; и
- как гипоним, актуализирующий периферийное понятие, обозначающий субъекта без определенных прав и обязанностей, или не обладающего ими в полном объеме.

В свою очередь, NATIONAL выполняет преимущественно родовую функцию, кодифицируя факт наличия отношений с государством, но не указывая на ее политический характер. В современном интертексте он также репрезентирует одно из периферийных значений, лишённое базовых прототипических признаков «избирательное право» и «право проживания»; разновидности политико-правовых отношений субъекта с государством объективированы прототипическим гипонимом CITIZEN, включающим в себя основные признаки «избирательное право» и «право проживания», и периферийными гипонимами SUBJECT, включающим только «избирательное право».

Перспектива данного исследования предполагает лингвокогнитивный анализ конституционных интертекстов иных государственных образований. Данный анализ также может быть расширен за счет привлечения к исследованию всего комплекса ключевых понятий-цитат, в том числе,

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПРАВО, ОБЯЗАННОСТЬ, ГАРАНТИЯ и пр., как в текстах Конституций, так и в смежных с ними дискурсивных продуктах. Построение новых ментальных моделей позволит более детально осветить процесс преобразования совокупности претекстов в интертекст, и, таким образом, не только определить сущность и причины происходящих в них семантических сдвигов, но и рассмотреть факторы, определяющие развитие политико-правовой картины мира того или иного лингвокогнитивного сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишин, М. О. Категория «Конституции» в государственно-правовом развитии Российской империи XVIII века [Текст] / М. О. Акишин // Меншиковские чтения – № 8. – 2017. – С 9–25.
2. Алексеева, В. Н. «Гражданин vs citizen»: к проблеме понимания советизмов в иноязычной культуре [Текст] / В. Н. Алексеева // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – №2 (24). – С. 126–131.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, РАН, 1995. – 472 с.
4. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей [Текст] / И. В. Арнольд. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 445 с.
5. Бабикова, М. Р. Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / М. Р. Бабикова. – Екатеринбург, 2020. – 237 с.
6. Байко, В. А. Интертекст как средство создания информационной напряженности диктемы [Текст] / В. А. Байко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 144–148.
7. Баландина, И. Д. Когнитивный подход к описанию юридического дискурса (на примере английского языка) [Текст] / И. Д. Баландина, Т. Н Москвитина, А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 1 (435). – С. 21–28.
8. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Текст. [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
9. Бастун, Е. В. Функционально-прагматические характеристики прямой и непрямой коммуникации в политическом дискурсе (на материале

английского языка) [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Бастун. – Майкоп, 2020. – 178 с.

10. Белоконь, Н В. Соотношение методов лингвистического и юридического анализа при использовании грамматического способа толкования как средство устранения неопределённости в понимании положений Конституции [Текст] / Н. В. Белоконь // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – №8 (14): в 4-х ч. – Ч. 1. – С. 31–35.

11. Беляков, М. В. Интерпретация интертекста в политическом дискурсе [Текст] / М. В. Беляков // Вестник МГИМО Университета. – 2009. – № 6 (9). – С. 139–143.

12. Бляхман, Б. Я. Лингвистическое конструирование юридически х понятий в Конституции Российской Федерации и проблемы их адекватного толкования [Текст] / Б. Я. Бляхман // Юрислингвистика. – 1999. – № 1. – С. 178–185.

13. Бобровская Г. В. Фигуры интертекста в публицистике: газетный текст vs текст-источник, экспрессия vs стандарт [Текст] / Г. В. Бобровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6 (81). – С. 66–69.

14. Богатырев, А. В. Цитата в юридическом дискурсе: функциональный аспект [Текст] / А. В. Богатырев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (92). – С. 30–37.

15. Богатырёв А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / А. В. Богатырёв. – Волгоград, 2016. – 168 с.

16. Богданова, К. В. Лингво-когнитивные аспекты аллюзивности (на примере интертекстуальных включений в англоязычной массовой

культуре) [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / К.В.Богданова. – СПб, 2020. – 200 с.

17. Боженкова, Р. К. Интертекстуальность как явление современного информационного пространства [Текст] / Р. К. Боженкова, Д. В. Атанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2011. – № 2. – С. 7–12.

18. Бойко, Л. Б. К вопросу о переводе интертекста [Текст] / Л. Б. Бойко // Вестник РГУ им. И. Канта. Филологические науки. – 2006. – Вып. 2. – С. 52–59.

19. Болдырев Н. Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – С. 73–84.

20. Ванюшин, Я. Л. Соотношение гражданства и подданства: некоторые вопросы теории и практики [Текст] / Я. Л. Ванюшин // Правоведь. – 2007. – № 2 (21). – С. 47–51.

21. Владимирова, Н. Г. Интертекстуальный анализ произведения в методическом аспекте [Текст] / Н. Г. Владимирова, Е. С. Куприянова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 2 (27). – С. 1–4.

22. Воркачѳв С. Г. «Что в имени тебе моѳм?»: от интертекста к лингвокультурному понятию [Текст] / С. Г. Воркачѳв // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2015. – № 13. – С. 27–50.

23. Гаврикова, Ю. С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Ю. С. Гаврикова. – Воронеж, 2012. – 243 с.

24. Гаджиев, Р. С. К типологической классификации основных этнических общностей [Текст] / Р. С. Гаджиев // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 11–15.

25. Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения [Текст] / В. Г. Гак // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 91–102.
26. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
27. Гехтляр, С. Я. Интертекст как источник социально-культурной составляющей фоновых знаний [Текст] / С. Я. Гехтляр // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 1 (31). – С. 257–261.
28. Голев, Н. Д. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права [Текст] / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 142–152.
29. Грушевская Е. С. Адресатность в политическом дискурсе: ценности, стратегии, способы выражения [Текст]: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Е. С. Грушевская. – Майкоп, 2019. – 342 с.
30. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков – М.: ИДГТК «Гнозис», 2003. – 288 с.
31. Дединкин, А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука [Текст] / А. Л. Дединкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1 (85). – С. 220–228.
32. Денисова, Г. В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии [Текст]: дисс. ... доктора культ.: 24.00.01 / Г. В. Денисова. – М., 2020. – 360 с.
33. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. Ред. М. В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.
34. Дуринова, Г. В. Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII в. (к вопросу о лингвистической основе истории понятий) [Текст] / Г. В. Дуринова // Вестник православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 1 (41). – С. 18–38.

35. Дурцева, Е. Ю. Полиглотизм текста, интертекст и сверхтекст [Текст] / Е. Ю. Дурцева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 108–114.

36. Елизарьева, М. А. Интертекстуальность политического дискурса в Германии (на примере "политической пепельной среды") [Текст] / М. А. Елизарьева, М. А. Чигашева, Б. Блахак, М. Ю. Михина // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 76–90.

37. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А. А. Зализняк. – М.: Языки русской культуры, 2006. – 672 с.

38. Зверева, Г. В. Прагмалингвистические особенности идеологизированных речевых штампов (на материале текстов Конституций России и Германии) [Текст] / Г. В. Басенко // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 2. – С. 119–123.

39. Зверева, П. К. Лингвофилософское толкование юридического текста [Текст] / П. К. Зверева. – Политическая лингвистика. Раздел 4. Лингвистическая экспертиза: язык и право. – 2017. – № 2 (62). – С. 124–130.

40. Зорина, М. А. Когнитивное моделирование англоязычной терминосистемы корпоративного права на материале терминосистем стран англо-саксонской правовой семьи [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.04. / М. А. Зорина. – М., 2016 – 215 с.

41. Иванова, С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) [Текст] / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 31–37.

42. Ильин И. П. Интертекстуальность [Текст] / И. П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение: энциклопедический

справочник / ред.-сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М.: Интрада, 1996. – 319 с.

43. Иркова, А. В. Предъюрисдикционные и юридические смыслы лексемы «гражданин» в общественно – политическом дискурсе [Текст] / А. В. Иркова // Сибирский Филологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 215–224.

44. Иркова, А. В. Эволютивная юридикализация русской общенародной лексики: диахронно-синхронный дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями чест-, гражд- [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.01. А. В. Иркова. – Кемерово, 2020. – 215 с.

45. Калиновская, В. В. Речевое воздействие в юридическом дискурсе [Текст] / В. В. Калиновская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 1 (65). – С. 32–36.

46. Каплуненко, А. М. Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики [Текст] / А. М. Каплуненко // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: материалы международной конференции. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. – С. 115–120.

47. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

48. Кафтя, А. И. Сравнительный анализ конституционного и дипломатического дискурсов [Текст] / А. И. Кафтя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1 (67). – С. 126–128.

49. Кильдяшов, М. А. Интертекстосфера П. А. Флоренского (языковые аспекты) [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / М. А. Кильдяшов. – М., 2016. – 200 с.

50. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие [Текст] / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

51. Козлов, Д. В. Идеология гражданства в современной России [Текст] / Д. В. Козлов // Власть. – 2013. – Т. 21. – № 11. – С. 113–116.
52. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / М. В. Коновалова. – Челябинск, 2008. – 215 с.
53. Котенков, М. С. Политический дискурс как актуальный объект лингвистического исследования [Текст] / М. С. Котенков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 9 (801). – С. 152–160.
54. Крапивкина, О. А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / О. А. Крапивкина. – Иркутск, 2011. – 200 с.
55. Крапивкина О. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства [Электронный ресурс] / О. А. Крапивкина, Л. А. Непомилов // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 9. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855> (Дата обращения: 14.06.2021).
56. Крапивкина, О. А. Теоретическое моделирование судебных дискурсивных практик [Текст]: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / О. А. Крапивкина. – Кемерово, 2019. – 393 с.
57. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2006. – 375 с.
58. Кремнева, А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект: на материале английского языка [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. / А. В. Кремнева. – Барнаул, 2019. – 378 с.
59. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики [Текст] / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.

60. Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв, фак. высш. учеб. заведений [Текст] / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 352 с.
61. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
62. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка [Текст] / Н. А. Кузьмина. – М.: Эдиториал УРСС, 2017. – 272 с.
63. Куликов, Ф. В. Диалогика политического англоязычного дискурса [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04. / Ф. П. Куликов. – Тамбов, 2013. – 203 с.
64. Ли, Ц. Лингвистические характеристики законодательного текста (на примере Конституции Российской Федерации) [Текст] / Ц. Ли // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет. – 2014. – С. 240–244.
65. Литвиненко, Т. Е. О статусе производных единиц с форматом «-текст» в современной теории текста [Текст] – Т. Е. Литвиненко // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2006. – № 3/1. – С. 184–188.
66. Литвиненко, Т. Е. Тексты, которым мы живём [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 120–126.
67. Литвиненко, Т. Е. Единицы интертекста [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008а. – № 21. – С. 91–98.
68. Литвиненко, Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография [Текст] / Т. Е. Литвиненко. – Иркутск: Изд-во

Иркутского государственного лингвистического университета, 2008б. – 308 с.

69. Литвиненко, Т. Е. Интертекст и его лингвистические основы [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Т. Е. Литвиненко. – Иркутск, 2008в. – 311 с.

70. Литвиненко, Т. Е. Лингвотеоретические аспекты изучения интертекста [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008г. – № 12. – С. 92–96.

71. Литвиненко, Т. Е. Латиноамериканский конституционный интертекст в свете проблем кодификации специальной лексики языка [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 262–280.

72. Литвиненко, Т. Е. Конституция как интертекст [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012а. – Т. 1. – № 17. – С. 77–83.

73. Литвиненко Т. Е. Прототипичность vs инвариантность в определении текста [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012б. – № 2 (18). – С. 140–147.

74. Литвиненко, Т. Е. Социокультурные коды конституционного дискурса [Текст] – Т. Е. Литвиненко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012в. – Выпуск 5 (638). – С. 300–310.

75. Лотман Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

76. Лотман Ю. М. Текст в тексте [Текст] / Ю. М. Лотман. // Избранные статьи в трех томах. – Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: «Александра», 1992. – С. 148–160.

77. Лукин, П. В. Древнерусские понятия "горожанин", "гражанин", "гражданин" [Текст] / П. В. Лукин // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 140–146.
78. Мазова, Е. В. Поэтика вставных текстов в романе Е. С. Байетт «Детская книга» [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.01.03 / Е. В. Мазова. – Великий Новгород, 2017. – 178 с.
79. Мартышко, Н. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. Ю. Мартышко. – Волгоград, 2015. – 201 с.
80. Махина, А. И. Политический дискурс как объект лингвистического исследования [Текст] / А. И. Махина, Е. Е. Коптякова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1 (80). – С. 347–349.
81. Мирошниченко, Д. А. Интерпретация права и правовое регулирование: юридический дискурс типов [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 12.00.01 / Мирошниченко Д. А. – Краснодар, 2012. – 191 с.
82. Михеев, А. А. Языковая личность А. С. Пушкина: интертекстуальность и прецедентность в дискурсах разных типов [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / А. А. Михеев. – Йошкар-Ола, 2018. – 176 с.
83. Моисеенко, Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Моисеенко. – М., 2015. – 403 с.
84. Мосесова, М. Э. Языковая репрезентация категории перформативности в англоязычном юридическом дискурсе (на материале текстов международных конвенций) [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / М. Э. Мосесова. – Пятигорск, 2020. – 202 с.
85. Москвин, В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология [Текст] / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – С. 51–61.

86. Москвин, В. П. Методика интертекстуального анализа [Текст] / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – С. 116–121.
87. Моташкова, С. В. Феномен интертекстуальности: итоги и проблемы исследования [Текст] / С. В. Моташкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 19–23.
88. Наземцева, М. А. Специфика концептуальной организации конституции и кодекса как ядерных жанров правового дискурса [Текст] / М. А. Наземцева // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов V (XIX) Международной конференции молодых учёных под редакцией Е. О.Третьякова. Томск. – 2018. – С. 79–80.
89. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи [Текст] / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева – М.: ИЯ РАН, 1996. – 172 с.
90. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебник для студ. учреждений высш. образования. 4-е изд-е, испр. [Текст] / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2014. – 272 с.
91. Новицкая, О. В. Интертекст как обязательная реальность художественного перевода [Текст] / О. В. Новицкая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 12 (805). – С. 126–140.
92. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... доктора филол. наук [Текст] / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2009. – 343 с.

93. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
94. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
95. Петрова Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англоамериканского короткого рассказа: монография [Текст] / Н. В. Петрова. – Иркутск: ИГЛУ, 2004. – 243 с.
96. Петрова Н. В. К проблеме соотношения понятий «Текст» и «Интертекст» [Текст] / Н. В. Петрова, М. А. Егорова // Вестник ИрГТУ. – 2013. – № 7 (78). – С. 303–306.
97. Полякова, А. А. Роль короны в британской конституционной системе [Текст] / А. А. Полякова // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 144–147.
98. Понизова, Е. В. Институт гражданства в монархической России [Текст] / Е. В. Понизова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 3. – С. 57–73.
99. Попова, Ю. К. Межтекстовые отношения и их трансляция (на материале англоязычных постмодернистских художественных текстов и их переводов) [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / Ю. К. Попова –Пермь, 2016. – 210 с.
100. Прюво, Ж. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения [Текст] / Ж. Прюво, А. П. Седых, Л. М. Бузинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 21–35.
101. Рыбачук, К. Ю. Интертекстуальность современного публичного выступления на английском языке [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / К. Ю. Рыбачук. – СПб, 2019. – 247 с.

102. Самтакова А. А. Гражданин и гражданственность [Электронный ресурс] / А. А. Самтакова, Л. А. Холопова // Понятие. – 2014. – Спецвыпуск №9. – Режим доступа: <http://ekoncept.ru/2014/14614.htm> (Дата обращения: 12.10.2019).
103. Саттарова Р. В. Средства моделирования властных отношений в политическом дискурсе (на материале дискурса Д. Кэмерона) дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Р. В. Саттарова. – Уфа, 2019. – 274 с.
104. Сафонов, А. Л. Нация и этнос в едином мире [Текст] / А. Л. Сафонов, А. Д. Орлов // Век глобализации. – 2013. – № 2. – С. 155-166.
105. Сидоренко, К. П. Пушкинское слово в интертекстовой динамике [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / К. П. Сидоренко. – СПб, 1999. – 354 с.
106. Скоробогатов, А. В. Легитимация закона в юридическом дискурсе [Текст] / А. В. Скоробогатов, А. А. Малик // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 1370–1378.
107. Слепухин, С. Н. Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20 / С. Н. Слепухин. – Чебоксары, 2014. – 250 с.
108. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные понятия прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.
109. Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – СПб: СПбГУ, 1995. – 156 с.
110. Солганик. Г. Я. Свой текст – чужой текст [Текст] / Г. Я. Солганик // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 327–335.

111. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца XX века. Сб. статей. [Текст] / Ю. С. Степанов – М.: РГГУ. – 1995. – 432 с.

112. Суханов, Ю. Ю. Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе (на примере предвыборной кампании США 2016 года) [Текст] / Ю. Ю. Суханов // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 4 (44). – С. 176–188.

113. Тибиныко, Н. Д. Репрезентация категории интертекстуальности в англоязычном политическом дискурсе (На примере СМИ) [Текст] / Н. Д. Тибиныко // Гуманитарный вектор. – 2016. – Том 12. – № 2. – С. 138–144.

114. Тихомирова, Л. С. Интертекстуальность как предпосылка нового знания в научном тексте [Текст] / Л. С. Тихомирова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 4. – С. 19–24.

115. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н. А. Фатеева. – 2-е изд., испр. – М.: Комкнига, 2006. – 280 с.

116. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. [Текст] / М. Фуко. – Пер. с фр., сост., комм. и послесл. С. Табачниковой. — М.: Касталь, 1996. – 448 с.

117. Хантакова, В. М. Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности: [Текст]: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / В. М. Хантакова – Иркутск, 2006. – 333 с.

118. Хантакова, В. М. Теоретическая модель интегративного взаимодействия синонимических единиц языка [Текст] / В. М. Хантакова // Вестник Бурятского государственного университета, 2010. – № 10. – С. 89–93.

119. Харькова, Ю. В. Моделирование перевода интертекстуальных смысловых рядов и геральдических конструкций в художественном тексте [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20 / Харькова Ю. В. – Уфа, 2017. – 185 с.

120. Хроменков, М. В. Стабильность и абстрактность Конституции Российской Федерации: Конституционный дуализм юридической (формальной) и фактической Конституции [Текст] / М. В. Пресняков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 5 (124). – 2018. – С. 15–22.

121. Хроменков, П. Н. Анализ текстов Конституций с позиций лингвоконликтологии [Текст] / П. Н. Хроменков // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2015. – № 4. – С. 83–90.

122. Царёв, А. Ю. О текстовых дефектах Конституции Российской Федерации [Текст] / А. Ю. Царёв // Пробелы в Российском законодательстве. – № 1. – 2015. – С. 53–60.

123. Чантуридзе, Ю. М. Интердискурсивность как часть когнитивного подхода к коммуникации (на примере победной речи Б. Обамы, 2008) [Текст] / Ю. М. Чантуридзе // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 140–144.

124. Червонюк, В. И. Толкование Конституции и конституционная герменевтика [Текст] / В. И. Червонюк, М. В. Саудханов // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 4. – С. 67–74.

125. Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации [Текст] / В. Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999. – 209 с.

126. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации [Текст] / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.

127. Шапиро, А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов [Текст] / А. Б. Шапиро // Доклады и сообщения Института Языкознания АН СССР. 1955. – № 8. – С. 69–87.
128. Шаргаева, Л. Н. К вопросу о кодовой интертекстуальности [Текст] / Л. Н. Шаргаева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 292.
129. Шевченко, М. С. Аргументативные схемы и их лингвистические показатели в юридическом тексте [Текст]: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / М. С. Шевченко – Ростов-на Дону, 2018 – 181 с.
130. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 432 с.
131. Ягудин, И. Р. Феномен гражданства в векторах измерения прав и свобод личности [Текст] / И. Р. Ягудин // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 2 (41). – С. 51–57.
132. Яровая, М. В. Историко-правовые аспекты формирования неписаной части Конституции Великобритании [Текст] / М. В. Яровая, Ф. Ю. Дерябин // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2018. – № 1 (29). – С. 34-46
133. Beaugrande, R.-A. de. Introduction to Text Linguistics [Electronic resource] / R.-A. de Beaugrande, W. U. Dressler. – Available at: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics. – 2002 (1981).
134. Bellamy, R. Citizenship: a Very Short Introduction. [Text] / R. Bellamy. – Oxford University Press, 2008 – 133 p.
135. Bullo, S. Investigating intertextuality and interdiscursivity in evaluation: the case of conceptual blending [Text] / Bullo, S. // Language and Cognition, 2017 – Vol. 9. – No 4. – P. 709–727.

136. Chaemsaithong K. From narration to argumentation: Intertextuality in two court-room genres [Text] / K. Chaemsaithong, Y. Kim // *Lingua*, 2018. – Vol. 203. – P. 36–50.
137. Chłopicki, W. Sophisticated humor against COVID-19: the Polish case / W. Chłopicki, D. Brzozowska // *Humor*, 2021. – Vol. 34. – No 2. – P. 201–227.
138. Dijk Teun A., van. What is Political Discourse Analysis? [Text] / Dijk van Teun A. // *Belgian Journal of Linguistics*, 1997 – Vol. 11. – No. 1. – P. 11–53.
139. Eco, U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts* [Text] / U. Eco. – Indiana University Press, 1979 – 273 p.
140. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. [Text] / N. Fairclough. – London, New York.: Routledge, 2003. – 270 p.
141. Fairclough, N. Intertextuality in critical discourse analysis [Text] / N. Fairclough // *Linguistics and Education*, 1992a. – Vol. 4. – No. 3–4. – P. 269–293.
142. Fairclough, N. Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis [Text] / N. Fairclough // *Discourse & Society*, 1992b – № 3 (2). – P. 193–217.
143. Foucault, M. *The Archaeology of Knowledge*. [Text] / M. Foucault Trans. A. M. Sheridan Smith. – New York, PANTHEON BOOKS, 1972. – 254 p.
144. Fox N. J. Intertextuality and the Writing of Social Research [Electronic resource] / N. J. Fox // *Electronic Journal of Sociology*, 1995. – Available at: <http://www.sociology.org/content/vol001.002/fox.html>
145. Genette, G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree* [Text] / G. Genette. – University of Nebraska Press, 1997. – 491 p.
146. Golev, N. D. Variability of News Interpretation in Political Discourse (A Case Study of the Internet Materials Covering the 2014 and 2018 Winter Olympic Games) [Text] / N. D. Golev, L. G. Kim, I. V. Saveleva //

Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 2021. – Vol. 14. – No 4. – P. 568-583.

147. Holthius, S. Intertextualität. Aspekte einer rezetionsorientierten Konzeption [Text] / S. Holthius. – Tübingen, 1993. – 178 s.

148. Kaz'mierczak, M. Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of "Literatures of Smaller Nations" [Text] / M. Kaz'mierczak // Russian Journal of Linguistics, 2019. – Vol. 23. – No 2. – P. 362–382.

149. Lachmann, R. Intertextualitaet als Sinnkonstitution [Text] / R. Lachmann // Poetica. – Hrsg. V. K. Maurer. Amsterdam, 1983. – Bd. 15. – S. 66–107.

150. Lachmann, R. Cultural memory and the role of literature [Text] / R. Lachmann // European Review, 2004/ – Vol. 12 (02). – P. 165–178.

151. Lakoff J. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. [Text] / J. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

152. Long, Y. Intertextuality Theory and Translation [Text] / Y. Long, G. Yu // Theory and Practice in Language Studies, 2020 – Vol. 10. – No. 9. – P. 1106-1110.

153. Nguyen, N. "This is similar to Vincent Chin": Intertextuality, referring expressions, and the discursive construction of Asian American activist identities in an online messaging community [Text] / N. Nguyen // Discourse & Society, 2021. – Vol. 32. – No 1. – P. 98–118.

154. Riffaterre, M. Semiotics of Poetry [Text] / M. Riffaterre. – London: Peter Nevill, 1978. – 213 p.

155. Riffaterre, M. The Intertextual Unconscious [Text] / M. Riffaterre. // Critical Inquiry. – № 13 (2), 1987. – P. 371–385.

156. Rosch, E. Cognitive representations of semantic categories [Text] / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology: General. Washington, D.C.: American Psychological Association, 1975. – Vol. 104. – P. 192–233.

157. Rosch E. et al. Basic Objects in Natural Categories [Text] / E. Rosch // *Cognitive Psychology*. 1976. – Vol. 8. – P. 382–436.

158. Rosch, E., Principles of Categorization [Text] / E. Rosch // *Cognition and Categorization*, E. Rosch and B. Lloyd (eds.), Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978. – P. 27–48.

159. Share, P. Managing intertextuality–meaning, plagiarism and power // Research Gate, 2005. [Electronic resource]. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/228770980_Managing_intertextuality-meaning_plagiarism_and_power

160. Schmidt, P. The World is One Never Ending Reference: Intertextuality and Memory in Cees Nooteboom's *Het volgende verhaal* [Text] / P. Schmidt // *Dutch Crossing-Journal of Low Countries Studies*, 2017. – Vol. 41. – No 1. – P. 44–56.

161. Wagner, A. Instrumentalization of law as a socially constituted sign-system [Text] / A. Wagner, A. Matulewska // *International Journal of Legal Discourse*, 2020. – Vol. 5. – No 2. – P. 127–130.

162. White, P. What is a nationality? [Text] / P. White // Macmillan, 2006. – P. 257–284. – Available at: <http://www.nationalityinworldhistory.net/ch1.html>.

163. Wygoda, T. F. Intertextuality, Hermeneutics and Textual Genetics: Edmond Jabes' *The Book of Questions* [Text] / T. F. Wygoda. – The Hebrew University of Ierusalem, 2016. – 36 p.

164. Yani, A. A., Hidayat, A. R. What is the citizenship quality in our community? [Text] / A. A. Yani, A. R. Hidayat // *Public Administration Issues*, 2018. – Special Issue 2. – P. 119–133.

165. Zhang, H. Intertextuality in retranslation [Text] / H. Zhang, H. Ma // *Perspectives-Studies in Translation Theory and Practice*, 2018. – Vol. 26. – No 4. – P. 576–592.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

166. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

167. Oxford Dictionary of Law / ed.by E. A. Martin. – Fifth Edition. Oxford University Press, 2003. – 552 p.

168. БЮС: Большой юридический словарь / автор-составитель Борисов А. Б. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

169. НЮЭ: Национальная юридическая энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://determiner.ru/termin/nacionalnost.html>

170. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. – РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 стр.

171. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 1998. – 1536 с.

172. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т / В. И. Даль. – СПб: Типография М. О. Вольфа, 1882. – Т. 1. – 629 с.

173. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т / В. И. Даль. – СПб: Типография М. О. Вольфа, 1882. – Т. 3. – 582 с.

174. Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. – Ninth Edition. West. A Thomson Reuters business. 1990. – 1943 p.

175. Dictionary of Law / ed.by P. H. Colin. – Fourth Edition. Bloomsbury Publishing Plc., 2004 – 337 p.

176. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

177. Свод основных законов империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire>
178. Федеральный Закон «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076357>
179. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/soslov.htm>
180. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1918) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1918\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1918))
181. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1925) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1925\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1925))
182. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1937) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1937\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1937))
183. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1978) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_\(1978\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР_(1978))
184. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
185. Уголовный Кодекс РСФСР 1926 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757374>
186. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «О выборах Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/
187. Universal Declaration of Human Rights. Available at: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html>

188. European Convention on Nationality. Available at: <https://www.coe.int/en/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/rms/090000168007f2c8>

189. Bill of Rights (1688). – Available at: <http://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2>

190. Blackstone's Commentaries on the Laws of England Book the First: Chapter the Tenth: Of People, Whether Aliens, Denizens or Natives // 2008 Lillian Goldman Law Library. – Available at: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk1ch10.asp

191. British Nationality Act 1730. – Available at: <http://www.uniset.ca/naty/BNA1730.htm>

192. British Nationality Act 1772. – Available at: <http://www.uniset.ca/naty/BNA1772.htm>

193. Representation of the People Act 1832. – Available at: https://books.google.com/books?id=Uq0uAAAIAAJ&pg=PA154&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

194. Representation of the People Act 1876. – Available at: <https://books.google.ie/books?id=jwBNAQAAMAAJ&pg=PA1082#v=onepage&q&f=false>

195. British Nationality and Status of Aliens Act 1914. – Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1914/2/section/1/enacted>

196. Representation of the People Act 1918. – Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1918/64/pdfs/ukpga_19180064_en.pdf

197. Representation of the People (Equal Franchise) Act 1928. – Available at: <http://statutes.org.uk/site/the-statutes/twentieth-century/1928-18-19-george-5-c-12-equal-franchise-act/>

198. British Nationality Act 1948. – Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted>

199. Immigration Act 1971. – Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents/enacted>

200. British Nationality Act 1981. – Available at:
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/enacted>
201. British Nationality (Falkland Islands) Act 1983. – Available at:
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1983/6/contents/enacted>
202. Representation of the People Act 1983. – Available at:
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1983/2/section/1/enacted>
203. Representation of the People Act 1985. – Available at:
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/50>
204. Representation of the People Act 1989. – Available at:
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/28/enacted>
205. British Overseas Territories Act 2002. – Available at:
<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/8/enacted>
206. United Kingdom national // Home Office . – Available at:
https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/801170/UKnational.pdf
207. GOV.UK // Types of British nationality. – Available at:
<https://www.gov.uk/types-of-british-nationality>
208. Hong Kong Act 1985. – Available at:
<https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/15>
209. Всеобщая декларация прав человека. – Available at:
<https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights>